

Государственный комитет Российской Федерации
по высшему образованию

Уральский государственный университет
им. А. М. Горького

Институт по переподготовке и повышению квалификации
преподавателей гуманитарных и социальных наук

Межвузовский центр проблем
непрерывного гуманитарного образования

И.Я. Лойфман, М.Н. Руткевич

ОСНОВЫ ГНОСЕОЛОГИИ

Екатеринбург
1996

Лойфман И.Я., Руткевич М.Н. Основы гносеологии. Екатеринбург: УрГУ, 1996. 176 с.

В книге с учетом современных достижений научной мысли человеческое познание окружающего мира и самого человека характеризуется как бесконечный творческий процесс постижения объективной истины на основе преобразующей действительность общественной практики. Особое внимание авторы уделяют анализу диалектических противоречий процесса познания, которые раскрываются через систему взаимосвязанных гносеологических категорий, таких как материя и сознание, объект и субъект, истина и заблуждение, практика и теория, необходимость и свобода.

Для студентов и аспирантов гуманитарных, естественно-научных и технических специальностей.

Рецензенты: д-р филос.наук, профессор
К. Н. Любутин;
кафедра философии Уральской
государственной юридической
академии

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное учебное пособие посвящено важнейшей составной части философии — теории познания, иначе называемой гносеологией. Проблематика теории познания, имеющей своим центральным вопросом отношение мыслей, чувств и вдохновляемых ими действий к окружающему нас материальному миру, чрезвычайно широка и многогранна. Вполне естественно, что авторы не могли в настоящем издании при его весьма скромном объеме охватить ее полностью, тем более что по каждой проблеме в философии — от древности до наших дней — существуют и сталкиваются различные, подчас полярные точки зрения.

Особенности данной книги, отличающие ее от других, достаточно многочисленных кратких изложений основ гносеологии, состоят в следующем.

Во-первых, авторы последовательно проводят точку зрения, которая связана с философским наследием К.Маркса и которую в XX веке стали называть диалектическим материализмом. Суть ее в том, что свойственное вообще материализму признание первичности материи по отношению к сознанию в онтологическом плане (сознание — функция, свойство высокоорганизованной материи) и гносеологическом плане (сознание человека в общем и целом отображает реальность, и поэтому мир познаваем на основе практической деятельности по его освоению) обогащено диалектикой как всеобщим учением о развитии мира, об историческом развитии человеческого познания.

Во-вторых, требование диалектического подхода реализуется авторами в попытке представить основные понятия (категории) теории познания в качестве достаточно стройной системы. Исходными, безусловно, являются категории материи и сознания, но они находят продолжение, обогащение, конкретизацию в категориях объекта и субъекта, истины и заблуждения, практики и теории, необходимости и свободы.

В-третьих, диалектический подход к проблемам познания находит выражение в признании многоуровневого взаимодействия познавательной, идеальной и практической, материальной деятельности людей, в ходе которого сознанию человека принадлежит активная, творческая роль в преобразовании, очеловечивании природы, общественных отношений, самого человека.

Авторы убеждены в том, что философия диалектического материализма, включая, безусловно, теорию познания, полностью отвечает современному уровню развития науки, находит блестящее подтверждение в ее новейших открытиях и, с другой стороны, способствует прогрессу научного знания, поскольку дает ему правильную философскую ориентацию, несовместимую с религией, мистикой, суевериями и разного рода шарлатанством. Эту связь хорошо выразил один из гениев естествознания XX века Альберт Эйнштейн: "Замечательный характер имеет взаимосвязь, существующая между наукой и теорией познания. Они зависят друг от друга. Теория познания без соприкосновения с наукой вырождается в пустую схему. Наука без теории познания (насколько это вообще мыслимо) становится примитивной и путаной"¹ Продолжая данное сопоставление, можно утверждать, что без связи с теорией познания не может быть подлинной науки, так же как без связи с наукой не может быть подлинной теории познания.

Данную книгу авторы рассматривают как научную монографию, органически связанную с решением учебно-педагогических задач. Она создана на основе одобренного Государственным комитетом Российской Федерации по высшему образованию учебного пособия "Диалектика и теория познания" (М.: Мысль, 1994), практически недоступного студентам, поскольку оно было издано крайне ограниченным тиражом.

ГЛАВА I

СОЗНАНИЕ И ПОЗНАНИЕ

Сознание с самого начала есть
общественный продукт.

К.Маркс, Ф.Энгельс

1. Сознание и бытие

Основной вопрос философии и две его стороны.
Основной вопрос философии — это вопрос об отношении сознания к материи, духа к природе, психического к физическому. Последовательное изложение теории познания требует обращения к этому вопросу, поскольку вторая его сторона — об отношении мысли о предмете к предмету мысли — неотделима от первой — об отношении мысли к материи, обладающей свойством мыслить; в равной мере это касается и форм чувственного познания: ощущения, восприятия, представления. Важно отметить глубокую внутреннюю связь этих двух отношений, а тем самым обеих сторон философского их рассмотрения. Надо идти от частного к общему. Моя мысль о лампе, стоящей на столе, вторична по отношению к мыслящему мозгу и к лампе. Но мозг есть часть нервной системы и всего тела человека, притом человека, находящегося в движении, воздействующего на мир в практике. Далее, индивид есть часть общества, общество же возникло из природы и является ее частью, т.е. частью природы в широком смысле — как материального мира. Точно так же лампа в нашем примере есть часть природы, созданной людьми из ее материала и по ее законам, так называемой второй, очеловеченной природы, т.е. опять же материального мира. Так что *это две стороны одного отношения* мысли к реальности и тем самым две стороны одного философского вопроса, классический пример раздвоения единого на противоположности.

Подчас пытаются найти в этом отношении третью, четвертую и т.д. стороны. Примером может служить предложение В.Д.Попова внести в философию “новинку”, смысл которой в следующем. В трактовке “обычных”, всем известных двух сторон

вопроса автор признает первичность материи по отношению к сознанию. Но он отвергает это решение в приложении к некоей третьей стороне основного вопроса философии, которую именует социолого-гносеологической; здесь, по его мнению, наличествует уже "иное паритетное отношение", ибо сознание "функционально первично"¹.

Идея паритетности материи и сознания не нова, на протяжении столетий она служила краеугольным камнем дуализма (о нем далее). Одной из его форм был психофизический параллелизм, который усматривал паритет в *онтологическом* взаимоотношении психического и физиологического, сознания и материи. В наши дни отход от марксизма как "материнского" учения многими его адептами и проповедниками совершается по преимуществу на основе запутывания *гносеологической* стороны рассматриваемого вопроса. Вот еще одно весьма характерное рассуждение такого типа.

И. Налетов утверждает, что "возможно решение основного гносеологического вопроса в пользу идеализма в *определенных случаях*". От случайности автор немедленно перескакивает к необходимости: "...отсюда следует признание *неизбежности* взаимодополнения этих позиций, их *паритетности* в сфере познания"² (курсив наш. — Авт.). Паритет означает в переводе с латыни равенство, равнозначность, равноценность. Логика автора потрясает: если имеются "определенные случаи", значит, можно считать явления факторами равнозначными.

В чем же заключается та реальная трудность, которая смущала умы многих великих материалистов прошлого, была разрешена Марксом, а теперь служит основанием запутаться самим и запутать читателя со стороны для людей, которые, судя по приводимым цитатам и предшествующим работам, прекрасно знают суть дела?

"Третья сторона" основного философского вопроса у В. Попова, как "случаи" у И. Налетова, оказывается не чем иным, как соотношением духовного и материального в человеческой деятельности. Действительно, деятельность человека отличается от поведения животных, даже высших, своей целесообразностью: сознание ставит цель, воля принуждает действовать в соответствии с целью. Мысль вроде бы первична, так как пред-

шествует действию. Данный пункт оказался камнем преткновения для материализма и всегда служил аргументом в пользу идеализма. Диалектический материализм подошел к проблеме с позиций признания человеческой практики, материальной деятельности людей связующим звеном между сознанием человека и миром — природой и другими людьми — и являющейся поэтому *источником и критерием* истинности познания. Далее об этом будет сказано более полно. Здесь же надо отметить, что с этих позиций наша мысль, *опережая действие*, должна рассматриваться как *отражение внешнего мира через призму человеческих потребностей*. Это действительно вопрос философский и социологический одновременно. Но для философии это все тот же гносеологический вопрос, все та же вторая сторона основного философского вопроса — об отношении мысли к предмету мысли и действия. Последовательно материалистическое его решение, учитывающее практику, делает ненужным его расщепление, выделение из него какого-то “третьего”, решаемого к тому же принципиально иным образом.

Единство сознания и материи в обеих сторонах рассматриваемого теоретического вопроса должно быть заложено в основу при определении сущности сознания. Сознание и материя, дух и природа, физическое и психическое — *понятия предельной широты*, и поэтому их определение может быть дано только указанием на их соотношение. Они определяются друг через друга; в этих определениях должны найти место обе стороны их взаимосвязи. Поэтому сознание (с позиций материализма) вторично по отношению к материи. Но данное определение требует пояснения, конкретизации. Сознание является *определенным свойством высокоорганизованной материи, человеческого мозга (онтологическое отношение)*, и *суть этого свойства в отображении материального мира (гносеологическое отношение)*.

Другой важнейший вопрос в понимании единства материи и сознания состоит в том, признавать ли таковое, и если да, то какое содержание вкладывать в понятие “единство”. В философии на протяжении всей ее истории большую роль играл дуализм, который признавал оба начала равноправными, не зависящими друг от друга и указанное единство отрицал. В онтологии

дуализм означал признание существования духа самостоятельной субстанцией, которая существует вне материи, но может временно соединяться с телесной субстанцией, например в теле человека. Эта духовная субстанция сосредоточена прежде всего во Вселенной в качестве бога, абсолютной идеи или какого-либо их эквивалента. Частица духа принимает вид души человека (в иных учениях не только человека), которая сохраняет существование и после его смерти. Ее удел может быть различным. Она продолжает жить, то ли воссоединяясь с богом, то ли переселяясь в других людей, в животных, в любые явления природы (первобытный анимизм). В гносеологическом плане дуализм наиболее последовательно был выражен И.Кантом: наши ощущения и мысли принципиально отграничены от материального мира, не похожи на него, перейти эту границу мы не в состоянии.

Не менее распространено истолкование этого единства как полного тождества, т.е. отождествления божественной или нашей собственной мысли (воли, ощущений и т.д.) с вещами. Отождествление мыслей божества с материальным миром характерно для идеализма объективного, в том числе для Гегеля. Отождествление наших ощущений с предметами, провозглашенное Д.Беркли в начале XVIII в., стало общим местом для многочисленных разновидностей идеализма субъективного. Если проводить эту точку зрения последовательно, то это неизбежно приведет к признанию других людей не более как комплексами моих ощущений и утверждению о существовании только моего "я". Абсурдна мысль, что со смертью каждого человека мир должен прекращать свое существование. Попытки уйти от солипсизма* обычно прикрываются заимствованием посылок либо у объективного идеализма (признание своей души частью божественной и тем самым превращение мира в божественное духовное начало; так и поступал Беркли), либо у материализма. В трудах Плеханова и Ленина показана полная логическая несостоятельность такого подхода на примере популярной в начале нашего века философии эмпириокритицизма³.

*От лат. solus (единственный), ipse (сам).

Однако отождествление может совершаться, так сказать, и с другого конца. Так называемый вульгарный материализм рассматривает сознание как особый вид материи. Еще в древности неведомая душа отождествлялась нередко с дыханием, с выходящим из нашей груди “духом”. Отсюда общий корень этих слов и сохранение в современном языке выражения “испустить дух”, что означает не только лишиться дыхания, но и умереть, освободить душу из “плена”. Стоицизм в древнегреческой философии рассматривал душу как особое материальное образование, смесь воды, воздуха и огня. Материализм той поры в лице Демокрита приписывал душе строение из мельчайших атомов. Но то, что было оправданным при неразвитости естествознания, становится неоправданным в XIX в. и тем более в конце XX в. Материалисты прошлого века, такие как Фогт и Молешотт, считали, что мысль вырабатывается мозгом наподобие того, как желчь вырабатывается печенью. В XX в. предпринимались попытки выдать излучения мозгом физических полей, прежде всего электромагнитного, за мысли, ждущие своей расшифровки. Особые упования возлагаются ныне на некое неуловимое ψ -поле, которое физики, однако, не могут никак обнаружить даже с помощью самых современных методов исследования и тончайших приборов.

Все эти трудности связаны с отсутствием *диалектического* подхода к единству материи и сознания как такой *специфической разновидности единства противоположностей*, когда одна из сторон является первичной по отношению к другой. Сознание не тождественно материи: оно есть ее особое свойство, притом не всякой материи, а только самой высокоорганизованной. Оно существует только вместе с этой материей, стало быть, в мире действительно нет ничего, кроме материи со всеми ее свойствами, в том числе сознанием. Но в то же время сознание надо отличать от материи; сознание не есть материя. Ленин выразил данное соотношение противоположностей в рамках их единства следующим образом. Критикуя И. Дицгена за уступки вульгарному материализму, согласившись с этим философом в том, что отличие материи от духа относительно, не чрезмерно, он отметил, что их абсолютное противопоставление допустимо только в пределах гносеологического отношения, а за этими пре-

делами "оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой"⁴.

Сознание как осознание бытия. Только человек осознает себя, свое бытие, т.е. выделяет себя из окружающего мира. Не только неживая природа, но и животные с высокоразвитой нервной системой не имеют сознания в точном смысле этого слова, не имеют его и создаваемые нами производящие несравнимо быстрее нас логические операции ЭВМ четвертого и последующих поколений.

Отражая окружающий мир в понятиях, человек осознает себя как субъект, противоположный объекту отражения. Целенаправленно регулируя свое поведение, человек осознаёт свои действия и планирует их в соответствии с сознательно поставленной целью. Эмоционально реагируя на внешние воздействия и внутренние состояния своего тела, человек осознает свои переживания, свое отношение к внешнему миру, способен испытывать сложные чувства (нравственные, эстетические и пр.). *Предметно-познавательное, оперативно-прогностическое и оценочно-мотивационное осознание бытия* — три ипостаси и три функции сознания, которые реализуются в жизни человека, в его словах и делах.

Мыслительная, волевая и эмоциональная формы психической деятельности человека неразрывно связаны между собой, причем ведущая роль в этой взаимосвязи принадлежит мышлению. Именно мышление человека лежит в основе осознания им бытия, делает осознанной в той или иной степени эмоционально-волевою сторону человеческой психики, оказывает влияние и на неосознаваемые психические явления (например интуицию, на формирование установок личности и др.). Впрочем, мышление, если его трактовать как оперирование обобщенными образами, шире сознания, ибо такого рода деятельность присуща не только человеку на разных уровнях его психики (интеллект наглядно-действенный, наглядно-образный, речемышлительный), но и высшим животным (интеллект антропоидов), и ЭВМ (искусственный интеллект).

Наличие неосознаваемого (бессознательного), интуитивного и т.д. в душе человека, его психике — факт, признаваемый

большинством философских направлений начиная с глубокой древности; в определенные эпохи религиозно-мистические направления в философии господствовали. Значение аффектов, "страстей", эмоций в поведении человека подчеркивалось и сторонниками рационализма в европейской философии Нового времени. Так, Спиноза отмечал, что "люди скорее следуют руководству слепого желания, чем разума"⁵ Кант проводил различие между "смутными" и "ясными" представлениями. Существенная роль отводилась бессознательному в природе как низшей ступени развития духа, содержащей в себе в потенции человеческое сознание, в монадологии Лейбница, в системах Шеллинга и Гегеля.

Всегда имевшие тесную связь с религией и поэтому никогда не сходявшие со сцены иррационалистические течения в философии оживились со второй половины XIX в., что было реакцией на успехи естествознания, на распространение материализма и позитивизма в образованных кругах общества. Представители иррационализма на первые роли стали выдвигать те элементы человеческой психики, которые обеспечивают непосредственную связь с реальностью, например веру (Кьеркегор), волю (Шопенгауэр, Ницше), интуицию (Бергсон). Гносеологические корни этого направления — раздувание, абсолютизация эмоционально-волевой стороны психических процессов, в том числе в процессе познания внешнего мира. Продолжающееся увлечение иррационализмом и мистикой имеет и глубокие социальные корни. Безусловно, эти течения выражали и выражают мировоззрение реакционных слоев общества. Но их широкое распространение связано со всеобщим разочарованием в плодах буржуазной цивилизации. Пессимистические настроения во время и после первой мировой войны нашли выражение в популярности "Заката Европы" О. Шпенглера. Великий кризис 1929–1933 гг., породивший безработицу и нищету миллионов, приход к власти в Германии фашизма с его теорией расизма и практикой геноцида, вторая мировая война, закончившаяся применением атомной бомбы, сползание к экологической катастрофе, опасность ядерного уничтожения человечества и т.д. — весь ход истории XX в. дает основания для пессимизма вообще, неверия в силу и мощь человеческого разума в частности.

В этом контексте заслуживают особого внимания попытки научного объяснения феномена бессознательного в физиологии высшей нервной деятельности и в психологической науке, в частности в раскрытии диалектики сознания и бессознательного в психике индивида (З.Фрейд) и в историческом развитии человечества (К.Юнг).

Всесторонней оценке философской основы и значения психоанализа Фрейда посвящена колоссальная литература⁶. При всей спорности концептуальной основы его теории и психиатрической практики представляется возможным выделить рациональные моменты в учении Фрейда о структуре психики личности. Фрейд полагал, что эта структура состоит из трех слоев: "оно", "я" и "сверх-я". "Оно" — это наследуемый древнейший слой психического, область бессознательного, инстинктивного первичного влечения, которое свободно от тех начал, которые обуславливают социальность психики. Однако формирующийся с момента рождения индивид в удовлетворении своих влечений коренным образом зависит от условий в семье, социальной среды в целом. Поэтому уже у ребенка формируется "я" как своеобразный посредник между "оно" и внешним миром. В "я" задействованы получаемые от среды восприятия, а также сознание индивида; функция "я" состоит в координации и управлении импульсами влечения и тем самым смягчении постоянного конфликта между индивидом и социальной средой. Далее, в процессе взросления формируется и следующий, более высокий слой психического — "сверх-я", в котором отлагаются господствующие в семье и обществе нравственные нормы.

Постоянно действующий, неискоренимый конфликт между "оно" (Фрейд отводил в нем главную роль сексуальному влечению — *libido*) и "сверх-я" может быть понят как отражение в психике человека реального противоречия между его первичными биологическими потребностями ("принцип наслаждения", по Фрейду) и социальными условиями, которые ограничивают возможности удовлетворения возникающих на основе этих потребностей инстинктивных влечений ("принцип реальности", по Фрейду). Фрейд нащупывает также диалектику взаимодействия отмеченных уровней психики, указывая, с одной стороны, на осознание влечений и, с другой стороны, на вытеснение осознанных

влечений в сферу бессознательного. В психике якобы наличествует “двойное бессознательное: скрытое, но способное стать сознательным, и вытесненное, которое само по себе и без дальнейшего не может стать сознательным”⁷.

Если Фрейд сосредоточил внимание на развитии психики индивида и опирался на эмпирические наблюдения сновидений, психических расстройств и выработал методы (далеко не бесспорные) их лечения, то начавший с увлечения фрейдизмом К.Юнг попытался, опираясь на обширный культурологический материал, связать онтогенез психики с его филогенезом, т.е. с развитием психики человечества в ходе его исторического развития. Для Юнга *личностное бессознательное* является проявление биологически наследуемого *коллективного бессознательного*: лишь “поверхностный слой бессознательного является в известной мере личностным”, “однако этот слой покоится на другом, более глубоком, ведущем свое происхождение и приобретаемом не из личного опыта”⁸.

Общая тенденция развития, по Юнгу, — повышение роли и значения сознания, логического мышления по мере прогресса цивилизации. “Рассуждения дикаря, — отмечает он, — представляют собой в основном бессознательную функцию”⁹. Логическое мышление, обращенное вовне (экстравертное), находится в противоречии с сознанием, обращенным вовнутрь (интравертным). Обе формы с необходимостью присущи как индивиду, так и обществу на любой ступени его развития. Но в Европе в Новое время преимущество получило первое, что нашло выражение в мощном развитии естествознания и техники в индустриальной цивилизации. Второе оказалось как бы под спудом, но со всей силой дало о себе знать, когда эта цивилизация породила такие чудовищные явления, как мировые войны, фашизм и т.д., которые Юнг рассматривает как проявления “коллективного безумия”.

Ограниченность учения Юнга несомненна. В тени остается социальный механизм складывания и наследования основных форм (архетипов) “коллективного бессознательного”, который может быть понят только при исследовании реального образа жизни этносов, прежде всего способа производства материальных благ и характера общественных отношений. Отмечаемые Юнгом черты “коллективного безумия” в нашем веке могут найти

рациональное объяснение как отражение внутренних социальных противоречий индустриального (а теперь и постиндустриального) общества и процесса мирового развития. Мы не ставим своей целью дать полный критический анализ концепции Юнга. Здесь достаточно отметить плодотворность обращения к социально-культурной основе бессознательного в психике и исторического подхода к ее изучению. Признание существования в психике человека всех исторически предшествующих ступеней не должно быть основанием для принижения разума, мышления, рациональности как высшей формы отражения мира и самого главного регулятора поведения человека.

Единство сознания и материи как единство отражательной деятельности и материального субстрата этой деятельности — рефлекторных систем человеческого мозга. Отражение в его простейшем виде может быть определено как способность тела воспроизводить в своей организации свойства других тел, воздействующих на данное. Всей материи, отмечал В.И. Ленин, можно предполагать, присуще свойство отражения, характер которого меняется с повышением уровня организации материи. Физические тела способны реагировать на внешние воздействия соответственно своей предыстории (например, явление гистерезиса). Простейшие живые организмы обладают раздражимостью и реагируют на действия среды целесообразно. Животные обладают органами чувств и реагируют на постоянные и временные условия существования с помощью рефлексов — безусловных и условных.

Сознание человека есть высшая форма отражения действительности, оно является функцией высокоорганизованной материальной системы — мозга. Согласно И.П. Павлову, особенностью человеческого мозга является наличие второй сигнальной системы в коре больших полушарий головного мозга — особой условно-рефлекторной системы, возникающей под воздействием речевых сигналов. Не случайно появление членораздельной речи ребенка становится возможным в возрасте примерно полутора лет, когда растущий мозг достигает определенной массы (примерно 750 г) и достаточной дифференциации.

Слово не может ни зародиться в голове человека, ни прийти в нее без какого-либо зрительного, звукового или осязательно-

го ощущения (на последнем основана азбука слепых), поэтому вторая сигнальная система оказывается неразрывно связанной с первой. Как установлено физиологией, у большинства людей левое полушарие головного мозга в основном ответственно за язык и речь, осуществляет переработку информации аналитически и последовательно, а правое управляет навыками, связанными со зрительным и пространственным опытом, перерабатывает информацию одновременно и целостно¹⁰.

Прогресс человеческого мышления и познания связан с созданием информационной техники, вооружающей органы чувств человека разного рода приборами, а его разум все более совершенной электронно-вычислительной техникой. Технические средства сбора и хранения, переработки и передачи информации расширяют материальный субстрат отражательной деятельности человека как социального существа, производящего себя и собственно социальную среду.

Единство сознания и материи находит выражение в *единстве мышления и материальной формы его выражения — языка*. Язык есть непосредственная действительность человеческого сознания, орудие общения людей. Речь — конкретная форма существования языка, обслуживающая отражение и общение. Отсюда двойное опосредование речевого высказывания. Являясь формой репрезентации (представления) сознания, речевое высказывание опосредовано отношением человека к другим людям и служит средством общения; являясь средством общения с другими, речевое высказывание опосредовано сознанием человека и служит формой его репрезентации. В речевом высказывании как акте человеческой деятельности общественное индивидуализируется, а индивидуальное обобществляется. Можно сказать, что предмет, ситуация и цель отражения являются вместе с тем предметом, ситуацией и целью общения. Как нет сознания без общения, так нет и общения без сознания*. Вот почему предметная, оперативная и оценочная ипостаси осознания бытия, опосредованные языком, выступают в качестве коммуникативных аспектов отражения, а выражение мыслей, воли и чувств людей входит в коммуникативную функцию языка.

*Подобный взгляд находим уже у Т.Гоббса, утверждавшего единство разума (ratio) и речи (oratio).

Слово позволило человеку выйти за пределы непосредственно-чувственного отражения вещей и осуществить переход к абстрактно-обобщенному мышлению, отображающему в вещах и отношениях между ними общее, вплоть до всеобщих законов. Являясь способом выражения мысли, язык служит средством развития мышления, формой конденсации социально-исторического опыта человечества.

Неразрывная связь слова и понятия, языка и мышления давно уже используется для провозглашения наряду с тезисом "вначале мысль была" тезиса "вначале было слово". Как известно, гетевский Фауст отверг этот вариант перевода на немецкий язык начальной фразы Священного писания: "Ведь я так высоко не ставлю слова, чтоб думать, что оно всему основа"¹¹.

В наши дни, когда тиражируемое прессой, радио, телевидением слово заполонило общество с невиданной силой, войдя в качестве основного кирпичика в систему информации, понимаемой в ее обычном, житейском смысле, появились высказывания, в которых информация провозглашается первичной по отношению к человеческим деяниям, более того, к материи как таковой. Обсудим сначала первый пункт, связанный с определением информации как "сообщения, уведомления о положении дел, сведений о чем-либо, даваемых людьми"¹². Например, акад. А.Н.Яковлев, будучи историком и идеологом, заверяет, что "все держится на знаниях, приобретении информации". Поэтому для него "гибель Древнего Рима — это гибель той информационной системы, которая прошла свой пик и начала деградировать".

Но на этом мысль автора не останавливается, он идет далее и пишет, что "в основе мира лежит не материя, а информация"¹³. Пойдем и мы вслед за А.Н.Яковлевым к более общему пониманию информации, фиксирующему ее связь с материей. Основатель кибернетики Н.Винер определял информацию как особое свойство систем с обратной связью: "количество информации в системе есть мера организованности системы"¹⁴. В этом смысле информация рассматривается в информатике, математике, философии как важнейший момент во взаимодействии высокоорганизованных систем, способных к самоорганизации и самоуправлению, как природных, так и созданных человеком технических систем и, наконец, людей, во взаимодействии между кото-

рыми информация действительно может приобретать вид сообщений, уведомлений, передаваемых тем или иным способом сведений (в том числе с помощью специально созданных технических устройств). Данное функциональное свойство материи тесно связано с другим ее свойством — отражением. Приведем четвертое (они располагаются по степени общности) определение информации из того же источника, откуда было нами взято первое: “Передача, отражение разнообразия в любых объектах природы”. Это определение, принадлежащее философу А.Д.Урсулу, зиждется на самом общем определении этого понятия, данном математиком акад. В.М.Глушковым: “Она представляет собою меру неоднородности распределения материи и энергии в пространстве и во времени, меру изменений, которыми сопровождаются все протекающие в мире процессы”¹⁵.

Все эти (и многие другие) определения информации так или иначе исходят из признания объективно существующей материи, из находящихся в движении и во взаимодействии тел природы. Именно потому, что информация вообще определяется как особое свойство систем, становится возможным дать ее частные определения, характеризующие информацию как способ общения между людьми, управления социальными процессами.

А.Н.Яковлев трактует всеобщность информации по-своему: “Все равно первична информация, материя и дух — вторичны”. Провозглашение одного из общих материи и сознанию свойств первичным по отношению к ним обоим не ново. Например, в конце XIX в., когда упоение успехами термодинамики в среде естествоиспытателей было, пожалуй, не меньше, чем сегодня упоение успехами кибернетики и информатики, видный немецкий физико-химик В.Оствальд писал, что считает “громадным выигрышем, если старое затруднение: как соединить понятия материя и дух — будет просто и естественно устранено подведением обоих этих понятий под понятие энергии”¹⁶.

Энергия есть одна из мер (наряду с импульсом и моментом количества движения) движения. Стало быть, материя и дух оказываются вторичными по отношению к атрибуту материи — движению, который характеризует и такое особое ее свойство, как сознание. Все переворачивается с ног на голову. В.И.Ленин справедливо (вслед за многими другими критиками Оствальда, на

которых он ссылается) отметил, что “энергетизмом” важнейший философский вопрос “не решается, а запутывается”¹⁷, более того, открывается возможность мыслить движение без материи. Думается, что А.Н.Яковлеву лавры Оствальда не дают спать спокойно. При этом следует учитывать существенную разницу между ними. В.Оствальд прославил свое имя великими открытиями в термодинамике, а экскурс в философию был не более чем эпизодом его научной биографии. Соответствующие по значению труды в области истории, принадлежащие перу А.Н.Яковлева, пока остаются неизвестными, но широкая общественность помнит его заверения в верности марксизму-ленинизму, всем его принципам.

Прогресс человеческого мышления связан с возникновением на базе естественного, звукового языка языков искусственных, приспособленных к особенностям мышления и общения в различных сферах человеческой деятельности, например искусственных языков науки (математический, логический и др.), техники (азбука Морзе, языки программирования и др.), искусства (хореографический, музыкальный и др.).

Единство мышления и языка — единство диалектическое, не исключающее различия. Слово есть материальная оболочка понятия, а понятие — идеальное содержание слова, и, таким образом, в единстве слова и понятия содержится также различие и противоречие материального и духовного. Вместе с тем структура мышления и структура языка не совпадают. Законы и формы мышления едины для всех людей, тогда как язык по своей лексике и грамматическому строю различен у многочисленных этносов, ранее существовавших (мертвые языки) и ныне существующих.

Происхождение человеческого сознания. Дарвин в книге “Происхождение человека и половой отбор” (1871), используя все имевшиеся к тому времени палеонтологические данные, обосновал положение о происхождении человека от высокоразвитой породы человекоподобных обезьян (антропоидов), живших в конце третичного периода. Однако Дарвин не смог удовлетворительно ответить на вопрос о причинах появления человека и его мышления, поскольку решающую роль и на этом этапе эволюции отводил биологическим факторам. Но, чтобы объяснить причины выделения человека из животного мира, недостаточно

быть материалистом лишь в понимании природы, для этого необходимо материалистическое понимание общественной жизни. Ответ на этот вопрос был дан Энгельсом в известном произведении "Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека"; в котором было обосновано положение, что труд создал человека.

Со времени Дарвина и Энгельса наука накопила массу нового материала, который позволяет раздвинуть временные рамки антропогенеза (с 1 до 2-3 млн лет согласно находкам Лики в Восточной Африке), иначе подойти к его периодизации, но все более подтверждает идею Дарвина о происхождении человека от антропоидов и идею Энгельса о решающей роли труда как в физическом, так и в духовном становлении человека.

Биологическая эволюция довела развитие животного мира до человекоподобных существ с высокоорганизованной нервной системой и сигнальной деятельностью. Превращение предков человека в человека, в существо, имеющее сознание и членораздельную речь, было результатом общественного труда. Гранью, отделяющей человека от человекоподобных предков, является производство различных орудий, опосредующих отношение человека к природе и к другим людям. Именно в процессе труда сформировался физический тип современного человека, и прежде всего его рука и лобные доли мозга, программирующие сложные формы поведения. Прямохождение, свободные верхние конечности и развитый головной мозг суть основные морфологические отличия семейства гоминид от других семейств отряда приматов. По уровню развития этих трех признаков можно характеризовать этапы антропогенеза: австралопитеки—архантропы—палеоантропы—современные люди¹⁸.

В процессе труда, который с самого начала имел коллективный характер, возникает такое орудие общения людей, как язык, а вместе с ним формируются вторая сигнальная система и способность к абстрактному мышлению. Процесс труда предполагает целеполагание, а это и есть новый тип отношения к природе, принципиально отличающий человека от животного. Поста-

*Эта статья была написана в 1876 г., вскоре после выхода в свет упомянутого труда Дарвина, но опубликована впервые лишь после смерти Энгельса.

новка, выбор цели и путей ее достижения невозможны без наличия сознания. С самого начала, с первых шагов существования человека оно не было зеркальным отражением действительности, так как одновременно отражало и предмет, и потребность человека изменить предмет так, чтобы он удовлетворял его, и средства достижения этой цели. Сознание есть творческое воспроизведение действительности, в нем наличествует элемент фантазии и предвидения результата практического воздействия человека на мир. Со временем эта способность получила колоссальное развитие в научном, техническом творчестве, в произведениях высокого искусства, в проектах переустройства общества.

Сознание как общественное сознание. Процесс возникновения сознания с самого начала был обусловлен трудом и коллективным образом жизни человека. Это значит, что сознание людей всегда было *общественным сознанием*, обусловленным *общественным бытием*, прежде всего общественным производством. Отношение общественного сознания к общественному бытию является уже не только философским, но и социологическим вопросом.

Наиболее сложным является вопрос о связи социальной и физиологической основ человеческого сознания. Его социальная основа — общественное бытие, труд и общение с другими людьми — накладывается на физиологическую основу, действует через нее. Неверно было бы считать человеческое сознание обусловленным только процессами, происходящими в мозгу индивида. Оно есть продукт предметной деятельности индивида, которая неотделима от практической деятельности общества, включая общение людей друг с другом.

На ранних этапах истории человечества сознание было непосредственно “вплетено” в акт практического действия. Впоследствии эта “вплетенность” проявляется в рефлексивной деятельности человека, но не только в ней. Непосредственная связь сознания и действия имеет место и в самых сложных видах практики, поскольку через волевое напряжение достигается подчинение деятельности ума, руки, всех органов тела единой цели. Но развитие человеческого мышления означает возрастание его способности отрываться от непосредственного действия, его относительной самостоятельности, которая находит свое высшее

выражение в научной теории. Связь мышления с предметной деятельностью становится, таким образом, гораздо более сложной и опосредованной.

Физиологическая основа сознания — вторая сигнальная система, опирающаяся на действие наследственно передаваемых мозговых структур, — функционирует только благодаря социальному фактору — воспитанию индивида обществом, усвоению им языка и трудовых навыков, норм общения и т.д. Однако обусловленность мышления трудовой или — более широко — предметной деятельностью общественного человека не означает, что оно перестает быть функцией вполне определенного телесного органа — мозга. Настаивая на значении социальной основы мышления, нельзя забывать о его физиологической основе. Некоторые философы концентрируют внимание на роли социальной среды в становлении человека, особенно при обучении слепоглухонемых от рождения. Так, односторонний подход привел Э.В.Ильенкова к утверждению, что идеальное «существует не в голове, а с помощью головы в реальной предметной деятельности человека»¹⁹. В этом суждении первое отрицается ради утверждения второго. Однако нелепо отвергать положение, доказанное физиологией, что мысль находится, «гнездится», функционирует в мозгу, ради признания тезиса, что мышление есть социальный процесс, обусловленный практикой. Верно, вне общества нет мышления. Мозг человека, лишенного в раннем детстве социальной среды, мыслить не научается. Зафиксировано более тридцати случаев, когда дети, в раннем возрасте попавшие в джунгли, оторвавшиеся от людей, но затем вернувшиеся к ним, не смогли нормализоваться. Эти маугли (как их можно назвать по имени персонажа книги Р.Киплинга) служат живой, хотя и печальной иллюстрацией того факта, что мышление не может рассматриваться просто и только как физиологический процесс.

Сознание есть общественный продукт, причем сознание индивида как общественного существа зависит от его положения в системе общественных отношений. Сознание каждого человека — это его субъективно реальный мир, самоценный и неповторимый, сформировавшийся в процессе его жизнедеятельности в определенной культурно-исторической среде и имеющий индивидуально-личностный характер. Иначе говоря, сознание человека

есть *индивидуальное сознание*. Далее, каждый человек принадлежит к той или иной социальной общности — этнической, профессиональной, демографической, поселенческой, классовой и т.д., что позволяет говорить о *групповом сознании* (этническом, классовом, профессиональном и т.д.). Известный французский социолог Э.Дюркгейм писал, что “группа думает, чувствует, действует совсем иначе, чем это сделали бы ее члены, если бы они были разъединены”²⁰. Наконец, каждый человек как представитель рода человеческого способен к труду и общению, обладает родовыми, общечеловеческими качествами, которые приобретают конкретно-историческую форму в обществе с определенным способом производства материальной жизни и определенным типом культуры, что дает основание для выделения *общечеловеческого (родового) сознания и общественного сознания* (в широком смысле).

Индивидуальное (единичное), групповое (особенное) и общее (общечеловеческое) в бытии человека, в сфере его интересов воспроизводятся в сознании. Противоречивое единство *единичного, особенного и общего* в сознании социального индивида отнюдь не исключает признания как особых реальностей индивидуального, группового и общественного сознания, поскольку и индивид, и социальная общность, и общество как система существуют объективно. Так, общественное сознание вырабатывается обществом в целом и существует в многообразных формах, в которых осознаются те или иные аспекты общественного бытия (политическое сознание, правовое сознание, мораль) или мир в целом в его отношении к человеку и человек в его отношениях к миру (сознание художественное, религиозное, научное, философское)²¹.

Однако следует подчеркнуть, что и групповое сознание, и сознание общества, являясь специфическими, как бы надличностными духовными образованиями, вне индивидуального сознания не существуют. Сознание других людей, социальных групп, общественное сознание существуют независимо от сознания данного индивида. Это обстоятельство подчас выражают термином “объективно”. Но это совершенно *иная объективность*, чем тел природы, поскольку мысли в чужой голове также есть функция мозга, только не моего, а другого человека, других

людей. Они находятся вне моего сознания, но они часть сознания общечеловеческого, которое вторично по отношению к природе, а также общественному бытию в целом.

Общая тенденция развития человеческого сознания — возрастание роли и значения понятийного, абстрактного мышления в психической жизни. В развитии разума (вопреки утверждениям мистиков и иррационалистов) мы видим *магистральный путь развития человеческого сознания*. Если современный человек по своему физическому типу по сравнению с кроманьонцем изменился весьма незначительно, то человеческое сознание проделало за это время поистине колоссальный путь. Коренной причиной развития мышления является совершенствование трудовой деятельности. Переход людей от примитивных орудий к более сложным, от каменных к металлическим означал вступление в век цивилизации. "...Существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления, — писал Энгельс, — является как раз *изменение природы человека*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу"²².

Развитие человеческого мышления является прежде всего развитием его содержания. Но содержание мышления неотделимо от способности мыслить. Каждый ребенок кратко повторяет биологическое и умственное развитие человечества, и поэтому наблюдения психологов за развитием ребенка дают чрезвычайно ценный материал для философии. Эти наблюдения свидетельствуют о том, что у ребенка развитие способности мыслить идет параллельно с развитием содержания мышления, с умножением его знаний об окружающем мире. Например, геометрические аксиомы вроде той, что прямая есть кратчайший путь между двумя точками, которые Кант считал врожденными, на деле вовсе не являются таковыми. Представление о них появляется у ребенка лишь на определенной ступени его умственного развития, накопления им жизненного опыта. Так же обстояло дело и в процессе исторического развития человеческого мышления. Кажущееся сейчас "врожденным" знание аксиом геометрии или правил логики имеет опытный характер, усваивалось постепенно, в ходе исторического развития практики.

Хорошо известно, что человек в процессе мышления может ошибаться, нарушать правила логики. Но правильное мышление — а именно его прогресс составляет суть прогресса человеческого сознания — есть мышление в точном соответствии с имманентно присущими ему логическими законами. Мышление является отражением мира не только по своему содержанию, но и по форме: законы мышления, правила логики суть *отражение* наиболее общих связей между вещами, и поэтому всякое мышление является логическим. Различия между мышлением первобытного и современного человечества весьма значительны, но они суть различия не в типе мышления, а в степени его развития. “Так как процесс мышления, — писал Маркс, — сам вырастает из известных условий, сам является *естественным процессом*, то действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же, отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития, следовательно, также и от развития органа мышления. Все остальное — вздор”²³. Мышление человечества будет развиваться и далее по мере овладения людьми природой и стихийными силами общественного развития.

В этой связи нельзя пройти мимо увлечения в нашей стране во второй половине 80-х годов понятием “новое мышление”. Это поветрие возникло под воздействием многочисленных выступлений М.С.Горбачева, который выдвигал тезис о необходимости нового мышления во внутренней и особенно внешней политике. В последней под новым мышлением понималось предложение учесть опасность ядерного уничтожения всего человечества и посему мирно разрешать возникающие между государствами конфликты. Явилось ли это чем-то настолько новым, чтобы получить название нового мышления хотя бы в политической сфере? Представляется, что нет; достаточно напомнить о манифесте А.Эйнштейна и Б.Рассела, опубликованном почти полвека назад. Но и как ориентир внешней политики Советского Союза “новое мышление” было понято его противниками как признак надвигающегося поражения в “холодной войне”. Они-то, и прежде всего США, продолжали проводить свой курс под флагом первенства национальных интересов и продолжают его поныне. Реальный ход событий показал, что благодушные призывы, подобные известному обращению кота Леопольда к своим

коллегам по известному мультфильму: “Ребята, давайте жить дружно!”, — мало влияют на политическое мышление и политическую практику в современном мире.

К сожалению, воспитанные десятилетиями на “подхватывании” и “конкретизации” высказываний партийных лидеров пропагандисты нового мышления, в том числе немало ученых-обществоведов, стали говорить и писать о необходимости нового мышления вообще и прилагали его к самым разным содержательным сферам мышления, что внесло в умы немалую путаницу. О возможности появления нового мышления “вообще” было сказано выше. Что же касается отдельных областей познания, то революционный переворот в них может быть в иных случаях выражен этим термином. Например, возникновение квантовой механики и теории относительности, применение в них нового математического аппарата подчас называют новым физическим мышлением.

Исторические формы сознания. Исходя из исторического материального субстрата общественной жизни можно выделить во взаимодействии общества и природы три основных периода: биогенный, техногенный и ноогенный²⁴. Период от появления на Земле неолита вплоть до неолита характеризуется преимущественно присвоением готовых продуктов природы путем собирательства, охоты и рыбной ловли, этот период можно назвать биогенным. Развитие скотоводства и земледелия, а затем промышленности составляет содержание техногенного периода взаимодействия общества и природы. Отношение к природе как к объекту эксплуатации, характерное для этого периода, привело в наше время к ухудшению окружающей среды в планетарном масштабе, к угрозе физического исчезновения человека. Исторической необходимостью становится научно обоснованное регулирование взаимодействия общества и природы, оптимизация обмена веществ и энергии между природой и человеком на основе разработки безотходных и энергосберегающих технологий, совмещения естественных и искусственных цепей в экологических системах. Ноогенный период взаимодействия общества и природы, нарождающийся сегодня, предполагает преодоление антагонизма между обществом и природой, гармонизацию чело-

веком взаимосвязи с природой как своим “неорганическим телом” (К.Маркс). В данном пункте материалистическое понимание истории человечества смыкается с выросшей на естественно-научной почве эволюционной концепцией единства человека и природы, причастности человека к жизни космоса и его ответственности за ход природных процессов, которая разрабатывалась со второй половины XIX в. в трудах В.В.Докучаева и В.И.Вернадского, Н.Ф.Федорова и К.Э.Циолковского, В.С.Соловьева и Н.К.Рериха, Н.Г.Холодного и А.Л.Чижевского. Эта гуманистическая концепция, получившая название русского космизма, обосновывает необходимость единения человечества с природой и построения цивилизации, свободной от чисто потребительского отношения к ней. Венцом русского космизма считается учение В.И.Вернадского о ноосфере, “о перестройке биосферы в интересах свободного мыслящего человечества как единого целого”²⁵.

Таким образом, высшая форма отражения — человеческое мышление — есть продукт длительного исторического развития. Вот почему данное ранее определение сознания как *особого свойства высокоорганизованной материи, сущность которого состоит в отражении мира*, после выяснения вопроса о его происхождении находит свое продолжение и дополнение в определении сознания человека как *продукта общественного развития*.

2. Познание как отражение объективного мира

Сущность познавательной деятельности сознания. Основной водораздел в вопросе об отношении сознания к миру, а тем самым о возможности его познания проходит между материализмом и идеализмом. Выше подчеркивалось, что для материализма сущность познавательной деятельности сознания состоит в *отражении* им реальности. Если мы признаем, что окружающий мир материален, существует независимо от сознания, а сознание является свойством мозга, особого вида материи, то вполне логично признать, что наши ощущения и мысли, будучи в

последнем счете продуктами природы, должны соответствовать ей. Соответствие предполагает определенное сходство, и в этом смысле говорится об отражении сознанием бытия. Биологическая приспособленность человека к природе свидетельствует, что сознание дает в основном верные образы, снимки, копии реальности и, стало быть, человечество познает мир таким, каков он есть на самом деле, и никаких принципиальных границ между познающим сознанием и вещами нет.

Выдвигая на первый план познание внешнего мира, не следует, конечно, упускать из виду, что объектом познания могут быть психические процессы, эмоциональный мир свой и иного человека, чужие и собственные мысли. Познание внешнего мира происходит в процессе мышления, в котором человек оперирует понятиями сообразно их содержанию. Уже поэтому познание так или иначе оказывается самопознанием. Однако познание глубин человеческого "я", равно как и самых абстрактных мыслительных схем в математике, философии, логике, в последнем счете оказывается познанием материального мира и нашего к нему отношения.

Каждому здравомыслящему человеку, далекому от философии, позиция материализма кажется само собой разумеющейся: сталкиваясь в повседневной практике с явлениями природы и общества, человек познает их. Стихийное убеждение человечества в возможности познания природы формируется и вырастает из практики. Принципиальное различие между стихийно-материалистическим мировоззрением, свойственным обыденному сознанию, здравому смыслу, и философским материализмом состоит в том, что в последнем *сознательно* ставится вопрос об отношении мышления к окружающему миру и *доказывается* тезис о принципиальной познаваемости мира с привлечением всей совокупности данных науки и практики.

Принципиально иным образом вопрос этот решается идеализмом. Подчас высказывается мнение, что во всех идеалистических концепциях отрицается познаваемость мира, что все они не признают достоверность человеческого знаний, объективную истину, считают, что мир полон "вещей в себе", и т.п. Это весьма распространенное, но упрощенное, догматическое воззрение, приравнивающее идеализм к агностицизму, не дает возможности

понять реальные различия между многообразными философскими концепциями в гносеологии. Следует отличать агностицизм (от греч. *agnostos* — непознаваемый; учение, отрицающее возможность познания мира) от идеализма.

Действительно, для последовательного объективного идеализма, приписывающего миру духовную сущность, характерен положительный ответ на вопрос о познаваемости мира. Ф.Энгельс отмечал, что, “например, у Гегеля утвердительный ответ на этот вопрос подразумевается сам собой...”²⁶. Если считать природу “инобытием” “абсолютной идеи”, а сознание — особым ее воплощением, то отсюда вытекает, что и природа, и сознание едины по своей сущности. “Абсолютная идея” Гегеля познает самое себя, и поэтому познание природы человеком выглядит как момент самопознания “абсолютной идеи”. В последовательном субъективном идеализме также содержится идея познаваемости мира. Если сводить мир к ощущениям или мыслям, порождаемым деятельностью человеческого “я”, то вполне допустимо предположение, что это “я” может познавать свои собственные продукты. Весь вопрос в том, что при этом понимается под объектом познания, миром вообще.

Признание познаваемости мира с позиций материализма поэтому коренным образом отличается от сходного по форме тезиса идеализма. Материализм настаивает на познании не мнимого, а реального мира; идеализм — на познании неких продуктов божественного или человеческого сознания, якобы находящихся в реальных вещах свое воплощение. отождествляя мышление с бытием, идеализм отвергает принцип отражения. Материализм, напротив, исходит из принципа отражения, в котором спаяны воедино две основные посылки: *признание существования независимо от сознания внешнего мира и его отражения в человеческой голове.*

С первой из этих посылок начинается материализм: без признания объективного существования вещей понятие отражения лишается смысла. О копиях, или образах (в особом смысле), подчас толкуют и некоторые “реалисты”, представители объективного идеализма. Они соглашаются с тем, что наши представления могут иметь сходство с реальностью, но с “небольшой” поправкой, которая в корне меняет суть дела. Под реальные ве-

щи и отношения подставляется бог, какой-либо его суррогат, существующие вне человека, “витающие в небесах” абстрактные понятия и т.п. На этой ложной основе за человеческими представлениями признается известное сходство с вещами, но лишь постольку, поскольку сами вещи трактуются как производное от идей, существующих вне человеческого сознания. Сходство вещей, которые приобретают призрачный характер, с ощущениями и мыслями о них либо понимается извращенно, либо вообще отвергается. Так, для представителя неотолизма Ж.Маритена истина есть не соответствие ощущений и мыслей вещам, а, наоборот, “соответствие вещи интеллекту”²⁷, ибо для него общее в понятии (и в боге) существует актуально, а в вещах — только в возможности. Представитель американского “перцептивного реализма” Д.Пратт признает, что за восприятием существует объект, который имеет логическую природу, но вместе с тем он считает, что “сознание репрезентирует объекты символически” и “эта символизация не предполагает того, что знание есть копия объекта”²⁸.

Принцип отражения отгораживает материализм в теории познания также и от субъективного идеализма. Последователи Беркли так или иначе отождествляют ощущения с вещами. Суть дела не меняется, когда отождествляют с вещами не просто восприятия, а комбинации восприятий и мыслей либо даже логические структуры. Достойна внимания в этой связи борьба сторонников материализма, в том числе Плеханова и Ленина, с представителями популярного в начале XX в. эмпириокритицизма (махизма).

Критикуя представления Авенариуса, Ленин противопоставлял принцип отражения всем вариантам “принципиальной координации” (т.е. невозможности существовать друг без друга) между “я” и “не-я”. “Спрашивается, — писал он, — как могут люди, не сошедшие с ума, утверждать в здравом уме и твердой памяти, будто “чувственное представление... и есть вне нас существующая действительность”? Земля есть действительность, существующая вне нас. Она не может ни “совпадать” (в смысле: быть тем же) с нашим чувственным представлением, ни быть с ним в неразрывной координации, ни быть “комплексом элементов”, в другой связи тождественных с ощущением, ибо земля

существовала тогда, когда не было ни человека, ни органов чувств, ни материи, организованной в такую высшую форму, при которой сколько-нибудь ясно заметно свойство материи иметь ощущения”²⁹.

Эмпириокритицизм давно сошел со сцены, но целый ряд течений философии XX в. по-прежнему восходит к постулату Дж.Беркли: “Существовать — значит быть воспринимаемым”. Таковы представления об объекте как корреляте сознания в феноменологии Э.Гуссерля, о “языке как доме бытия” в экзистенциализме М.Хайдеггера, о “соответствии слов и вещей” в герменевтике Х. Г.Гадамера³⁰ и др.

Логика “принципиальной координации” и аналогичных концепций закрывает путь для научного исследования кардинальных проблем, в частности такой, как единство человека и Вселенной. Например, выдвинутый в 1973 г. Б.Картером антропный космологический принцип гласит: “Вселенная (и, следовательно, фундаментальные постоянные, от которых она зависит) должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей”³¹. Стало быть, в “фундаментальных постоянных”, т.е. константах физики (таких, как скорость света), якобы уже содержится “наблюдатель”, т.е. сознание. Но появление сознания определяется не наличием указанных констант (они объективно существовали до человека и до их открытия), а тем, что на различных стадиях эволюции Вселенной появляются новые возможности формообразования и поэтому создаются условия для существования жизни и разума. Как возникают жизнь и сознание — проблема. Идеалистическое миропонимание по сути дела снимает ее соображениями о запрограммированности появления разумной жизни “сверхинтеллектом”, заявлениями о том, что наблюдатель, мол, столь же существен для появления Вселенной, как Вселенная для появления наблюдателя³².

Критика агностицизма. Агностицизм, отрицающий возможность познания мира, нуждается в специальном рассмотрении. Исторически агностицизму предшествовал скептицизм. В настоящее время термин “скептик” приобрел более широкий смысл: скептиком обычно называют человека, который в чем-либо сомневается. Философский скептицизм означает сомнение в возможности познания мира. Древнегреческие и римские фило-

софы — последователи этого направления — полагали, что любое суждение, высказанное о предмете, может быть дополнено контрсуждением, в котором высказывается противоположная мысль. Например, говорят, что мед сладок, однако больной желтухой скажет, что мед горек. Тому, кто утверждает, что люди добры, можно возразить: люди злы, и это тоже будет по-своему верно. Коль скоро о вещах можно с равным правом высказывать противоположные суждения, вопрос о достоверности этих суждений для скептика остается открытым³³. Тезис о равносильности аргументов за или против любого положения приводит к выводу, что истина якобы непостижима.

Скептицизм был возрожден в XVII в. Бейлем во Франции и получил продолжение в XVIII в. в агностицизме Канта и Юма, оказавших большое влияние на последующее развитие философской мысли. Признавая существование реального мира, Кант утверждал, что его принципиально нельзя познать. Он исходил из того, что вещи, воздействуя на людей, вызывают в них чувственные восприятия, или, по его терминологии, вещи “являются” в чувствах. “Явление” Канта — это отнюдь не физическое явление реального мира, а лишь то, как нам вещь является. Между явлением (феноменом) и вещью в себе (ноуменом) лежит непроходимая пропасть, “перескочить” через нее человеческому разуму не дано — таков вывод Канта в “Критике чистого разума”. В “Критике практического разума” он дополняет этот вывод утверждением, что переход от явлений к вещам (трансцензус) возможен, но не для разума, а для веры. Учение Канта было воскращено во второй половине XIX в. и получило в современной философии широкое распространение. Неокантианская интерпретация Канта по существу не отличалась от фихтеанской: сознание о предмете есть лишь сознание производимого мною представления о предмете³⁴.

В процессе истории учение Канта подвергалось критике со стороны не только материалистов, но и идеалистов. Материалисты его критиковали за отрицание познаваемости “вещей в себе”, идеалисты и более последовательные агностики — за допущение существования “вещей в себе”. Классиком агностицизма принято считать Юма. Однако Кант, во многом следовавший за Юмом, тем не менее критиковал его за отрицание объективного

существования вещей. В свою очередь многочисленные последователи Юма подвергли основательной критике кантианство за признание “вещей в себе”; неокантианцы в этом коренном пункте оказались ближе к Юму. И действительно, если явление понимать подобно Канту, т.е. как ощущение, то доказать факт существования “вещей в себе” логически невозможно.

Юм был последовательнее Канта: все, что я имею, считал он, это чувственные восприятия, а откуда они появились, я не знаю и не могу знать. Возможно, за чувственными восприятиями скрываются вещи, как уверяют материалисты. Но возможно и другое — эти восприятия возбуждает во мне бог, как уверяют идеалисты. Юм ограничился восприятиями, и только восприятиями, как данным и утверждал, что выйти за их пределы невозможно. Если для Канта мир объективно существует, но адекватное познание его невозможно, то Юм сомневается в самом объективном существовании мира.

Идеи Канта были подвергнуты весьма основательной критике Гегелем. Гегель писал, имея в виду кантовскую “вещь в себе”, что если мы знаем, что вещь существует, и мы знаем ее свойства в результате полученных от нее ощущений, то мы тем самым знаем и саму вещь.

Эмпириокритики конца XIX — начала XX в. колебались между берклеанством и юмизмом. Что касается современных последователей этого философского течения, то к ним можно отнести неопозитивистов. Так, Б. Рассел почти дословно повторяет Юма: “Я не познаю непосредственно столы и стулья, а познаю только определенные действия, которые они производят во мне”³⁵.

Агностицизм был подвергнут решительной критике материалистами: французскими мыслителями XVIII в., Фейербахом, Н.Г. Чернышевским. Так, высмеивая “иллюзионистов”, утверждавших, что у человека имеются не две руки, а две группы восприятий, Чернышевский назвал кантианство “новой формой средневековой схоластики” и “метафизическим вздором”. “Говорить, что мы имеем лишь знание наших представлений о предметах, а прямого знания самих предметов у нас нет, — писал он, — значит отрицать нашу реальную жизнь, отрицать существование нашего организма”³⁶.

Роль практики в познании. Наследуя достижения тысячелетнего развития материалистической мысли, диалектический материализм развил далее аргументацию своих предшественников в теории познания. В понимании процесса отражения коренное отличие диалектического материализма от предшествующего материализма характеризуется двумя основными взаимосвязанными моментами.

1. Старый материализм был материализмом *созерцательным*. Это означает, что отражение внешнего мира и в чувственном познании, и в абстрактном мышлении понималось как непосредственный результат воздействия природы и общественных условий на пассивно созерцающего мир человека, причем человек брался внеисторически, абстрактно, как особое (в биологическом отношении) существо, наделенное природой не только чувствами, но и разумом.

В этом воззрении, безусловно, содержится большая доля истины. Тезис об ощущении как результате воздействия предметов внешнего мира на органы чувств верен. Но все дело в том, что это не одностороннее действие. Во взаимодействии человека с природными и общественными условиями активное сознательное воздействие людей на условия их жизни является *ведущей* стороной. К.Маркс отмечал: "Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно"³⁷.

Деятельная сторона человеческого существования в противоположность старому материализму превозносилась идеализмом, но понималась им односторонне, как деятельность сознания. Маркс же впервые объяснил человеческую деятельность как деятельность материальную и духовную одновременно, в которой материальная, чувственная, предметным образом изменяющая мир сторона является определяющей. Понятие "практика"*, которое издавна служит для обозначения человеческой деятельности, у Маркса приобрело глубокий материалистический и диалектический смысл.

*От *praktikos* (греч.) — деятельный

До тех пор пока человек рассматривается только как пассивный объект воздействия природных и общественных условий, невозможно объяснить, откуда появляются в его сознании представления, не имеющие прямого аналога в окружающем мире. Активность сознания, его способность создавать новое, предвидеть результаты воздействия человека на реальные объекты, а также дальнейшее развитие процессов природы могут быть поняты только как следствия творческого характера человеческой практики. Сознание отображает не только то, что уже есть в объекте, но и потребности, интересы, запросы человека, которые из практики вырастают и только в ней могут найти разрешение.

Мысль и природа, наше представление об объекте и сам объект связаны через практику. Путь от мысли к предмету, равно как от предмета к мысли, идет через практическую деятельность. Мысль движется к объекту, поскольку сознание вырабатывает цель, а в практическом действии происходит ее осуществление и тем самым "опредмечивание" мысли. Путь от предмета к мысли о нем требует воздействия на предмет, его изменения. Изменения в предмете, производимые в ходе практического воздействия на него человека, непосредственно фиксируются в органах чувств (в наше время часто через посредство приборов), а в конечном счете — в разуме, так происходит "распредмечивание", "превращение" предмета в мысль. "...Идеальное, — писал Маркс, — есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней"³⁸. "Пересадка" достигается в практике, с помощью практики, через нее.

На первом пути — от мысли к предмету — определяется значение теории для практики и происходит проверка ее истинности; на втором пути — от предмета к мысли — практика выступает как источник новых знаний об объекте и выясняется ее значение для теории. Таким образом, раскрытие основных вопросов теории познания — об *источнике и критерии* всякого знания — требует понимания диалектики взаимодействия субъекта и объекта, *решающей роли практики в познании*. Источником знаний в конечном счете, безусловно, является объективный мир, но непосредственно таким источником является практика. Чтобы установить истинность наших знаний о предмете, надо "обратиться" к предмету, а это можно сделать только в практике, которая удо-

стоверяет истинность знаний. В обоих случаях за практикой надо видеть объективный, материальный мир, который в последнем счете всегда выступает и как источник знаний, и как тот оригинал, с которым следует сверять возникающие в мышлении образы.

Не понимая роли практики в процессе отражения, старый материализм не мог решить вопрос о причинах исторического развития познания. В поисках этих причин он вынужден был апеллировать к "любопытству", "жажде знания" и другим подобным факторам духовного порядка, которые, безусловно, играют большую роль в накоплении знаний, в развитии науки, но в свою очередь требуют объяснения. Наконец, не усматривая в преобразующей практической деятельности людей источника знаний о мире, этот материализм оказывался в тупике и при решении не менее важного вопроса — о критерии знания, т.е. о способе соотношения полученных в сознании образов, представлений, теорий с объектом.

Диалектико-материалистическая теория познания смогла ответить на эти вопросы именно потому, что базируется на признании первичности практики, и прежде всего труда, по отношению к познанию. Это значит, что во взаимодействии природы и общества активная роль отводится обществу, а во взаимодействии людей с общественными условиями — деятельности людей по преобразованию этих условий. Но если революционно-критическая, изменяющая действительность практика есть главное во взаимодействии людей друг с другом и с природой, то отсюда следует, что сами люди и их сознание изменяются в ходе этой практики. В практике заключена движущая сила исторического развития познания, источник и критерий истинности знаний. "Точка зрения жизни, практики, — писал Ленин, — должна быть первой и основной точкой зрения теории познания"³⁹.

2. Домарксовский материализм был не только созерцательным, но и *метафизическим*. Ленин отмечал, что "основная беда" этого материализма "есть неумение применить диалектики к Bildertheorie, к процессу и развитию познания"⁴⁰. Нет процесса более сложного и противоречивого, чем познание мира человеком, и поэтому незнание (или забвение) диалектики с особой силой сказывается на решении гносеологических вопросов. Неумение применить диалектику к процессу познания означает прежде

всего непонимание объективно существующей диалектической связи между тремя факторами: сознанием человека, его практической деятельностью и объектом познания. Чтобы раскрыть связь познания и его объекта, надо понять существо практики как звена, которое соединяет их друг с другом.

Роль "соединительного звена" между объектом и мышлением практика может выполнять благодаря своей двойственной природе, т.е. тому, что "она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности"⁴¹. Последнее означает, что, будучи предметной, материальной деятельностью, практика столь же объективно реальна, как и предметы, на которые мы воздействуем, и поэтому обладает "достоинством всеобщности" в той форме, которая присуща реальным предметам и отношениям между ними. Общее в реальном мире находится в слитном, нераздельном единстве с единичным, поскольку существует только в отдельном, через него. Токарь, обтачивая деталь на станке, совершает определенную операцию. Эта операция, говоря философским языком, есть отдельное, точно так же как станок и болванка. Конкретная форма труда — отдельное, "труд вообще" — общее. В данном случае это означает, что каждый конкретный вид труда, в том числе труд токаря, выступает одновременно и как абстрактный человеческий труд.

Практика пронизана мыслью, идеальной целью, и поэтому в ней сохраняется "достоинство всеобщности" и в той форме, которая присуща абстрактному мышлению: общее в понятии освобождено от единичного, случайного, конкретного. *Практика одновременно обладает чертами всеобщности в обеих формах*, и в этой ее особенности — *ключ к пониманию связи двух форм всеобщего*. Именно благодаря связи мышления с предметным миром через практику имеющееся в предметах природы общее может быть "пересажено" в человеческую голову и преобразовано в ней так, что приобретает форму общего понятия ("*распредмечивание*"), и в то же время мысль через практику может быть сопоставлена с объектом, и тем самым может быть обнаружена ее истинность или ложность ("*опредмечивание*").

История европейской философии Нового времени была отмечена спором (который дает о себе знать поныне) между сен-

*суализмом и рационализмом**. Сенсуализм признавал решающую роль чувств в познании, рационализм — разума. Сенсуализм нередко называют также эмпиризмом, поскольку он настаивает на опытном (эмпирическом) происхождении всего человеческого знания. Сенсуалисты утверждали, что в разуме нет ничего такого, что не прошло бы предварительно через чувства. В принципе это верно, ибо разум непосредственно не связан с внешним миром и все знания о мире получает через органы чувств. Виднейшим представителем сенсуализма был английский материалист второй половины XVII в. Д. Локк. Согласно Локку, ребенок рождается с сознанием, подобным чистой доске (*tabula rasa*). По мере того как на него воздействует внешняя среда — природа и другие люди, в мозгу ребенка запечатлеваются различные образы, и эта доска как бы испещряется знаками, записями. В философии Локка имелись дуалистические моменты, от него развитие сенсуализма пошло в двух направлениях. С одной стороны, его учение восприняли более последовательные, чем Локк, материалы XVIII в. — Дидро, Гольбах, Гельвеций, а с другой — Беркли и Юм, которые также считали, что разум черпает свои знания из ощущений. Но если первые полагали, что за ощущениями есть объективно существующие предметы, вызывающие эти ощущения, то вторые далее ощущений не шли.

Материалистический сенсуализм того времени отличался рядом существенных недостатков. Во-первых, при антропологическом подходе к человеку нельзя понять связь личного опыта с общественным. Знания человек получает не только на основе личного опыта, но также из книг, рассказов других людей, а теперь и с экрана телевизора и компьютера. Услышанное, увиденное, прочитанное воспринимается человеком не без помощи органов чувств, но ощущениям при передаче и усвоении косвенного опыта принадлежит вспомогательная роль. Положение, что в разуме нет ничего, что не прошло бы через чувства, верно, но оно верно по отношению не к изолированному индивиду, а к человечеству.

**Sensus* (лат.) — чувство; *ratio* (лат.) — разум.

Во-вторых, в отношении непосредственного, личного опыта формулу Локка также нельзя понимать буквально. О машинах и приборах, которые впервые создаются людьми, чувственный опыт не мог дать предварительных сведений. Например, первый паровоз и первый лазер существовали сначала в мысли, а затем уже в реальности. Следовательно, чувственные восприятия от таких изобретений люди получают после того, как они были созданы. Материализм XVIII в. ограничился доказательством того, что содержание всякого мышления и знания должно происходить из чувственного опыта. Но способность разума предвидеть могла быть объяснена лишь тогда, когда было показано, что практика доказывает также *соответствие законов мышления общим законам бытия*. Тем самым была преодолена вторая важнейшая ограниченность сенсуализма. С учетом рассмотренных выше двух поправок тезис Локка принимает следующий вид: человеческое мышление черпает свое содержание и форму из чувственного опыта, приобретаемого в ходе общественной практики.

Слабые стороны сенсуализма XVII–XVIII вв. подверглись критике со стороны рационалистов, которые считали, что чувства дают “темное” знание, в то время как “светлое”, глубокое знание способен дать только разум. Они особо подчеркивали роль разума в познании действительности, его неограниченную познавательную способность. Трактую познание как объединение данных чувственности и категориального мышления, Кант утверждал, что “мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы”⁴². Вместе с тем, возвышая роль разума в познании мира, рационалисты XVII–XVIII вв. были так же беспомощны в объяснении его творческих способностей и происхождения законов мышления, как и их противники. В целях преодоления указанной трудности ими было выдвинуто учение о “врожденных идеях”, сторонниками которого были Декарт, Лейбниц, Кант и другие выдающиеся мыслители. Например, Кант трактовал пространство и время как “априорные”, т.е. данные до опыта, врожденные формы чувственного созерцания, а причинность — как априорную форму рассудочного мышления. Априоризм оставляет открытым вопрос о происхождении этих удивительных черт познающего сознания.

Таким образом, и сенсуализм, и рационализм страдали односторонностью и ограниченностью, которые были преодолены

диалектическим материализмом с удержанием того положительного, что имелось в обоих соперничавших гносеологических учениях. Чувства и разум были объяснены в их диалектической взаимосвязи, в их обусловленности общественной практикой.

Выяснение определяющей роли *общественной практики* для познания и применение *диалектики* к анализу процесса отражения в целом и исторического пути его развития — таковы две нераздельные, важнейшие стороны теории познания, базирующейся на материалистической диалектике.

3. Творческий характер отражения

Отражение и творчество. Выше говорилось об активности человеческого сознания, его деятельном характере, об относительной самостоятельности мышления, о способности разума к предвидению. Все эти черты, свойственные сознанию человека как высшей форме отражения реальности, находят концентрированное выражение в *творческом характере сознания*. Под творческим характером нередко понимают свободу выбора, которая присуща сознанию, как при объяснении явлений, так и в особенности при постановке целей действия. Однако свобода выбора, будучи выражением творческой способности сознания, не есть сама эта способность. Можно выбирать и между вариантами, которые уже много раз встречались в практике данного индивида и тем более в жизни общества.

Под творческой способностью сознания, на наш взгляд, следует понимать *его способность создавать новое*, т.е. то, чего ранее не было. Правда, новое для индивида далеко не всегда оказывается таковым для общества. Каждый человек, особенно в детстве и юности, совершает свое открытие мира. Нередко одна и та же задача решается примерно в одно и то же время несколькими учеными независимо друг от друга. Так, теорию относительности создавали одновременно Эйнштейн, Лоренц, Минковский, Пуанкаре. Случается, что переоткрывают ранее открытое и изобретают уже давно изобретенное. В наибольшей мере творческая способность сознания проявляется в создании такого нового, которое является новым для человечества, будь

то ранее неизвестный закон природы, новое техническое устройство, новая форма организации общественной жизни, новое по содержанию и форме направление в искусстве и т.д.

Творческий характер присущ человеческой деятельности в целом, как деятельности *сознания*, так и деятельности *практической*. Главный вид практики — труд. Творческие моменты в большей или меньшей степени наличествуют во *всяком виде труда*, и поэтому его деление на “творческий” и “нетворческий”, проводимое в социологической литературе, весьма условно. Речь скорее должна идти о разной мере творчества, о большей или меньшей насыщенности труда творческим содержанием; вовсе не оправданными представляются попытки ограничить понятие творческого труда каким-либо одним его видом. Так, иногда под “творческими работниками” подразумевают только деятелей искусства. В действительности творчество, а тем самым и творческое отражение реальности присуще в не меньшей степени деятелям науки и техники. Вообще же оно присуще всем видам и сферам человеческой деятельности.

В домарксовской философии проблема творческого характера сознания не только не была решена, но и не была правильно поставлена. Представители материализма признавали за сознанием способность к отражению мира, но в силу созерцательного характера своих воззрений трактовали отражение как простое воспроизведение реальности, лишенное творческого начала. Что касается идеалистов, то некоторые из них, признавая творческий характер сознания, его способность создавать новое, отказывались видеть в нем отражение объективно-реального мира. Диалектический материализм стал рассматривать *творчество* и *отражение* не как две различные ипостаси сознания, а в их *единстве*. Отражение мира в сознании людей — это *творческое отражение*, которое выступает как необходимый результат и вместе с тем условие творческого характера практики.

В наши дни многие философы повторяют старые возражения, справедливые в отношении созерцательного материализма, но адресуют их диалектическому материализму, который, по их словам, не может объяснить творческий характер сознания, поскольку, мол, рассматривает сознание лишь как отражение. Выше отмечалось, что все дело в том, как понимать отражение —

как пассивное или активное, в котором мир отражается через призму потребностей людей в преобразовании реальности, совершенствовании “второй природы” и социальных отношений. В качестве примера отрицания творческого характера труда можно привести рассуждения В.Иноземцева. Он, в частности, пытается представить историческое развитие собственно человеческой деятельности как своеобразную триаду: первая ступень — предтрудовая инстинктивная деятельность (тезис), труд — осознанная орудийная деятельность (антитезис), творчество (синтез)⁴³. Таким образом, творчество появится в будущем как отрицание труда и должно вытеснить его из жизни общества. Автора вовсе не смущает, что на третьей ступени выстроенной им лестницы возврата к исходному состоянию нет, так что закон отрицания отрицания оказывается ни при чем. Что же касается инстинктивной деятельности, то она не есть деятельность собственно человеческая, только человеку присущая. Труд же, согласно автору, лишен творчества; тем самым лишается творческого момента и сознание, которое ставит цель в процессе труда.

Тем не менее в развитии трудовой деятельности человека закон отрицания отрицания все же действует. Первоначальные формы труда означали неразвернутое единство умственной и физической деятельности, сознание было как бы вплетено в трудовой процесс. Эти формы продолжают существовать и поныне, они будут существовать всегда, пока есть люди, в любом нашем действии, непосредственно вдохновленном мыслью, и тем более в рефлекторном ответе на внешние воздействия. Такова первая ступень, тезис. Отделение труда умственного от физического означает выход на вторую ступень. Единство как бы раздваивается: физический труд сохраняет непосредственное единство духовного и материального, в то время как умственный труд концентрирует в себе осмысление опыта и постановку целей не только для индивидуального, но и для общественного действия. Он монополизируется правящими слоями, классами и находящимися у них на службе профессионалами умственного труда. Желая подчеркнуть наличие в физическом труде умственного начала, наши органы статистики называют его “преимущественно физическим”, а наличие в умственном труде физических усилий

(например, в работе врача и т.д.) — “преимущественно умственным”. Эта терминология не из самых точных, но в определенной мере она отражает суть дела. Таков антитезис.

Преодоление противоположности между физическим и умственным трудом станет возможным на той ступени развития общества, когда, во-первых, исчезнет классовая противоположность, сосредоточение умственного труда на одном социальном полюсе и физического на другом. На протяжении длительного периода было принято считать, что в СССР якобы указанная противоположность уже преодолена, уступив место “существенным различиям” между двумя видами труда и их носителями. На деле же она оставалась и в исходном философском смысле, и как противоречие в интересах социальных групп. Разумеется, между противоположными сторонами единого целого, каким является общество, наличествуют существенные различия, но противоречие не сводится к различию.

Исторический прогресс общества ведет и приведет к преодолению указанной противоположности благодаря развитию новейших средств труда, прежде всего компьютеризации производства. Вымывание неквалифицированного физического труда — длительный исторический процесс; этот вид труда остается и сейчас даже в самых развитых странах, хотя его все более перекладывают на плечи трудящихся стран “третьего мира”, куда выносятся экологически “грязные” и конвейерные производства, а также на иммигрантов. Вместе с тем в сфере производства постепенно происходит становление работника, в труде которого органически сочетаются квалифицированный физический труд, требующий не столько физического, сколько нервно-психического напряжения, и квалифицированный умственный труд.

Одновременно изменяется умственный труд. Профессии врача, учителя, конструктора, управленца все более требуют навыков владения сложной техникой и могут служить прообразом будущего органического соединения умственного и физического труда. Так что синтез, означающий преодоление указанного раздвоения, будет означать как бы возврат к первой ступени, но на высшем уровне, с сохранением всего положительного, что дала вторая ступень. Творческий характер, столь неравномерно распределявшийся между видами труда и их носителями, должен

стать в весьма неблизкой перспективе в полной мере достоянием всех членов общества.

Диалектическое единство творчества и отражения в человеческом сознании было выражено В.И. Лениным в следующих словах: "Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его"⁴⁴. Этим подчеркивается, что отражение мира в сознании таким, каков он есть, необходимо дополняется отражением потребности изменить мир. Разъясняя свою мысль, Ленин продолжал: "...мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его"⁴⁵. Творческий характер сознания, таким образом, неотделим от творческого характера действия, в процессе которого человек изменяет мир. Сознание, взятое теперь уже в полном объеме — и как объяснение существующего в мире, и как ставящее цель перед практикой, — отражает одновременно мир и потребности людей в его изменении. Но потребности человека и пути их реализации обусловлены, во-первых, объективными законами природы и общественной жизни, во-вторых, общественной практикой, степенью ее развития. Следовательно, *творческое отражение объективного мира в сознании обусловлено творческим характером общественной практики*. Творчество равно присуще сознанию и практике, но духовное творчество, будучи обусловлено практикой, обладает известной самостоятельностью, и без него невозможно творчество материальное.

Обращаясь к глубинным механизмам творчества, многие выдающиеся ученые отмечали его интуитивный, подсознательный характер. Интуиция (от позднелат. *intuitio* — созерцание) есть непосредственное усмотрение истины без осознания промежуточных этапов получения результата, без обоснования с помощью доказательства. Интуиция столь же необходима в научном творчестве, как и логика, — утверждал А. Пуанкаре, знаменитый французский математик, механик и физик. "Логика, которая одна может дать достоверность, есть орудие доказательства; интуиция есть орудие изобретательства"⁴⁶.

Следуя английскому ученому Г. Уоллесу, творческий процесс можно расчленить на четыре фазы: подготовка, созревание идеи, озарение (интуитивное схватывание искомого результата) и проверка. Как созревание идеи, так и ~~озарение~~ имеют

подсознательный характер. Это издавна служит основанием для представлений об интуиции и творчестве как о чем-то непостижимом, для толкования интуиции как инстинкта или божественного откровения, для полного отрыва интуиции от опыта и логики. Между тем интуиция опирается на социально накопленный опыт и неотделима от знания опосредствованного, ранее приобретенного. Можно утверждать, что информация — мать интуиции. По данным психологических исследований, по мере накопления профессионального опыта интуиция проявляется чаще, способность к интуиции можно развивать. Так, юристы считают, что интуиции принадлежит 41 процент достижений в данной области, геологи — 38, филологи — 31, математики — 27, химики — 19, физики — 18, биологи — 15⁴⁷.

В творчестве интуиция и логика образуют органическое единство. Как оказалось, в их связи воплощается функциональное единство правого и левого полушарий коры головного мозга. Аналогично тому, как понятия, суждения, умозаключения составляют элементы мыслительной деятельности левого полушария, метафоры, символы и обобщенные портреты — элементы интеллектуальной деятельности правого полушария. Трансформация чувственно-наглядного в абстрактно-понятийное и наоборот связана с переходом информации из правого к левому полушарию и наоборот. Таким образом, играя каждая свою роль, интуиция и логика неотделимы друг от друга как синтетическая и аналитическая компоненты творчества.

Уровни творческой деятельности. Выше было отмечено, что свобода человека не сводится к выбору варианта действия из возможностей, заранее заданных необходимостью. Прерогатива свободного человека, согласно Канту, состоит в том, чтобы избирать и ставить свои собственные цели. А целеполагание связано с проникновением в прошлое и в будущее, с порождением нового, ранее не существовавшего как в выборе целей, так и в выборе возможных путей их достижения. Иначе говоря, свобода неотделима от творчества, а творчество — от свободы. Еще в античные времена в диалоге "Пир" Платон писал: "Творчество — понятие широкое. Все, что вызывает переход от небытия в бытие — творчество и, следовательно, создание любых произведений искусства и ремесла можно назвать творчеством, а всех создателей их — творцами"⁴⁸.

Творческие способности человека, являясь его родовой сущностью, могут различаться по степени развития. Если трактовать творчество как свободную деятельность, то можно, следуя венгерскому культурологу И. Витаньи, выделить три уровня развития творческих способностей: *продуктивно-репродуктивный, генеративный и конструктивно-инновативный*⁴⁹. Первый является неотъемлемым свойством каждого человека. Он характеризуется воспроизводством из элементов и на основе правил, которые не меняются (или меняются незначительно), неограниченного числа в принципе одних и тех же объективаций, так что любого рода проявление нового может быть только случайным. Типичными областями реализации продуктивно-репродуктивной творческой способности являются однообразное массовое производство и повседневная разговорная речь.

Генеративная творческая способность (способность импровизировать) также присуща каждому человеку, но в различной степени. Она проявляется в создании новых вариантов на основе данных элементов и правил. А вариант, по определению одного из собирателей русского фольклора прошлого века А. Кремера, — это “то же, да не так”. Этот уровень творчества реализуется в шедеврах ремесленного труда, в произведениях фольклора, в изысканной литературной речи и образовании неологизмов, в технических решениях типа рационализаторских предложений. Можно сказать, что это творчество в пределах традиции.

Конструктивно-инновативная творческая способность проявляется в обновлении элементов и правил, в выражении нового содержания. Она присуща немногим личностям, хотя количество людей, обладающих способностью создавать радикально новое, гораздо больше по сравнению с теми, кто получает возможность ее развить в существующих общественных условиях. На этом уровне творчества совершаются фундаментальные научные открытия, появляются технические решения типа изобретений, создаются классические произведения искусства, выдвигаются новые философские и религиозные доктрины и т.д. Причем в такого рода продуктах сознания субъект творчества присутствует как уникальная личность и как представитель всего рода человеческого. Эта способность присуща людям в разной степени в различных сферах творческой деятельности.

Особо следует подчеркнуть то обстоятельство, что конструктивно-инновативное творчество связано прежде всего с тем уровнем труда, который К.Маркс назвал всеобщим. "Всеобщим трудом, — писал он, — является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников"⁵⁰. Эту мысль прекрасно выразил И. В.Гете: "Что такое я сам? Что я сделал? Я собрал и использовал все, что я видел, слышал, наблюдал. Мои произведения вскормлены тысячами различных индивидов, невеждами и мудрецами, умными и глупыми; детство, зрелый возраст, старость — все принесли мне свои мысли, свои способности, свои надежды, свою манеру жить; я часто снимал жатву, посеянную другими, мой труд — труд коллективного существа, и носит он имя Гете"⁵¹.

Радикальная новизна в результате творчества зависит от глубины предпосылок, тех общих и необходимых связей, которые уже созданы предшествующим развитием и выступают внутренним регулятором творческой деятельности (математический аппарат в физике, стили и жанры в искусстве, парадигмы и категориальные структуры, мировоззренческие формы и универсалии культуры). За потоком научных открытий, технических инноваций, художественных открытий нельзя не видеть определенные закономерности развития науки, техники, искусства, расчленение их исторического развития на этапы, в рамках которых разворачивается деятельность отдельных творцов, школ и направлений.

Анализ творческой деятельности как противоречивого единства свободы и необходимости требует разграничения ее видов не только по способу формотворчества, но и по иному признаку, а именно: существует ли в реальности отображаемый объект или только предпосылки для его появления, как зависящие, так и не зависящие от человека и его практической деятельности. В этой связи можно выделить три основных случая, отчетливо проявляющиеся в научном познании природы и общества.

Во-первых, творческий характер научного мышления проявляется при открытии в объективной реальности того, что и ранее в ней существовало, но не входило в поле зрения науки. Так, открытия естествознания представляют собой отражение ранее

неизвестных человечеству явлений и объективных законов, которые существовали и существуют в настоящее время в природе независимо от сознания и от практического воздействия людей на природу. Нет сомнения в том, что законы гравитации существовали в природе и до того, как Ньютон открыл свой четвертый закон, и до того, как их более глубоко отобразил в общей теории относительности А.Эйнштейн. Данное обстоятельство нисколько не умаляет творческого характера мышления ученых. Но нельзя не видеть, что подчинение субъективного момента в отражении объективному в данном случае носит наиболее отчетливый характер. Отсеивание субъективного, подчинение его объективному достигается в конечном счете в эксперименте и наблюдении, которые удостоверяют истинность теоретических положений.

Во-вторых, творческий характер отражения выражается в способности человека предвидеть, предсказать появление того, что в реальности еще отсутствует, но неизбежно должно появиться в соответствии с не зависящими от нас объективными законами. Предвидение часто основывается на познании циклических процессов в природе, когда предсказывается наступление событий, аналогичных тем, которые уже имели место. Более сложным с гносеологической точки зрения оказывается предвидение новых событий, еще не имевших прямых аналогов, порождаемых объективными законами, действующими как *тенденция развития*. Так, предсказание солнечного затмения может служить примером предвидения на основе познания законов циклического процесса. Но предсказание объективного хода дальнейшей эволюции системы Земля—Луна, в том числе замедления вращения Земли вокруг своей оси и возрастания продолжительности суток, уже не может быть получено на основе представления о цикличности. Поэтому первое предсказание такого рода было сделано еще в Вавилоне, несколько тысяч лет назад, в то время как второе датируется серединой XVIII в.

В общественной жизни, особенно в эпоху бурных изменений, предсказание будущего требует определения не только тенденции развития с учетом действия объективных противоречий, но и сознательно действующих на их основе противоборствующих социальных сил. Научное предвидение в данной области с необходимостью должно включать рассмотрение разных вариан-

тов, “сценариев” практического действия. Научное предвидение общественных процессов чрезвычайно сложно; оно предполагает связь теории с социальной практикой, учет соотношения интересов различных социальных сил на каждом этапе.

В-третьих, в прикладных науках, воплощающих достижения естествознания (технические, медицинские, агрономические, зоотехнические и т.д.), в техническом и биотехнологическом творчестве, а также в прикладных общественных науках и неразрывно с ними связанной практической деятельности людей по изменению общественных отношений творческий характер мышления наиболее очевидным образом связан с практикой. В этих областях мышление ставит конкретные задачи перед практикой и поэтому может более точно предвидеть результаты практической деятельности, в процессе которой создается новое в “очеловеченной” природе и в самом обществе. Творческий характер отражения в этих областях обусловлен отражением возникших в практике социальных и технических потребностей и является необходимой стороной творчества в самой практике.

Противники теории отражения рассматривают творчество в качестве примера полной “свободы мысли”. Р.Гароди, например, утверждал, что проект, под которым он понимал проект изменения действительности с получением в ней нового, не может быть понят как отражение, так как до осуществления проекта этого нового еще нет в реальности⁵². Такое возражение против материалистической теории познания повторяется на разные лады тысячи раз. Рассмотрим его подробнее.

Действительно, создание нового в технике предполагает сначала новое в проекте, т.е. в голове конструктора. Проекты могут быть смелыми, подчас могут казаться даже фантастическими. Но любой из них чего-нибудь стоит лишь тогда, когда зиждется на знании *объективных законов* природы, т.е. на отображении существенных, глубинных отношений в объективной реальности. Когда самолет еще не был построен, объективные законы движения воздушных масс, изучаемые аэродинамикой и позволяющие поднять в воздух аппарат тяжелее воздуха, уже были в основном известны. Полет птиц изучал еще Леонардо да Винчи, а неудачный опыт полетов человека с помощью искусственных крыльев показал, что для поднятия в воздух аппара-

та тяжелее воздуха нужен достаточно мощный и компактный двигатель. Двигатель внутреннего сгорания к концу XIX в. был создан. Он мог быть сконструирован потому, что в науке уже были с достаточной точностью познаны объективные законы механического движения твердых тел и воздушных масс, а также законы термодинамики: на основе знания тех и других двигатель и аэроплан были сконструированы. Любой технический проект, не опирающийся на знание законов природы, неминуемо обречен на провал.

В техническом проекте находят отражение не только законы объективного мира, но и объективные потребности общества, определяемые степенью развития производства, достигнутым уровнем овладения законами природы. Появление проектов аэроплана в конце XIX в. было отображением мирных и военных потребностей тогдашнего общества и новых технических возможностей, обусловленных уровнем машиностроительного производства. Таким образом, технический проект оказывается не “свободной игрой ума”, а отражением законов природы в их связи с техническими и социальными потребностями и возможностями общества. Имеющийся в творчестве субъективный момент (самолет поначалу был создан в разных вариантах, да и сегодня каждый тип самолета имеет в разных странах различные конструкции) в основном оказывается обусловленным уровнем научно-технических знаний и возможностями авиа- и приборостроения. Так, надо использовать “игру ума”, т.е. субъективное, чтобы в ходе создания, доводки и воплощения проекта суметь *субъективное подчинить объективному*. Это значит, что надо отобрать из всей совокупности проектов тот, который *оптимально* соответствует объективным законам и одновременно “техническому заказу”. Свобода творчества, свобода в создании трансформированных людьми предметов и свобода в создании проектов этой трансформации, безусловно, имеется, но в определенных границах, поставленных объективно существующими в природе видами материи и законами ее движения, достигнутым уровнем развития техники и производства.

Так же по существу обстоит дело с проектами в социальной области. Создание новых общественных отношений невозможно без творчества, которое ставит перед практикой цели для дей-

ствия. Проекты реформ, лозунги революций, программы действия суть отображение реальности. Но в отличие от технического творчества они отображают общественные потребности в их связи с законами общественного развития. Последние же действуют как объективные тенденции через столкновение интересов наций, классов, социальных групп, отдельных людей. В исходе каждого такого столкновения немалая роль принадлежит субъективному фактору, т.е. осознанию людьми своих интересов, их организованности, тактике, решительности действий.

Свобода выбора в социально-политическом творчестве еще более широка, чем в научно-техническом, так как здесь открывается более широкое поле возможностей для проявления субъективного фактора. Субъективный фактор может и существенно ускорить объективное развитие, когда в практической деятельности верно учитываются объективные потребности социального развития, и существенно затормозить его, когда они игнорируются, когда не принимаются во внимание или неверно выражаются коренные объективные интересы масс. Сила творческого мышления в общественно-политической области определяется тем, насколько полно и точно оно отображает объективные условия жизни трудящихся масс, большинства населения и тех классов, социальных групп и слоев, которые борются между собой.

Отражение как предвидение. Творческий характер отражения проявляется в способности предвидеть, предсказать появление того, что в реальности еще отсутствует, но должно возникнуть в соответствии с тенденциями развития. Упреждение в социальном отражении реального хода событий имеет биологические предпосылки. Как показал П.К.Анохин, опережающее отражение развивается в живой природе благодаря приспособлению организмов к цикличности процессов природы⁵³. Эта универсальная способность живых организмов, особенно высокоорганизованных, определяет их активное, избирательное, обогащающееся новыми возможностями отношение к окружающей среде. Установлено, что в процессе взаимодействия со средой организм строит вероятностную модель потребного будущего. Согласно Н.А.Бернштейну, построение такой модели происходит за счет связи двух процессов: "Один из них — вероятностное

прогнозирование по воспринимаемой текущей ситуации, своего рода экстраполяция на некоторый отрезок времени вперед... Наряду же с этой вероятностной экстраполяцией хода окружающих событий (каким он был бы при условии "невмешательства") совершается процесс программирования действия, долженствующего привести к реализации потребного будущего... Такое программирование простого или цепного действия выглядит уже как своего рода интерполяция между наличной ситуацией и тем, какой она должна стать в интересах данного индивида"⁵⁴. Вероятностное прогнозирование и программирование, экстраполяция и интерполяция специфически проявляются на всех уровнях и во всех формах человеческого познания. Свое высшее выражение они получают в способности абстрактного мышления предугадывать будущее.

Выше уже было сказано о выдвигаемых против теории отражения доводах, что она несовместима с предвидением. Рассмотрим самое распространенное возражение, идущее якобы от "здорового смысла": предвидение нельзя рассматривать как отражение, ибо отражение может воспроизводить только актуально существующий объект, в то время как объект предвидения находится в будущем, а взаимодействовать с ним субъект не может.

В этом утверждении совершенно не принимается во внимание *диалектический характер* как самой действительности, так и ее отражения в голове человека. Между тем и материальные объекты, и их идеальные образы находятся в постоянном движении и развитии, т.е. представляют собой единство прошлого, настоящего и будущего. Это диалектическое единство Гегель выразил следующим образом: "Прошлое есть сохранение настоящего как действительности; будущее же есть становление настоящего как возможности"⁵⁵. Если рассматривать любое природное и общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего. Именно это единство позволяет утверждать, что отражение актуально существующего объекта воспроизводит настоящее, включает прошлое и улавливает тенденции изменения объекта, его будущее, которое всегда опосредствовано целями деятельности субъекта, т.е. образами будущего. Познание будущего есть *отражение* объективно-реальных его зачатков в

настоящем, тенденций развития актуально существующих вещей и явлений и наших возможностей воздействовать на них.

В философской литературе высказывается точка зрения, согласно которой информацию о будущем развитии материального объекта мы получаем в результате исследования его идеальной модели. Иными словами, сознание человека помимо свойства отражать материальные объекты сверх того нуждается в особом свойстве "отражать идеальные объекты". Так, В.А.Лисичкин полагает, что человек получает информацию не только из окружающего мира; предвидение как свойство сознания создавать идеальные модели, по его мнению, есть "отражение" мира логических конструкций⁵⁶. С этой точки зрения предвидение оказывается не отражением объективно-реального мира, взятого в его развитии, а своеобразным "отражением отражения".

С таким пониманием специфики предвидения трудно согласиться. Заметим прежде всего, что опосредованность идеальными моделями вообще присуща логическому отражению объективно-реального мира. Вряд ли целесообразно называть опосредованное отражение объективной реальности "отражением отражения", ведь само понятие отражения призвано выразить не связь одних продуктов сознания с другими, а сознания с материей. Преодоление этих и подобных трудностей, на наш взгляд, возможно только на основе последовательного применения диалектики к теории отражения. Приведем два решающих пункта. Во-первых, предвидение является отражением объективно-реальных процессов в человеческом сознании. Но они не могут рассматриваться как мгновенные, это всегда процессы, развертывающиеся во времени. Стало быть, отражение всегда есть отражение того, что существовало либо могло существовать в прошлом, что существует и может существовать в настоящем, что может возникнуть в будущем, притом в разных вариантах развития событий. Предвидение во всех своих разновидностях является отражением *объективно возможных явлений*, взятых в их диалектическом, поливариантном развитии.

Во-вторых, предвидение ориентировано на самые различные стороны *внешнего мира в ходе и результате воздействия на них, т.е. деятельности субъекта*. Предвидеть можно различные возможности существования, функционирования, разви-

тия объекта с учетом также различных возможностей освоения объекта субъектом, вытекающих из его потребностей. В последнем случае предвидение выступает как отражение диалектической связи субъекта и объекта, учитывающее поливариантность предпринимаемых действий, их последствий, возможных путей и методов достижения цели.

Предвидение, понимаемое широко, как возможность не только проникать умственным взором в ход объективного процесса, но и учитывать последствия нашего вмешательства в его течение и, наконец, воплощать в жизнь творческие замыслы, приводящие к созданию новых технических устройств, общественных отношений, произведений искусства, принимает различные формы в зависимости от типа связи с индивидуальной, групповой, общественной практикой. В XX в. на основе прикладной вычислительной математики получило развитие прогнозирование. Прогноз, если его понимать просто как предсказание возможного хода событий, стар как мир. Люди всегда пытались предсказывать будущее, например погоду на завтра, более того, предвидеть разные варианты нашего действия в зависимости от возможного хода явлений. В современных условиях в понятие прогноза вкладывается нечто большее. Качественная определенность прогноза должна опираться на количественную оценку каждого варианта. В тех случаях, когда точная количественная оценка невозможна, может быть предсказан интервал, в границах которого следует ожидать значений тех или иных параметров события. Так, прогноз атмосферных процессов в данной местности на сутки и более вперед обычно дается с указанием "от" и "до" температуры воздуха, силы и направления ветра, влажности и т.д.

В общественных науках есть области, где возможна количественная оценка интервала возможных значений основных параметров. Например, в прогнозах выхода России из инфляционной спирали экономистами создаются различные "сценарии", каждый из которых предполагает выбор определенного варианта экономической политики и содержит оценку предполагаемого на такую-то дату уровня инфляции на основе показателей уровня производства, национального дохода, денежной эмиссии, дефицита государственного бюджета, сальдо во внешней торговле,

возможных займов и выплат по ним и т.д. Следует заметить, что выдвигавшиеся до сих пор сценарии не оправдались, инфляция переросла в гиперинфляцию, и тут нужны новые подходы.

Во многих областях общественной жизни (политике, идеологии, выяснении настроений и т.д.) количественный прогноз оказывается возможным только как оценка более и менее вероятного хода событий при таком-то "сценарии", т.е. той или иной направленности действий партий, общественных движений, народных масс. Прогнозирование уже стало важнейшей (прогностической) функцией таких наук, как политология, социология, социальная психология.

Прогнозирование является необходимым компонентом *программирования*. Создание программы для достижения какого-то вполне определенного результата в технической, агрономической, медицинской, социальной областях имеет своей необходимой предпосылкой прогноз, удостоверяющий если не стопроцентную возможность, то по крайней мере близкую к ней реализацию поставленной цели в определенный срок при условии подкрепления каждого шага на пути к ней необходимыми материальными и людскими ресурсами. Такого рода программы чрезвычайно многообразны — от экономики до борьбы с курением и предупреждения распространения СПИДа. Составление программы предполагает разработку так называемого дерева целей, в котором основная цель разветвляется, подобно столетнему дубу, по вертикали и горизонтали во времени на частные цели разного порядка с указанием условий, необходимых для их выполнения. На основе программы составляется график работ.

В технической области примером хорошо составленной программы и поэтому успешно выполненной может служить известный американский Манхэттенский проект по созданию атомной бомбы во время второй мировой войны. Каждое звено этой программы было подкреплено ресурсами (финансовыми, материальными, людскими) и подстраховано. Аналогична и отечественная программа создания атомного оружия, выполненная также в краткие сроки, что диктовалось необходимостью достижения военно-стратегического паритета с США после войны под угрозой ядерного нападения на СССР при очень напряженном положении с ресурсами; детали программы и ход ее осуществле-

ния до сих пор не опубликованы, поэтому мы привели ссылку на американский проект как на пример программирования в технической области.

В социальной области, так же как и в технической, программы преследуют чаще всего частные цели в определенной области, что позволяет сосредоточить для их выполнения необходимые средства. Не все они, конечно, своевременно выполняются. Например, неоднократно переносились сроки строительства Байкало-Амурской магистрали, смета строительства была превышена в несколько раз, и по существу до сих пор БАМ не полностью достроена, особенно отстает та часть программы, в которой предусматривалось промышленное освоение прилегающей к магистрали зоны.

Всякое программирование, целесообразная деятельность вообще предполагает *планирование*, т.е. составление плана действий, необходимых для достижения цели. В общественно-политической литературе под планированием обычно подразумевается планирование развития отдельных предприятий, отраслей, народного хозяйства в целом. В развитых странах Запада планирование на уровне предприятий и концернов стало обязательной составной частью управления (менеджмента). Оно носит достаточно гибкий характер, поскольку должно мгновенно реагировать на изменения мировой рыночной конъюнктуры.

Иначе обстояло дело с планированием развития предприятий в условиях мобилизационной экономики и государственно-бюрократической системы управления. В СССР интересы предприятий были настолько подчинены народнохозяйственным планам, что возможности маневра у администрации и трудового коллектива были весьма ограничены. Тем не менее с середины 60-х годов в СССР широкое распространение получила практика так называемого социального планирования, т.е. развития социальной сферы предприятий и территориальных единиц. За счет сверхплановой продукции, привлечения людей на добровольных началах к строительству жилья и объектов соцкультбыта, мобилизации внутренних ресурсов удавалось существенно продвигаться в решении многих конкретных жизненно важных проблем. Сейчас в связи с переходом на рыночные отношения возможности предприятий по планированию своего будущего, в том чис-

ле решения социальных проблем, в принципе возрастают. Но пока что вследствие разрыва многолетних хозяйственных связей и общего кризиса происходит разрушение сложившейся социальной инфраструктуры.

Планирование в масштабах страны впервые в мире получило развитие в нашей стране. Оно началось по сути еще с плана ГОЭЛРО, поскольку этот план выходил за рамки программирования развития одной отрасли — электроэнергетики. Пятилетние планы экономического (впоследствии они стали именоваться планами экономического и социального) развития страны с разбивкой по годам, а также по территориям и отраслям представляли собой грандиозную попытку внесения сознательного начала в стихийное развитие. В отечественной научной литературе на протяжении десятилетий безраздельно господствовало апологетическое восхваление планирования в масштабах страны. Сейчас стало возможно и необходимо объективно разобраться в этом феномене.

Прежде всего следует отметить, что на основе планов такого масштаба были решены грандиозные задачи: индустриализация страны осуществлена в сжатые сроки, создана первоклассная военная промышленность. Без этого в условиях фашистской агрессии победа над врагом была бы невозможна: танк Т-34, самолеты новых типов “миги”, “лаги”, “яки” и “илы” были созданы и запущены в массовое производство еще до войны. Аналогичным образом обстояло дело и с восстановлением в первое послевоенное пятилетие разрушенного хозяйства, достижением паритета с США по атомному, ядерному, ракетному оружию, прорывом в космос. Эти успехи были достигнуты на основе жесткого планирования и административно-командной системы управления. Но надо учитывать, что они потребовали сосредоточения всех сил и средств на выполнении узкого спектра первоочередных целей, что определило отставание сельского хозяйства, а также отраслей, производящих предметы потребления, гражданского машиностроения. Это определило замедление процесса улучшения жизненных условий большинства населения страны, а в некоторые периоды (коллективизация, война) и прямого снижения уровня жизни.

Планирование развития экономики как гармоничного, пропорционального процесса, а тем более всего общества, включая социальную и культурную сферы, в указанных внешних и внутренних условиях не могло быть достигнуто. Стало правилом, что планы составлялись в значительной части исходя из желаемого, а не объективно возможного, и поэтому ни одна из десяти пятилеток полностью выполнена не была: отрасли, работающие “на человека”, отставали от плановых наметок вследствие необеспеченности ресурсами. Наиболее наглядное представление о субъективизме прогнозирования и планирования в СССР дает принятая в 1961 г. Программа КПСС, в которой были приведены по десятилетиям явно невыполнимые цифры темпов роста объемов производства, повышения уровня жизни, сокращения рабочей недели и т.д. Для компрометации коммунистических идеалов эта программа “построения основ коммунистического общества” в отдельно взятой стране за двадцать лет сделала больше, чем пропаганда противников коммунизма.

Таким образом, по нашему мнению, на деле в СССР имело место не планирование развития общества в масштабах страны, а крупномасштабное программирование развития ведущих отраслей хозяйства. Возникшие и поддерживаемые системой директивного планирования перекосы в структуре хозяйства и в соотношении производства и народного потребления подвели страну к порогу кризиса еще в середине 70-х годов. Меры по его преодолению были искусственно оттянуты за счет средств от экспорта нефти. Это привело к концу 80-х годов к чрезвычайно острому и глубокому кризису с абсолютным падением производства и потребления, что во многом определило распад СССР и дальнейшее углубление социально-экономического кризиса во всех государствах, возникших на его развалинах, а более всего в России.

Наряду с терминами “прогнозирование”, “планирование”, “проектирование”, которые характеризуют творческую способность мышления предвидеть будущее, в том числе и в особенности результаты нашего целенаправленного воздействия на мир, используется термин *конструирование*. В нем налицо вполне определенный оттенок, поскольку предполагается, что идейный замысел *материализуется в конструкции*. В технике это

понятие оказывается чрезвычайно полезным, поскольку указывает на воплощение проекта не только в чертежи и технологические инструкции, но и на создание хотя бы опытного экземпляра самолета, телевизора, автомобиля и т.д. Иначе обстоит дело в сфере общественной жизни. Если использование понятия “конструировать” подчас употребляется вместо “создать в приказном порядке”, например “сконструировать президиум съезда” (хотя и это режет слух), то его употребление для обозначения результатов воплощения мер, предпринимаемых властью по изменению общественных порядков, “незаметно” вносит оттенок волюнтаризма в понимание сложного процесса управления развитием общественных отношений. Так, в современной социологической литературе “постмодернистского” направления управление социальными процессами трактуется как “конструирование социальной реальности”. В качестве примера можно привести рассуждения А.Г.Здравомыслова о том, что “властные структуры воспроизводят и конструируют ту систему отношений, которая возникает и развивается в их собственной среде”, или еще определеннее: “власть создает общество по своему образу и подобию”⁵⁷. Несостоятельность этого подхода опровергается жизнью, практикой. Те цели, которые нынешней властью в России объявлялись на протяжении 1991–1995 гг., ни разу не были достигнуты, напротив, результаты оказывались противоположными. Ежегодные обещания скорой стабилизации экономики похожи скорее на заклинания шамана или крестные ходы крестьян с просьбой господу богу ниспослать дождь. К “конструированию” в точном, прямом смысле подобного рода управленческая деятельность никакого отношения не имеет.

Итак, способность сознания на основе практики и в неразрывной связи с ней предвидеть объективный ход событий и планировать результаты нашего воздействия на него не является данной от природы постоянной величиной. Через неудачи и поражения она в целом прогрессирует в ходе исторического развития человечества.

ГЛАВА II

СУБЪЕКТИВНОЕ И ОБЪЕКТИВНОЕ В ОБРАЗЕ

Человек есть мера всех вещей.

Протагор

1. Образ как гносеологическая категория

Субъект и объект. Основные гносеологические категории материи и сознания, связанные между собой отношением отражения, далее должны быть конкретизированы, а тем самым обогащены рядом “парных” категорий, генетически восходящих к исходным, но вместе с тем отличным от них. Глубокая внутренняя связь духовного и материального в деятельности людей настоятельно требует введения категорий, выражающих различные “срезы” этого отношения (субъект — объект, теория — практика, свобода — необходимость), которые будут последовательно рассмотрены в данной и последующих главах.

В данной главе в центре внимания будут находиться понятия субъективного и объективного, имеющие своей основой категории *субъекта и объекта*. В своем исходном значении субъект — это познающее сознание, а объект — материальный мир. Если бы реальный процесс взаимодействия сознания с окружающим миром ограничивался данным отношением, не было бы необходимости в использовании данных понятий. Но объект, по определению, — это то, на что направлена мысль и действие (пассивная сторона), в то время как субъект — носитель мысли и действия (активная сторона). Объектом мысли может быть, как известно, не только материальный предмет, но и другой человек с его поступками и мыслями, далее, мысль, запечатленная в учебнике по физике или романе “Война и мир”; в конце концов написанная мною пять минут назад фраза также может стать объектом размышления, чтобы быть зачеркнутой или улучшенной. Соответственно понятие субъекта соотносительно с объектом должно трактоваться также в колоссальном диапазоне: от мысли индивида в данный момент до совокупности его мыслей и

действий, от общественного сознания в тех или иных его формах и проявлениях до всей практической и познавательной деятельности общества по изменению природы. В общественных науках разграничение объективного и субъективного факторов обычно проводится по линии: сложившиеся независимо от людей объективные обстоятельства и активная деятельность людей (материальная и духовная) по изменению этих обстоятельств. Охват действительности категориями субъекта и объекта универсален, что позволяет философию характеризовать как общую теорию субъекта и объекта в их связи, движении и развитии¹. В человеческой деятельности объект и субъект многообразно опосредуют друг друга. Объект распредмечивается и присваивается субъектом, а субъект опредмечивается и отчуждается в объекте. Объект, воздействуя на субъект, выступает в отношении, в сравнении с другими объектами, а субъект, воздействуя на объект, выступает в отношении, в общении с другими субъектами. В сущности взаимодействие субъекта и объекта — это двуединый социально-исторический процесс субъективации объективного и объективации субъективного, т.е. своеобразный переход субъекта и объекта друг в друга. Различные модификации такого перехода характерны для практического, духовно-практического и теоретического способов освоения бытия (в драме жизни человек и актер, и режиссер, и зритель). С учетом этих замечаний перейдем к рассмотрению соотношения объективного и субъективного в основных формах человеческого познания.

Сначала о соотношении субъективного и объективного в каждой из двух известных уже нам ступеней познания — *чувственной и рациональной*. В первую входят ощущения, восприятия, представления, во вторую — понятия, суждения, умозаключения. И те и другие являются отражениями, копиями, образами внешнего мира, но своеобразными, в каждой из них по-своему сплетаются субъективный и объективный моменты; на этой основе далее мы остановимся на таких сложных образах, как художественный и другие, в которых по-особому сплетены чувственное и рациональное.

Субъективное и объективное в ощущении. Ощущение является исходным пунктом всех вышестоящих ступеней познания; восприятие представляет собой суммарный образ, полу-

чаемый в результате совместной деятельности всех органов чувств и связанных с ними отделов головного мозга; представление суть воспроизведение восприятия в отсутствие предмета по памяти, в нем уже наличествуют моменты обобщения. Так, в представлении о сосне, которое мы можем вызвать с помощью воображения, перед умственным взором предстает не какая-то конкретная сосна с ее индивидуальными признаками, а сосна с ее видовыми признаками, поскольку приходилось видеть много сосен, а не только ту, что растет на ближайшей к дому опушке леса. Поэтому анализ образа надо начинать с ощущения, чтобы потом идти дальше.

В формуле: *“Ощущение есть субъективное выражение объективного свойства”*, принадлежащей Л.Фейербаху, выражено главное: с одной стороны, что ощущение по своему содержанию определяется свойствами объекта, похоже на него, должно поэтому рассматриваться как образ объективного мира. С другой стороны, ощущение возникает под воздействием материальных тел на органы чувств, которые тоже есть не что иное, как особым образом организованная материя. При всяком взаимодействии его результат зависит от обоих агентов взаимодействия, данный случай не является исключением. Стало быть, ощущение зависит также от строения органов чувств и является не зеркальной копией, а субъективным образом внешнего мира.

В понимании этой достаточно широкой формулы в историческом развитии философской мысли явно просматриваются две крайние трактовки. Одна из них свойственна созерцательному материализму. Еще Демокрит рассматривал ощущения как результат воздействия на органы чувств излучаемых предметами тонких оболочек, которые как бы оставляют следы на их поверхности. Это наивное представление в то время было вполне естественным, поскольку физиология органов чувств как наука еще не существовала. В принципе его отголоски живы и поныне, например при истолковании таких ощущений, как цвет, звук, запах, в которых субъективный фактор проявляется сильнее. “Роза пахнет и тогда, когда ее никто не нюхает”, “роза красная, когда на нее никто не смотрит” — вот типичные высказывания сторонников созерцательного материализма. Они готовы принять приведен-

ную выше формулу, но при одном условии — в образе нет субъективного, субъективное надо понимать *только* как принадлежность ощущения субъекту.

Бесспорно, ощущение принадлежит человеку (или животному) как субъекту познания. Но субъективность образа к этому никак не может быть сведена. Наш глаз устроен таким образом, что колебания электромагнитных волн он воспринимает в определенном диапазоне — от 380 до 760 нм, причем красный цвет соответствует волнам от 600 до 760 нм. В словах “роза красная” мы отмечаем тот факт, что роза обладает объективным свойством, которое можно назвать цветом, и что ее поверхность отражает волны указанного диапазона, поглощая остальную часть видимого спектра. Точно так же в утверждении “роза пахнет, когда ее никто не нюхает” мы отмечаем, что роза обладает объективным свойством выделять пахучие молекулы, имеющие определенное химическое строение. Это свойство называют запахом, и в этом смысле роза имеет запах, так же как и цвет. Но запах (цвет, вкус) как ощущение надо принципиально отличать от одноименных свойств, объективно присущих предметам. Цвет, вкус, запах как наши ощущения отличны от этих свойств, в них есть субъективный момент, определяемый строением органов чувств и мозга.

Наряду с этим достаточно широкое распространение имеет представление о примате субъективного в ощущении. В законченной форме это представление выражено, хотя и по-разному, в агностицизме Канта и Юма. Юм и его последователи отождествляли ощущения с предметами внешнего мира, но в отличие от Беркли утверждали принципиальную невозможность узнать, имеются ли за ощущениями и восприятиями предметы либо бог. Восприятие и лежащее в его основе ощущение в этом случае субъективируются, и эта субъективность переносится на предметы. Таким образом, различение цвета, звука, запаха, вкуса и т.д. как объективного свойства и как ощущения становится излишним.

Напротив, Кантом между вещами и ощущениями была воздвигнута непреодолимая граница, переход (трансцензус) которой его теория запрещает (критика юмизма и кантианства будет продолжена в связи с проблемой истины). Здесь же отметим, что для кантианства предметы реально существуют и оказывают

воздействие на наши органы чувств, производя ощущения. Это роднит его со стихийным материализмом и поэтому могло быть воспринято естествоиспытателями в качестве исходной установки. Таково происхождение “физиологического идеализма”. В прошлом веке И.Мюллер выдвинул “закон специфической энергии органов чувств”, согласно которому содержание ощущений определяется их строением, а от внешнего мира достаточно лишь получить толчок, порцию энергии, которая необходима для возбуждения органа. Действительно, глаз становится источником ощущений не только при действии на него лучей света, но и при ударе, раздражении током и т.д. Но в этих случаях орган чувств не дает образа предмета, он просто защищается от внешних воздействий, грозящих нарушить его нормальное функционирование.

Более существенный след в философии оставило предположение физика Г.Гельмгольца о том, что наши ощущения являются не более чем *иероглифами, символами* тех предметов, которые воздействуют на органы чувств. Действительно, понятия “символ”, “знак” играют большую роль в теории познания. Слова уже являются знаками, их письменная запись — тем более, а математика вся строится на знаковых обозначениях. Но иначе обстоит дело с понятиями и тем более ощущениями, которые являются не условными знаками, а отражениями, образами предметов, их свойств и отношений. Различие в том, что ощущения в отличие от символа имеют принципиальное сходство с предметом, в них находят отражение его объективные свойства, и поэтому они успешно выполняют свою роль в приспособлении животных и человека к среде обитания и ее изменениям.

В термине “образ”, равно как в терминах “отражение”, “копия” и т.д., этот момент сходства схвачен, в то время как в терминах “символ”, “иероглиф”, “знак” он необязателен. Но и образ — не зеркальная копия, не простое отражение, как лица в зеркале, а субъективное, носящее печать воспринимающего субъекта, его телесной организации. Эта печать в одних ощущениях менее существенна, в других более. В зрении форма предметов воспроизводится в большем соответствии с реальностью, чем цвет, в последнем сильнее сказывается зависимость от строения глаза, у многих животных эта функция у глаза отсутствует. Кроме

того, на субъективность *первого* порядка накладывается субъективность *второго* порядка, зависящая от особенностей строения органов чувств индивидов, к примеру дальтоники, когда цветовая гамма нарушена и зеленое кажется синим. Эта субъективность может быть обнаружена путем сравнения ощущений, но не непосредственно, сие невозможно, а с помощью высказываний. Такого рода сравнение дает повод для отождествления объективного с общезначимым для всех людей. Например, известный физик М.Борн сводил объективность ощущения к инвариантности, понимаемой в данном случае как общее для всех². Но выяснить объективное содержание ощущения с помощью сравнения высказываний об ощущениях невозможно. Для этого необходимы объективные методы исследования, которые широко применяются в современной физиологии органов чувств.

Философская суть дела состоит в том, что *объективное физическое явление и субъективное психическое состояние (ощущение)* опосредованы *объективным физиологическим состоянием* (его иногда называют психофизическим), т.е. объективными изменениями в органах чувств, вызванными физическим воздействием. Эти состояния доступны исследованию на основе физических и химических методов. В нашем примере с розой, которая издает запах, концентрация пахучих молекул определенного состава — физическое явление. Когда молекулы попадают в орган обоняния и взаимодействуют с ним, в рецепторе происходит физиологический процесс. Согласно одной из весьма вероятных гипотез, в рецепторе происходит резонансное поглощение излучаемых молекулами электромагнитных волн определенной длины (иной, чем в ощущении цвета). Такова физиологическая основа ощущения как психического явления, которое концентрируется в центре обоняния, расположенном в головном мозгу. Установить сходство физиологических состояний мы можем. И это дает известную основу для процедуры словесного сравнения описаний субъективного состояния. Таким образом, объективное и субъективное в ощущении находятся в слитном состоянии. Для выделения объективного в содержании ощущения необходимы практика научного исследования и абстрактное мышление.

Иллюстрацией к сказанному может служить вопрос о так называемых *границах познания*, которые якобы генетически за-

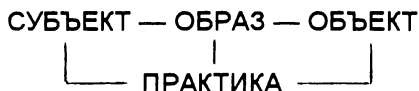
ложены в человеческой природе вследствие особенностей строения органов чувств. Действительно, наши органы чувств, эти приемники (рецепторы) внешних раздражений, страдают ограниченностью. Каждый из них даже в своей специализированной области воспринимает внешние воздействия в сравнительно узком "окне": электромагнитные волны воспринимаются зрением человека лишь в указанном выше узком диапазоне; слух реагирует на звуковые колебания среды в диапазоне всего от нескольких десятков до 20 тыс. колебаний в секунду; вкус различает присутствие в пище небольшого круга химических веществ; еще более ограничено обоняние; осязание даже на кончиках пальцев способно отметить неровности на поверхности тел до определенного их размера, а температурные различия — только в десятых долях градуса и т.д. Агностицизм использует совокупность этих фактов для попыток доказать данную самой природой невозможность проникнуть во многие области реального мира.

Но уже тот факт, что мы знаем о наличии лишь нескольких "окон" во внешний мир, обусловленных строением нервной системы человека, т.е. о границах познавательных возможностей органов чувств, наглядно свидетельствует, что эти границы нами перейдены, т.е. что их не существует. Ощущения даны в практике при непосредственном воздействии внешних агентов на органы чувств, но с помощью той же практики, только в более высокой форме, когда мы целенаправленно воздействуем на предметы природы и на наши органы чувств как на объект научного познания, мы устанавливаем соотношение объективного в явлениях природы и в органах чувств, физического и физиологического, с одной стороны, и психического — с другой.

Гносеологическая триада. Для того чтобы перейти к отражению мира в понятиях, высшей формой которых являются научные понятия и системы понятий, теории, а также рассмотреть своеобразно сочетающие в себе чувственное и рациональное образы в искусстве, морали, религии, надо обратиться к вопросу о структуре познавательного образа вообще.

В принцип отражения диалектический материализм включает широко понятый субъективный фактор (потребности и интересы, оценочная перспектива и опыт субъекта, его цели и функциональные возможности, преобразующая воля и практическая

активность). Поэтому упрощенную двучленную модель “образ — объект” следует заменить трехчленной моделью “субъект — образ — объект”, в которой связь всех звеньев обусловлена практикой:

В рамках трехчленной гносеологической модели сознание и возникающие в сознании образы раскрываются тройко: 1) в отношении к объекту (исходное гносеологическое отношение) сознание есть *предметное осознание* бытия, идеальное отображение объекта субъектом; 2) в отношении к практике (центральное гносеологическое отношение) сознание есть *оперативное** осознание бытия, идеальное преобразование субъектом объекта, осознание ситуации деятельности, ее целей, средств и условий; 3) в отношении к субъекту (завершающее гносеологическое отношение) сознание есть *оценочное осознание* бытия, идеальная оценка субъектом его отношения к объекту и к собственной деятельности. В характеристике гносеологических отношений сознания к объекту, практике, субъекту (соответственно как исходного, центрального и завершающего отношения) осуществляется целостность и системность понимания процесса отражения.

Поскольку в системе субъект-объектных отношений сознание может быть представлено гносеологической триадой: предметное осознание бытия — оперативное осознание бытия — оценочное осознание бытия, постольку в структуре формообразований человеческого сознания могут быть выделены в качестве универсальных предметно-отображающий, оперативно-отображающий и оценочно-отображающий аспекты. Предметность, оперативность и оценочность являются *атрибутивными* свойствами субъективных образов объективного мира. Указанным

*Термин “операция” понимается здесь как выражение акции, действия, выполнения задачи, деятельности, которая направлена на преобразование действительности в соответствии с потребностями и интересами субъекта.

аспектам осознания субъектом бытия соответствуют три сферы осознания субъектом самого себя или три стороны самосознания: самопознание, саморегуляция (самопреобразование) и самооценка (эмоционально-ценностное отношение к себе)³.

Следует подчеркнуть, что осознание бытия во всех указанных трех аспектах является процессом отражения, притом отражения творческого. Высказываемое подчас мнение, согласно которому творчество продуктивно, а отражение репродуктивно, одни формообразования человеческого сознания ("нормальные") — отражение без творчества, а другие ("анормальные") — творчество без отражения⁴, представляется нам более чем спорным. В самом деле, "нормальное" восприятие дерева не есть зеркально-мертвый акт. Еще Дидро отмечал: чтобы получить действительное восприятие дерева, надо вспоминать, воображать, а также иметь суждение. В восприятии, как показывает современная психология, актуальное воздействие вписывается в прогностически направленный образ мира, происходит переход от глобального отражения к отражению в деталях. Что касается таких якобы "анормальных" продуктов сознания, как цели, проекты, прогнозы, то все они суть отражение действительности, в них отражаются объективно-реальные зачатки будущего в настоящем, возможности функционирования и развития актуально существующих вещей и явлений, а также возможности освоения объекта субъектом, вытекающие из его потребностей (см. об этом гл. I).

Образы, возникающие в сознании, должны рассматриваться не только в гносеологическом плане (как субъективная реальность), но и в психологическом (как психическая реальность) и лингвистическом (как языковая реальность, практическое сознание). Взаимное соответствие гносеологической, психологической и лингвистической структур образа имеет для их исследования принципиальное значение.

В современной психологии психика человека характеризуется триадой: *когнитивные процессы — регуляционно-волевые процессы — эмоциональные процессы*. Ее звенья фиксируют психическое отражение познаваемого объекта, психическое отражение состояний субъекта, побуждающих его к деятельности, непосредственное психическое отражение отношений субъекта к

объекту, причем в каждое из звеньев триады включены два других. Как отмечает Л.М.Веккер, единство основной триады психических процессов обнаруживается в их общей сенсорной основе, которая фиксируется триадой ощущений: когнитивные процессы генетически и функционально соотнесены с экстерорецептивными ощущениями, регуляционно-волевые процессы — с кинестетическими и проприорецептивными ощущениями, а эмоциональные — с интерорецептивными ощущениями⁵. Психофизиологическая связь отдельных звеньев этой триады была вскрыта еще в рефлкторной (моторной) теории И.М.Сеченова, который интерпретировал познавательные процессы как рефлкторные эффекты “аналитических снарядов”, волевые — как высшую форму психической регуляции действий, а эмоциональные — как усилители эффектов осведомления и регуляции. Таким образом, связь когнитивного, регуляционно-волевого и эмоционального компонентов формообразований человеческой психики генетически и функционально выводится из чувственно-предметного действия субъекта.

Соответственно обращение к структуре речевого высказывания обнаруживает три ряда отношений, характеризующих единство отражения и общения. По данным современной лингвистики это: 1) номинативный, или коммуникативно-предметный, аспект речевого высказывания, показывающий, о чем говорится в высказывании; 2) дейктический, или коммуникативно-целевой, аспект речевого высказывания, показывающий, для чего оно говорится; 3) модальный, или коммуникативно-смысловой, аспект речевого высказывания, показывающий отношение говорящего к содержанию высказывания, к действительности. Лингвистическая триада *номинативность — дейктичность — модальность* фиксирует самые существенные характеристики речевого высказывания и вместе с тем универсальные коммуникативные аспекты отражения.

Итак, универсальность рассмотренной вкратце выше гносеологической триады “предметное осознание бытия — оперативное осознание бытия — оценочное осознание бытия” подкрепляется данными психологии и лингвистики. Для субъективного образа объективного мира устанавливается тройственная корреляция и взаимное соответствие гносеологических, психологи-

ческих и лингвистических аспектов: предметность — когнитивность — номинативность, оперативность — волюнтативность — дейктичность, оценочность — эмоциональность — модальность. Трехаспектная модель субъективного образа объективного мира в силу ее универсальности открывает пути анализа конкретных формообразований человеческого сознания, среди которых особое место занимают субстратные единицы, “клеточки” духовного воспроизведения действительности, каковыми являются научное понятие, художественный образ и нравственная норма, мифологема и религиозный символ.

2. Основные виды субъективных образов объективного мира

Научное понятие. Понятие вообще является *универсальной* формой и продуктом отражения общего в вещах и связях между ними. Научное понятие отличается наиболее глубоким проникновением в сущность, отображением законов природы и общества. Выяснить гносеологическую структуру научного понятия — это значит рассмотреть его отношения, с одной стороны, к объекту, к практике, к субъекту, с другой стороны — к иным формам научного мышления. Для научного познания основными генетически и функционально связанными ступенями синтеза являются *понятие, теория и картина мира*.

Понятие — элементарная клеточка концептуального знания об объекте отражения (о вещи, ее свойствах и отношениях), выделяющая его существенные характеристики. В отличие от знания в форме представления понятие есть расчлененное на признаки знание о предмете. В соответствии с расчленением научного знания на эмпирический и теоретический уровни научные понятия разделяются на *эмпирические и теоретические*. В эмпирической форме научного понятия вычленяются отличительные признаки исследуемого объекта, в теоретической — вскрывается всеобщее основание исследуемого объекта (ср. “металл — тело, которое можно ковать” и “металл — химический элемент, атомы которого легко отдают свои внешние электроны”). Другим выражением разнорядковости существенных

характеристик объекта в сфере понятия является разделение научных понятий на видовые и родовые, специальные и общие, конкретно-общие и абстрактно-общие.

Как форма мышления понятие соотносится с суждением. Основное содержание и функциональная структура понятия, различные стороны отраженного в нем предмета раскрываются в *системе суждений — определений*. С этой точки зрения правомерна следующая характеристика понятия: "Понятие — целостная совокупность суждений, т.е. мыслей, в которых что-либо утверждается об отличительных признаках исследуемого объекта, ядром которой являются суждения о наиболее общих и в то же время существенных признаках этого объекта"⁶. Научные понятия как исторически обусловленные мысленные отражения действительности служат формами бесконечного приближения мысли к объекту. Их объем и содержание изменяются соответственно расширению и углублению знаний о предметах действительности, что проявляется в экстенсивной и интенсивной конкретизации системы суждений-определений понятия (ср. "атом" античных мыслителей и "атом" современной физики)⁷.

Познавательные функции определения стремился выяснить еще Аристотель. Согласно Аристотелю, определения выполняют в познании следующие функции: выражают сущность класса предметов, что достигается с помощью ранее добытых знаний и уже известных выражений; уточняют или вводят новое значение термина или выражения; в доказательстве они играют роль его начала и облегчают саму процедуру доказательства⁸. Развертывая аристотелевскую трактовку акта определения с позиций семиотики, К.Попа показал, что в этом плане естественно различать: определения, которые фиксируют отношения синонимии между выражениями, имеющимися в объемлющем языке (регистрирующие, или резюмирующие, определения); определения, строящие принципиально новые смыслы для терминов, которые уже функционируют в языке, но в другом значении, либо вводящие совсем новый термин с новым смыслом (постулятивные, или переквалифицирующие, проективные определения); и определения, которые уточняют либо видоизменяют сложившийся ранее смысл выражений социального языка, соотносят смысл определяемого термина с нормами языка

(уточняющие, или разграничительные, определения)⁹. В этой семиотической классификации, как и в трактовке Аристотеля, познавательные функции определения суть *описание* (предикация, или оформление, содержания знания как предмета знания), *предсказание* (антиципация, или приращение, нового знания) и *объяснение* (экспликация, или обоснование и оценка, знания).

В дальнейшем в логике и гносеологии углубленно исследовались отдельные стороны определения, причем одни предметом определения считали сущность вещей (Спиноза, Гегель), другие — смысл имени (Гоббс, Локк, Милль), третьи — понятие (Кант, Фреге, Риккерт). В методологии диалектического материализма, соединяющей анализ и синтез, определение понятий обрело подлинно *системный характер*.

При диалектическом подходе выделяется уже отмеченная выше функциональная триада: *описание* — *предсказание* — *объяснение*, характеризующая научное знание в его отношении к объекту, к деятельности, к субъекту. Действительно, научное понятие (и определение, раскрывающее его содержание) выполняет в познании: *предметно-описательную* функцию, поскольку представляет знание о сущности предмета в его связях, движении и развитии; *оперативно-предсказательную* функцию, поскольку направляет деятельность человека, целенаправленно охватывает возможные проявления сущности предмета и расширяет знание о нем; *оценочно-объяснительную* функцию, поскольку с учетом конкретных условий и в определенных пределах утверждает адекватность знания его прообразу и устанавливает значимость знания о предмете, вписывая его в существующую систему знаний. Предметно-описательная, оперативно-предсказательная и оценочно-объяснительная функции научного понятия реализуют его генеральную познавательную функцию — быть средством закономерного различения и выделения предметов тех или иных классов. Таким образом, гносеологическая структура научного понятия как субъективного образа объективного мира характеризуется единством предметно-описательного, оперативно-предсказательного и оценочно-объяснительного аспектов.

Уместно подчеркнуть, что в стиле научного мышления способ переработки продуктов созерцания в научные понятия соот-

несен с фундаментальными принципами, определяющими особое категориальное видение объекта, причем в процессе формирования научного знания реализуются закономерно связанные конструктивные (логико-методологические) функции научной мысли — описание, предсказание и объяснение. Реальная специфика предмета и метода различных наук нередко абсолютизируется и служит поводом для отрицания единства научного метода.

Так, например, глава баденской школы неокантианства В.Виндельбанд абсолютизировал различия между номотетическим (генерализирующим) мышлением естествоиспытателей и идеографическим (индивидуализирующим) мышлением историков. В.Дильтей проводил резкую грань между науками о природе и науками о духе, полагая, что объяснение применимо в науках о природе как способе бытия объекта, тогда как для гуманитарных дисциплин, для наук о культуре как способе бытия субъекта (в частности для истории) специфичны описание и интуитивное понимание смысла и значения событий (герменевтика). Выше (см.гл.I) уже говорилось о неправомерности разрыва интуиции и логики в научном творчестве. Столь же неправомерен разрыв понимания, образующего суть интерпретации, и объяснения. Как показал французский герменевтик П.Рикер, понимание предваряет, сопутствует и завершает объяснительные процедуры; "понимание без объяснения слепо, а объяснение без понимания пусто"¹⁰.

Номотетической (генерализирующей) парадигме естественно-научного мышления социологи постмодернистского толка противопоставляют политеоретический подход в интерпретации и объяснении социальных фактов. Политеоретическое объяснение наблюдаемых явлений мыслится как факторная сумма объяснений отдельных сторон, элементов, частей этих явлений, притом объяснений, полученных исходя из самых различных теоретических представлений (экономических, психологических, исторических и др.)¹¹. Политеоретический подход, будучи феноменологическим и эклектическим, претендует на всесторонность изучения социальных явлений. Это мнимая всесторонность, игнорирующая необходимость понимания предмета как целостной органической системы, как "единства многообразного", основа

которого — главная, существенная сторона данного единства (экономическая — для “социальных организмов”).

Художественный образ. Материалистическая философия рассматривает искусство как субъективное отражение объективной действительности в виде художественных образов. В этом определении подчеркнута гносеологическая сущность искусства как отражения действительности, причем указано на обязательное наличие субъективного момента, который в определенных видах искусства (музыке, архитектуре) выходит на первый план. Вместе с тем в нем указывается статус художественного образа как первоэлемента искусства. *Художественный образ есть универсальная форма и продукт художественного отражения действительности.* Специфика и структура художественного образа определяются спецификой и структурой художественного отражения действительности. В специфической структуре художественного отражения действительности проявляется общая структура человеческого сознания. В соответствии с изложенными ранее посылами художественный образ должен быть рассмотрен в трех аспектах: предметном, оценочном и оперативном; при этом мы будем, естественно, опираться на данные эстетики, искусствоведения и литературоведения.

В эстетической концепции Аристотеля искусство характеризуется как мимесис, как подражание действительности. Он выделял три основных типа подражания: “Так как поэт есть подражатель (подобно живописцу или иному делателю изображений), то он всегда неизбежно должен подражать одному из трех: или тому, как было или есть; или тому, как говорится и кажется; или тому, как должно быть”¹². Эти типы художественного освоения жизни свойственны искусству в любой период его развития, хотя и в различной степени. Условно их можно было бы назвать объективным (изображение сущего), субъективным (изображение вещей так, как о них говорят и думают) и нормативным (изображение должного). С различными типами художественного освоения жизни связана родовая дифференциация искусства, и, что существенно, они представлены в каждом произведении искусства. Например, родовыми формами художественной литературы являются эпос (изображение событий, внешних по отношению к автору, повествование), лирика (изображение состояний,

переживаний, настроений) и драма (изображение действий, конфликтов, ситуаций выбора и принятия решений), и в каждом произведении художественной литературы представлены в том или ином сочетании эпические, лирические и драматические элементы¹³.

Посредством мимесиса создается не повторение, а подобие явлений действительности, которое является диалектическим единством сходства и различия. Сходство с реальным предметом отсылает воспринимающего к самому этому предмету, воскрешает в памяти представление о нем; отличие указывает на присутствие творческой личности, т.е. художника, по-своему преобразившего предмет; интервал между полюсами сходства и различия (интервал подобия) дает почувствовать путь и смысл этого преобразования, аккумулирует в себе энергию значений художественного произведения¹⁴.

Не останавливаясь специально на исторических судьбах триединой формулы мимесиса, которую ввел Аристотель¹⁵, отметим, что она была творчески развита в трудах Ш.Батте и Д.Дидро, Г. Э.Лессинга и И. В.Гете, В.Г.Белинского и Н.Г.Чернышевского. В эстетике классицизма художественный образ рассматривался как плод подражания вещам в ракурсе идеала. "Если искусство подражает природе, — писал Ш.Батте, — то оно должно подражать ей разумным, просвещенным образом, не рабски копировать, а выбирать нужные предметы и черты и изображать их в наиболее совершенном виде. Одним словом, необходимо такое подражание, где видна природа, какой она должна быть и какой ее может представить разум"¹⁶.

В эстетике русских демократов XIX в. на первый план выдвигается действенность искусства. Согласно Н.Г.Чернышевскому, "называть искусство воспроизведением действительности (заменяя современным термином неудачно передающее смысл греческого *mimesis* слово "подражание") было бы вернее, нежели думать, что искусство осуществляет в своих произведениях нашу идею совершенной красоты, которой будто бы нет в действительности"¹⁷. Развивая понимание искусства как сложной системы, Н.Г.Чернышевский представил отношение искусства к действительности в единстве трех существенных сторон: воспроизведение общеинтересного, приговор над жизнью, учебник жизни

ни. Искусство воспроизводит “законы человеческого действия, игру страстей, сцепление событий, влияние обстоятельств и отношений... сокровеннейшие законы психической жизни”¹⁸, идейно-эстетически оценивает явления жизни с позиций гуманистического идеала, побуждает к борьбе за улучшение человеческой жизни, воспитывая человека в человеке. “Поэты — руководители людей к благородному образу чувств: читая их произведения, мы приучаемся отвращаться от всего пошлого и дурного, понимать очаровательность всего доброго и прекрасного, любить все благородное; читая их, мы сами делаемся лучше, добрее, благороднее”¹⁹. Можно сказать, что в эстетической концепции Н.Г.Чернышевского каждая из существенных сторон искусства в одном отношении составляет его особенность, а в другом восходит к общим аспектам сознания — предметному, оценочному, оперативно-практическому.

В эстетической теории марксизма, продолжившей классическую традицию от Аристотеля до Чернышевского, трактовка искусства как особой формы человеческой деятельности и как особой формы общественного сознания связывается с материалистическим пониманием исторического процесса. Искусство — прогрессивно развивающееся духовно-практическое освоение мира по законам красоты. Для марксистской эстетики в художественном образе представлены в эстетическом единстве предметное отображение, оценка и преобразование действительности, причем красота неотделима от прогрессивной идейной направленности, а изобразительность неотделима от выразительности. “Полное слияние большой идейной глубины, осознанного исторического содержания... с шекспировской живостью и богатством действия...”²⁰ — так характеризует Ф.Энгельс специфику художественной картины мира. В известном ленинском определении творчества Л.Н.Толстого как зеркала русской революции получила выражение задача искусства представлять жизнь такой, какая она есть и какой должна быть.

Системный подход к художественному образу как общему явлению для всех видов искусств требует признания универсальности трехаспектной модели художественного образа, в частности таких его сторон (и функций), как *предметно-изобразительная, оперативно-конструктивная и оценочно-экспрессивная*.

Нравственная норма. *Мораль* как относительно самостоятельная форма общественного сознания представляет собой *нормативное отражение* взаимоотношений между людьми, между личностью и обществом, между различными человеческими общностями. Мораль с ее особыми нормами (от лат. norma — правило, образец) появляется тогда, когда позитивное предписание или запрет какой-либо формы поведения осознаются в рамках противоположности добра и зла. Средствами укрепления нравственных начал в общественной жизни выступают традиционно перенимаемые обычаи и общественное мнение, нормы права и религиозные заповеди, фольклор (половицы, сказки и т.д.) и профессиональное искусство, этические теории и другие продукты духовной культуры.

Нравственная норма является началом (основанием) морального сознания, своеобразной “клеточкой” морали. Она задает общезначимый и общепризнанный эталон поведения людей, который служит непосредственным регулятором их поведения. Такие гуманистические нравственные нормы, как уважительное отношение к женщине, и особенно к матери, нравственное осознание родства, стыдливость и застенчивость, а также отвращение к кровосмесительным бракам (инцесту), сложились уже в эпоху матриархата. Нравственные нормы раннеклассового общества получили освящение в религиозных кодексах морали. Так, буддизм требовал соблюдения пяти моральных требований (панча-шила): воздержания от нанесения зла, лжи, кражи, чувственных излишеств и алкоголя. В ветхозаветном кодексе, состоящем из десяти заповедей, говорилось: “Почитай отца и мать своих”, “Не убий”, “Не прелюбодействуй”, “Не укради”, “Не лжесвидетельствуй” и др. В Евангелии от Матфея предписываются моральные нормы нового типа: “Не противься злему”, “Любите врагов ваших”, “Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними”. Последняя норма первоначально возникает в негативной, более элементарной формулировке: “Не делай другому того, чего не хочешь, чтобы сделали тебе”. Эта норма пришла на смену норме равного возмездия (“око за око, зуб за зуб”) и получила название “золотого правила” нравственности. В ней концентрированно выражены идея равенства всех людей в их стремлении к счастью и достоинству, ответ-

ственность индивида за творимые им деяния. Следует, однако, отметить, что общечеловеческое содержание золотого правила нравственности всегда выступает в конкретно-исторической форме, каждый класс и каждая эпоха вкладывают в него свое содержание²¹.

В ходе исторического развития изменялись общественные отношения людей и сами люди, их представления о добре и зле, менялись нравственные нормы и механизм нравственной регуляции поведения. История морали в сокращенном виде воспроизводится актуально в процессе морального развития отдельной личности. Достаточно обоснованным представляется выделение в индивидуальном развитии доморального уровня, охватывающего период от рождения до первых проявлений морального сознания, и следующих за ним трех уровней морального развития личности, каковыми являются мораль внушения и подражания, мораль долга и мораль совести.

На уровне элементарной моральности, или морали внушения и подражания, функционирование нравственных норм в индивидуальном сознании определяется формулой: "Делай, как все". Нравственная норма усваивается в ее *предметно-императивной** функции — как категорическое требование, как жесткое предписание социально необходимого способа поведения. В историческом развитии общества элементарная моральность зарождалась в первобытнообщинном строе, где формировался социальный тип естественного человека, сознание которого определяла конформистская установка.

С ростом самосознания индивида, с увеличением личной свободы и ответственности функционирование нравственных норм в индивидуальном сознании выходит за рамки формулы: "Делай, как все". Осознание вариативного характера бытия человека, соотнесение своих интересов с интересами общества сопряжены с внутренней детерминацией поведения, с решением вопроса: "Почему и зачем надо делать так?", с мотивацией поведения с точки зрения должного и недолжного. Нравственная норма на этом уровне усваивается в ее *оперативно-мотивационной*

*От лат. imperativus — повелительный

функции, как мотив, внутреннее побуждение к действию и как рациональное основание для выбора должного действия. В истории общества такой уровень морального сознания характерен для строя частной собственности, формирующего социальный тип деятельного человека, ведущей установкой сознания которого становится индивидуализм.

Высший уровень морального развития личности — это уровень морального саморегулирования, или мораль совести. Совесть является голосом общества в индивидуальном сознании, инобытием долга²². Действуя по совести, человек получает высокое удовлетворение прежде всего от самого выполнения общественного долга и совершения добрых дел, от выполнения своего предназначения. При этом деятельность человека становится его самодеятельностью, а нравственная норма — не столько внешним регулятором поведения, сколько санкцией того, что можно делать, исходя из масштабов и полноты своей личной ответственности за происходящие вокруг события. Нравственная норма на этом уровне морального развития личности выступает в ее *оценочно-санкционирующей* функции, как оправдание или осуждение, как контроль того или иного варианта поведения. *Оценочно-санкционирующая* функция нравственной нормы органически связана с оперативно-мотивационной и предметно-императивной функциями. Поэтому разделение нравственных норм на нормы-требования, нормы-стимулы и нормы-оценки весьма условно; вместе с тем несомненна специфичность связи указанных функций в различных нравственных нормах и в различных условиях применения той или иной нравственной нормы.

Регулятивная функция морали, развернутая в систему предметно-императивной, оперативно-мотивационной и оценочно-санкционирующей функций, указывает и на структурные особенности нравственной нормы. В качестве регулятивных элементов, или аспектов, нравственной нормы различают диспозицию, гипотезу и санкцию²³. Диспозиция характеризует содержание (программу) действия в форме морального требования; она предметно отражает условия общественного бытия и потребности общества. Гипотеза — это предположение об условиях совершения (или несовершения) требуемого нормой действия; она фиксирует объективно возможное многообразие действий в

процессе выбора надлежащего варианта поведения. Нравственная санкция (одобрение или осуждение поступка) исходит из социальной необходимости требуемого нормой действия; она выступает в форме "оценки, которую человек должен сам осознать, принять внутренне и соответствующим образом направлять свои действия в дальнейшем"²⁴.

Функциональная структура нравственной нормы (императив — мотивация — санкция) воспроизводится в структуре системы норм, морального идеала, моральных принципов и других элементов морального сознания. Эти элементы различаются по степени обобщенности, по роли в осуществлении регулятивной функции морали. Но все они суть нормативные отражения связи личности и общества, призванные обеспечить единство нравственных норм и реального поведения людей.

Мифологема и религиозный символ. *Мифология и религия* как мировоззренческие формы организации общения и деятельности людей, закрепления и обоснования определенного общественного порядка возникли на определенной ступени развития первобытной общины. Это были различные формы *иллюзорно-практического освоения действительности*.

Первобытный миф представлял связь человека с миром по типу кровнородственных родо-племенных связей, очеловечивал окружающую природную среду и с этих позиций объяснял происхождение и место в мировом порядке природных явлений, человека и различных благ культуры, конечные судьбы человека и мира. Центральная фигура первобытной мифологии — герой-демиург (от греч. *demiurgós* — мастер, творец). Это богатырь или богочеловек, в сферу его деятельности входило добывание огня, полезных злаков, изобретение различных предметов культуры, необходимых человеку в его борьбе с природой. Таковы, например, Геракл, Тесей, Прометей в древнегреческой мифологии. Мифосознание было иллюзорно-практическим. Оно не разделяло воображение и его предмет, имя вещи и саму вещь, объяснение и фантастическое преобразование мира. Первобытному человеку казалось, что противостоящие ему силы в природе и обществе можно подчинить посредством особых обрядовых действий, языковых формул (заклинаний) и прочих элементов магического ритуала. Но для того чтобы овладеть вещью, получить над ней

власть, необходимо было понять начало вещи, ее происхождение²⁵.

Универсальное понимание происхождения вещей, генеалогической связи человека с миром дают основные идеи мифов — *мифологемы*. Это мифологемы света и тьмы, вечного возвращения, оборотничества и др. Мифологема света и тьмы, видимого и невидимого мира служила основанием двоичной классификации различных сфер бытия, человеческой жизни и знания: небо — земля, день — ночь, верх — низ, восток — запад, лето — зима, жизнь — смерть, человеческое — нечеловеческое, мы — они, свои — чужие, добро — зло и т.д. Прообраз этой бинарной мифологемы можно усмотреть в дуально-родовой организации первобытного общества (разделение первобытного стада на две половины, два первоначально экзогамных рода, брачная связь между которыми определяла эндогамное племя). “В дуальной организации первобытный человек нашел готовый трафарет, которым он пользовался при классификации внешнего мира”²⁶. На универсальность бинарных оппозиций в мифологическом мышлении первобытных народов указывает французский этнограф и философ К.Леви-Строс. Согласно Леви-Стросу, миф обычно оперирует противопоставлениями и стремится к их постепенному снятию — медиации, причем медиатор (посредствующий член) совмещает в себе признаки обеих противоположностей и в известной мере разрешает противоречие.

Так, в мифологии североамериканских индейцев волшебный койот или ворон (пожиратели падали) — это переходная ступень между травоядными и плотоядными, туман — между небом и землей, скальп — между войной и земледелием (скальп — “жатва” войны), одежда — переходная ступень от природы к культуре. Цепь медиаторов обозначалась сходными по семантике или по звучанию словами, что служило основанием для возникновения фантастических представлений о том, что бог росы является хозяином животных, скальпы делают росу и т.д.²⁷

В мифологеме вечного возвращения получила выражение идея периодического обновления космоса, обратимости процессов внешнего мира и всего потока бытия. Чтобы возродиться, нужно умереть, возвратиться к изначальным истокам. Умирают и возрождаются к новой жизни и Солнце, и зерно, и человек. В гре-

ческой мифологии воплощением космического ритма и вечного обновления жизни служила волшебная птица Феникс, которая в старости сжигала себя и тут же возрождалась из пепла молодой и обновленной. У многих народов мира существовали мифы о периодической гибели мира в результате всемирного потопа, пожара или мора и последующем его возрождении. Эта мифологема вошла в мифы о ежегодно умирающем и воскресающем божестве Осирисе (Египет), Таммузе (Вавилония), Адонисе (Сирия), Аттисе (Малая Азия), Дионисе (Греция), а также в миф о Христе. «Главным, — пишет в этой связи М.Элиаде, — является то, что повсюду существует понятие конца и начала некоторого временного периода, основанное на наблюдении за биокосмическими ритмами, входящее в более широкую систему периодических очищений... и периодического возрождения жизни»²⁸.

Мифологема оборотничества утверждает универсальную способность мифического героя принимать облик любого человека, животного и растения, камня и небесного тела. Все может быть отождествлено со всем. Считалось, что и человек, знающий начало всех вещей (знахарь, колдун, шаман), приобретает способность к превращениям посредством магического ритуала. Всеобщее оборотничество было фантастическим выражением целостности мира, единства человека с окружающим миром.

Обобщая накопленный науками о культуре материал, можно дать гносеологическую характеристику мифологемы как предметного, оперативного и оценочного осознания бытия. В предметном аспекте мифологема представляет собой модель мира, порождающую из хаоса явлений универсальный, хотя и иллюзорный, порядок и гармонию. В оперативном аспекте мифологема — наставление в ритуально-магической деятельности, которое позволяет регулировать, хотя и иллюзорно, реальный ход событий. В оценочном аспекте мифологема объясняет, хотя и иллюзорно, родословную того или иного явления, его место и ранг во всеобщей связи бытия. Связывая функцию со структурой, можно утверждать, что в общественном сознании мифологемы выполняют *предметно-моделирующую, оперативноритуальную и оценочно-этиологическую*²⁹ функции, способствуя гармонизации отношений человека с миром.

В отличие от мифологического сознания религиозное сознание разделяет мир на сверхъестественный и естественный при абсолютном господстве первого над вторым. Населенный духами и богами потусторонний мир становится объектом религиозного поклонения, иначе говоря, культовой практики (лат. *cultus* — почитание). В систему религиозного культа входят и реально существующие предметы и лица. Это, в частности, культовые здания и служители культа, крест и полумесяц, иконы и мощи и т.д. Все они наделяются сверхъестественными свойствами, возводятся в ранг сакральных (священных) и служат посредниками в общении между людьми и сверхъестественными силами. Религиозный человек верит, что посредством особых символических действий (молитвы, богослужения, жертвоприношения и другие обряды) можно общаться с богом и другими сверхъестественными силами, искать у них помощи и обретать благодать и защиту от всех невзгод.

Религиозное отношение к миру, также являясь иллюзорно-практическим, вместе с тем существенно отличается от мифологического. Миф был повествованием, содержание которого осознавалось как полностью объективная реальность; в мифосознании отсутствует дифференциация субъективного и объективного, природного и социального, чувственного и сверхчувственного. В религиозном сознании мир видимый, воспринимаемый нашими чувствами, противопоставляется миру потустороннему, сверхчувственному, и элементарной формой мировосприятия становится *символ сверхъестественных сил*. Кроме того, противоположны смыслы мифологического и религиозного ритуалов: первый направлен на возобновление мифологического события с целью сохранения мирового порядка, второй — на обеспечение помощи сверхъестественных сил во имя достижения конкретных целей³⁰. Религия служит иллюзорным, фантастическим средством компенсации (восполнения) практического бессилия людей в борьбе с внешними силами, которые господствуют над ними. Эта иллюзорно-компенсаторная функция реализуется во всем многообразии социальных функций религии.

Религиозный символ — это единица, «клеточка» религиозного сознания³¹. Вообще символ как субъективный знак объективного мира есть чувственно-наглядное и многозначное вопло-

щение общей идеи, своего рода многозначное иносказание. Символ представляет и заменяет символизируемое, ассоциативно сопряжен с символизируемым и допускает разнообразие интерпретаций. Так, круг — это символ Солнца, совершенства, вечности; голубь — символ невинности и кротости, мира, человеческой души, Христа и сошедшего на него Святого духа и т.д.; крест — символ христианства, победы, страдания и спасения через муки, вечного обновления и возрождения и т.д. Своеобразие религиозного символа состоит в том, что в предметной ипостаси он иносказательно представляет мир сверхъестественных сущностей, создавая видимость присутствия и реальности сверхъестественного; в оперативной ипостаси он играет роль культового посредника между человеком и миром сверхъестественных сущностей; в оценочной ипостаси он освящает (сакрализует) отношение человека к миру сверхъестественных сущностей. *Предметно-иносказательная, оперативно-культовая и оценочно-сакральная* функции религиозной символики позволяют ей выступать в роли иллюзорного компенсатора человеческого бессилия.

Следует подчеркнуть, что и мифология, и религия являются спутниками неразвитости общественно-исторической практики, ограниченности отношений людей к природе и друг к другу. Эти формы иллюзорно-практического освоения действительности перестают быть элементом духовной культуры лишь в той мере, в какой в сознании масс исчезают социальные предпосылки их воспроизведения.

В этой связи уместно обратиться к весьма распространенной точке зрения на религию как на якобы вечный атрибут человеческого сознания. Не будем касаться аргументов, предъявляемых теологами, которые вечность религии как чувства и как знания о боге непосредственно выводят из первичности и вечности бога как высшего сознания, воли, любви. Несостоятельность логических доказательств божественного бытия давно доказана, эмпирически наблюдать деятельность сверхъестественных сил науке не удавалось. Поэтому особое внимание привлекают ссылки на структуру мозга: правое полушарие, как известно, является средоточием чувств, эмоций, левое — логических процессов. Ссылаясь на этот факт, акад. Б.В.Раушенбах замечает, что

“человечеству нужно целостное мировоззрение, в фундаменте которого лежит как научная картина мира, так и вненаучное (внелогическое, образное) восприятие его”³². Последнее дается, по его мнению, искусством, моралью и религией. Отсюда следует вывод о *неустранимости*, более того, *полезности* религии. В данном рассуждении, на наш взгляд, допущены погрешности.

Во-первых, оба полушария “работают” слаженно. Художественный образ часто служит вспомогательным средством в создании научной гипотезы, но сам он не есть только чувственный, эмоциональный, но пронизан мыслью. В художественной литературе это очевидно, так как ее строительным материалом выступают слова-понятия, а “сверхзадача” произведения принимает форму более или менее четко сформулированной идеи. Но это верно и для других областей искусства. Моральные нормы выражены в логической форме как правила поведения, заповеди и т.д., религиозное чувство неотделимо от догматов веры³³.

Во-вторых, целостное мировоззрение, как доказывает опыт истории, может быть *донаучным и ненаучным*. Если же говорить о современном *научном мировоззрении*, то оно вполне обходится без религии. Вся история материализма — это история становления и развития научного мировоззрения в борьбе с мировоззрением идеалистическим, которое чаще всего было религиозным. Последнее господствовало долгие столетия, что не могло не оказать влияния и на естествоиспытателей. Но это влияние уменьшается вместе с понижением роли религии в обществе. Ф.Энгельс как-то в шутку заметил, что “с богом никто не обращается хуже, чем верующие в него естествоиспытатели”³⁴. Они приписывают божественному вмешательству то, что в данное время не поддается рациональному объяснению, но, по мере того как сфера познанного расширяется, они сами вытесняют бога из природы. Ньютону он был нужен для “первого толчка” в объяснении Солнечной системы, но Кант и Лаплас объяснили движение планет естественными причинами. Джинсу и Леметру бог был нужен для “первого толчка”, обусловившего расширение Метагалактики, но нет сомнения в том, что и эта тайна природы найдет рациональное объяснение.

В-третьих, в качестве причины вечности религии Б.В.Раушенбах привлекает “ген религиозности”³⁵. Поскольку все

первобытные племена имели религиозные верования, то этот ген якобы существовал и продолжает существовать, передаваясь из поколения в поколение. Но как быть с дорелигиозным периодом в становлении человечества, когда оно формировалось из стада предков? Антропологи придерживаются мнения, что этот период существовал. Значит, приходится предполагать, что данный ген возник либо получен в наследство от обезьян, которым тоже придется приписать наличие этого гена, а тем самым религиозность? И если дело в гене, то как быть с атеистами — детьми верующих родителей, с атеистами вообще? Эти и подобные вопросы остаются без ответа. Суть же дела в том, что социальные качества человека передаются не через изменения в генной структуре ДНК, социальные изменения в ней не закрепляются. Сущность человека определяется не только принадлежностью к виду *Homo sapiens*, но главным образом общественными условиями и изменяются вместе с ними.

Провалившиеся попытки насильственного “упразднения” религии, учитывая давний опыт Великой французской революции и свежий опыт Октябрьской революции в России, последующих карательных и ограничительных мер против церкви, наглядно свидетельствуют, что религия и мистика имеют глубочайшие социальные корни. Поэтому и освобождение от веры в господство сверхъестественных сил над субъектами людей и в бессмертие души будет чрезвычайно длительным историческим процессом, сроки которого предсказать никто не может. Сказанное полностью относится и к наиболее древним, но и поныне широко распространенным вульгарным проявлениям веры в чуда.

Следует учитывать, конечно, наличие противодействующих этому социальных сил. За религией стоят мощные церковные организации, в успешной деятельности которых непосредственно заинтересованы миллионы священнослужителей, а также господствующие классы. Десятки тысяч астрологов, колдунов, парапсихологов, иных предсказателей судьбы тоже имеют собственные организации и пользуются финансовой поддержкой. Особо следует отметить роль средств массовой информации в распространении религиозных и прочих мистических воззрений. В нашей стране после десятилетий запретов со стороны властей СМИ

буквально соревнуются в проповеди религиозных воззрений и трансляции богослужений, равно как в предоставлении газетной площади и телевизионного времени “прорицателям” разного толка.

Критический разбор деятельности современных ясновидцев, экстрасенсов и телевизионных целителей читатель может найти в книге В.С.Матвеева “Загадки и резервы психики”. Ограничимся приведенной в этой книге классификацией экстрасенсов, которую дал психотерапевт, профессор Б.Д.Карвасарский: “Примерно восемьдесят процентов этих людей просто психически больные. Да, они иногда психотерапевтически действуют на других — путем внушения. Примерно десять процентов из тех, кто приходит ко мне, психически не больны, но с отклонениями от нормы. И еще десять процентов — просто мистификаторы, наживающие на этом большие деньги и громкую славу”³⁶. С распространением веры в земные и инопланетные чудеса, в предсказания астрологов смыкается ныне религиозная мистика, подрыв научно-материалистического мировоззрения, что вообще характерно для общества в состоянии кризиса. Показательна в этом отношении статья В.Н.Тростникова «Научна ли “научная картина мира”?»³⁷ Ссылаясь на ограниченность редукционизма, эволюционизма и рационализма и произвольно толкуя значение ряда крупных научных достижений (уравнение Шредингера в физике, структурная модель ДНК в биологии, теорема Геделя в математике), В.Н.Тростников заявляет, что данными современной науки существование Бога-Творца можно считать доказанным, а материалистическое мировоззрение опровергнутым.

На Западе, где массовое сознание давно и постоянно испытывает давление подобного рода, подчас прорываются трезвые голоса. Так, в Германии в начале 1992 г. Общество научного исследования парапсихологических наук проверило состоятельность астрологических предсказаний на 1991 г. На пробу были взяты 152 предвидения 27 толкователей расположения звезд. Корреспондент сообщает: “Результат оказался сногшибательным. 103 предсказания были полностью, как говорится, пальцем в небо. Подтвердилось только жалких 14 пророчеств. Да и потому... что сформулированы они столь расплывчато, что их можно трактовать как угодно”³⁸.

К сожалению, в нашей стране с ее давними и солидными материалистическими традициями, подпитывавшимися последние десятилетия государственной поддержкой, ныне (в порядке тотального отрицания предшествующего периода) пропаганда атеистического мировоззрения и разоблачение наживающихся на массовых предрассудках шарлатанов стали для большинства средств массовой информации нежелательными. Таков еще один “зигзаг истории”, который рано или поздно будет историей же выправлен.

ГЛАВА III ИСТИНА И ЕЕ ПРОВЕРКА

Истина — дочь своего времени.
Ф.Бэкон

1. Истина и заблуждение как гносеологические категории

Рассмотренные выше категории объективного и субъективного находят свое продолжение и конкретизацию в категориях истины и заблуждения. Зачатки противоположности истины и заблуждения можно проследить уже на чувственной ступени познания. Выше мы уже останавливались на соотношении субъективного и объективного в ощущениях и восприятиях. Субъективное, так сказать, второго порядка на уровне восприятия у тех или иных индивидов может давать неверное, подчас извращенное представление о подлинных свойствах предметов. Обычно это связано с отклонениями от физиологической нормы в результате болезни, приема алкоголя, наркотиков и т.д.

Эта противоположность разворачивается далее в общих представлениях о предметах при воссоздании их образа по памяти. Здесь уже наличествует момент абстрагирования и обобщения, а тем самым содержится дополнительная возможность внесения в образ субъективных моментов. Хорошо известно, например, каковы разногласия очевидцев при наблюдении неожиданного явления, как-то: аварии или преступления. “Выудить” истину при сопоставлении мнений очевидцев, присутствовавших в момент события, — весьма непростое дело, и это хорошо известно следователям и судьям. На сопоставлении различного восприятия события его участниками основан гениальный фильм А.Курасава “Расемон”. Но в полной мере противоположность истины и заблуждения, а тем самым истинного и ложного проявляется в сфере мышления, т.е. в рациональном познании.

Основной формой последнего выступает понятие. Чтобы отделить в понятии истинное от ложного, необходимо развернуть его признаки, а для этого требуется составить систему суждений. Строго говоря, только суждение может быть признано либо пол-

ностью ложным, либо полностью истинным, т.е. концентрировать в себе ту или иную сторону указанной противоположности. Вот почему в учебниках по логике подчас утверждается, что теория истины ограничивается областью суждений и умозаключений, т.е. цепочкой взаимосвязанных суждений. Мы полагаем, что категории истины и заблуждения относятся к идеальному образу вообще, к отражению мира в сознании во всех его формах. Но именно благодаря связи всех форм отражения в человеческой голове (связи чувственного образа с мыслительным и, далее, понятия с суждением) открывается возможность оценить соотношение истинного и ложного в понятии и далее в представлениях и восприятиях. Попутно заметим, что если термин “ложное” вполне применим ко всем формам человеческого познания, то термин “заблуждение” предполагает поиск истины, и поэтому его употребление оправданно лишь в сфере рационального мышления.

Поиск истины невозможен без заблуждений, ошибок, когда содержание сознания, не соответствующее реальности, принимается за истинное. “Только преодолевая ошибку за ошибкой, вскрывая противоречия, мы получаем все более близкое решение поставленной проблемы, — писал П.Л.Капица. — Ошибки не есть еще лженаука. Лженаука — это непризнание ошибок”¹. Можно сказать, что лженаука — это служение неправде, ибо непризнание ошибок, искажая действительное состояние дел, ведет, чему немало примеров, к сокрытию или подтасовке фактов, к иллюзии доказательности и построению намеренно ложного знания.

Краткий обзор концепций истины. Концепция “корреспонденции”, сформулированная еще Аристотелем, гласит: *“Истина есть соответствие мысли объекту”*. Это классическое определение носит по существу стихийно-материалистический характер и в качестве исходного пункта приемлемо для большинства направлений философии. Но на этой основе возможен широкий спектр воззрений, поскольку в понятия “объект” и “соответствие” может вкладываться разное содержание. Когда объект понимается как не зависящий от сознания и существующий вне его, а соответствие — как отражение и поэтому сходство, — это материализм, хотя и внутри данного философского направления существует немало различий в трактовке истины.

Для идеалистической философии объект имеет духовную сущность, и поэтому разграничение между истиной и заблуждением приходится искать внутри сферы сознания. Религиозно-идеалистические направления в философии полагают истинным в сознании то, что соответствует замыслам и воле бога (или как-либо иначе называемого духовного первоначала) или, того паче, текстам священных книг. Так, правоверному христианину предлагается верить в истинность всего, что написано в Библии. А в ней можно прочесть, что вначале бог сотворил небо и землю, затем отделил день от ночи, твердь от воды, повелел произрастать на земле растениям и т.д. и лишь после всего этого изрек: "Да будут светила на тверди небесной для освещения земли..." Таким образом, земля и живое на ней появились якобы *до того*, как за-сверкали звезды, — такова одна из "истин" Ветхого завета. Она принадлежит мифологическому сознанию, которое сегодня воспринимается как реликт давно пройденных человечеством ступеней культуры. Но и с Новым заветом не легче. Например, один из догматов христианства — признание бессмертия человеческой души как "искры божией", заложенной богом в нас, грешных. Увы, и эта "истина" опровергается всеми данными естествознания...

Ислам, буддизм, иудаизм, синтоизм, индуизм и т.д. содержат в себе не меньше догматических утверждений, непримиримых с наукой. Сколько религий, столько и истин, причем каждая объявляет сторонников иных религий "неверными". И как бы ни "причесывали" в целях согласования с данными науки религиозное мировоззрение богословы и близкие им по духу философы, суть остается той же: истинность оказывается не более как соответствием наших высказываний предначертаниям высшей духовной силы.

Для последовательного субъективного идеалиста ощущения, восприятия суть нечто данное индивиду, за ними предметы не стоят. Поскольку объективная реальность отвергается, в поисках истины мысль приходится сравнивать либо с восприятиями, которые она должна лучше или хуже описать, либо с другой мыслью. Последнее может решаться разным образом. Один из вариантов уже был упомянут ранее — апелляция к общезначимости. То, с чем согласны все или по крайней мере большинство, и есть истина. Нетрудно видеть, что этот "демократический" путь

по сути дела закрывает дорогу новому в науке, поскольку в момент его появления подавляющее большинство ученых (и не только их) стоит на старых позициях. Известно, что появление теории Коперника было встречено не только инквизицией, но и сторонниками системы Птолемея в штыки; автор смог провозгласить ее в шестой книге только на смертном одре. С этих позиций приходится считать, что истина меняется вместе с массовым сознанием. Если католицизм в средние века в Западной Европе владел сознанием людей практически беспредельно, то он был якобы истиной для того времени и места, а если он сейчас владеет сознанием приблизительно где половины, а где четверти людей в католических странах, то его догмы стали соответственно наполовину или на четверть истинными, да и то только в этих странах. Нелепо было бы пытаться “измерять” истинность основных положений теории научного социализма по состоянию общественного мнения в нашей стране: от почти стопроцентного признания до отрицания у значительной части населения. В наше время, когда манипулирование общественным мнением в средствах массовой информации снова достигло апогея, нелепость концепции истины как общезначимости вряд ли надо доказывать.

Более убедительным является представление об истине как продукте правильного мышления, т.е. мышления, соблюдающего правила формальной логики и тем самым выраженные в этих правилах законы мышления. Действительно, соблюдение данного требования в процессе движения мышления к истине является необходимым, хотя и недостаточным условием. Соблюдение правил построения суждений, формулирования вывода на основе определенных посылок безусловно необходимо, но не менее важно выяснить: какова природа этих посылок? В геометрии теоремы доказываются сведением к аксиомам, но сами аксиомы не имеют логического доказательства, ибо взяты из опыта, а границы опыта расширяются. Прошло две тысячи лет, прежде чем аксиома Евклида о параллельных была поставлена под сомнение Лобачевским и Риманом в XIX в. В теоретической физике доказательство опирается на так называемые постулаты, истинность которых также подтверждается опытом. Только за последнее столетие эти постулаты изменились существенным

образом. Стало быть, выведение знания из аксиом и постулатов может служить гарантией его истинности в определенных границах. Эти границы обусловлены широтой и глубиной отражения реальности в аксиомах и постулатах, а границы эти определяются опытом, прежде всего практикой научного наблюдения и эксперимента.

Существование различных по исходной аксиоме геометрий дало повод в конце прошлого века известному математику А. Пуанкаре для выдвижения концепции истины, получившей название конвенционализма (конвенция — соглашение). “Никакая геометрия, — писал он, — не может быть более истинна, чем другая; та или иная геометрия может быть только более удобной”². Согласно этой точке зрения, в результате соглашения между учеными избирается та или иная система аксиом в качестве исходного пункта всех построений. Это рассуждение нельзя признать убедительным. Дело в том, что соглашение об использовании в земных условиях геометрии Евклида базируется на том, что в ней, в том числе в фундаментальной аксиоме о параллельных, которые не сходятся в бесконечности, с достаточной точностью отражены пространственные масштабы этих условий. Однако в моделях нестационарной Вселенной используется уже геометрия Римана, согласно которой параллельные сходятся, поскольку при колоссальных, астрономических расстояниях и при известных допущениях о строении Вселенной римановская геометрия более точно отражает реальность. Конвенционализм по сути дела является одним из вариантов обращения к “коллективному опыту”, в данном случае к опыту ученых, о сомнительности которого речь уже шла выше.

К конвенционализму примыкает и концепция “экономии мышления”, выдвинутая тогда же физиком и философом Э. Махом. Под реальностью Мах понимал совокупность ощущений, названных им “элементами”. Задача, считал он, состоит в том, чтобы в мышлении описать эту совокупность наиболее “удобным” образом, а удобным является “экономное” описание. Действительно, в иных случаях простота описания явлений реального мира оказывается результатом приведения многих факторов к одному, который долгое время был неизвестен. Гениальное нередко оказывается простым. Но, во-первых, отнюдь не

всегда; в физике XX в. новые теории отнюдь не просты для понимания. Во-вторых, обратное соотношение также неверно: не все простое гениально, не все простое верно. Народная мудрость выразила это в поговорке: “Иная простота хуже воровства”. Ленин, полемизируя с Махом, предложил такой пример: “экономнее” ли мыслить атом неделимым или состоящим из положительно и отрицательно заряженных частиц? Безусловно, “экономнее” первое. Именно по этой причине Мах-физик в начале XX в., следуя принципам Маха-философа, долго не признавал уже доказанную в эксперименте делимость атома, вызывая тем недоумение учебного мира.

Другое важное течение философской мысли XX в. — неопозитивизм — внутренне связано с усложнением физических теорий, математизацией знания вообще, развитием математической логики. Некоторые философы, придерживающиеся этого направления, были крупными представителями последней и внесли в ее развитие существенный вклад, как, например, Б. Рассел. В неопозитивизме абсолютизируется самостоятельность логического мышления, “подпираемая” ссылками на здравый смысл. Проследим под этим углом зрения ход мысли одного из классиков неопозитивизма — Л. Витгенштейна. Именно апеллирующей к здравому смыслу можно объяснить внешнее согласие Л. Витгенштейна с классическим определением истины: “Чтобы узнать, истинен или ложен образ, мы должны сравнить его с действительностью”. Однако все дело в том, что понимает неопозитивизм под действительностью. Для Витгенштейна это “атомарные факты”, которые представляют собой зафиксированные в мысли в виде простейших предложений фрагменты наших ощущений и переживаний. Речь идет о личном опыте: “атомарные факты содержатся в опыте субъекта и с его смертью прекращают существование”. Данное высказывание уже вполне согласуется с солипсизмом. Следовательно, речь идет не о сравнении мыслей с реальным миром, существование которого для автора недоказуемо, а о сведении сложных предложений к простейшим в полном соответствии с правилами логики и синтаксиса. Что касается “атомарных фактов”, то об их истинности вопрос не стоит, они есть “непосредственная данность”, и поэтому,

по Витгенштейну, “элементарное предложение — функция истинности самого себя”³. Итак, истинность доказывается без выхода за пределы опыта индивида и сферы мышления.

В XX в. в философии, в культуре вообще широкое распространение получил иррационализм, оказавший существенное влияние на философское понимание истины. Суть в том, что для него, во-первых, *волевая и оценочная* стороны знания как бы затмевают *предметную* истинность и, во-вторых, *личное ставится над общественным*. Следует заметить, что соотношение общественного и личного в знании, конечно, представляет собой непростую проблему. Знание, будучи продуктом мозга, всегда есть чье-то знание, т.е. носит личностный характер. Но признание этого факта не может поколебать общественного характера сознания и познания, поскольку сознание личности возникает и развивается на основе общественной практики и каждая личность усваивает знания, опираясь не только на свою собственную практическую деятельность, но и на знания, приобретенные с помощью различных способов общения (см.гл. I).

Усвоение личностью той или иной истины, “насыщение” последней собственным, личным опытом представляют собой процесс, в котором предметная, практическая и оценочная стороны истины становятся как бы “моими”, поскольку индивид должен принять истину как собственное знание о предметах и других людях, как руководство в личном воздействии на них, как собственную оценку своего к ним отношения.

В личном, эмоционально-волевом отношении к истине выражается оценка субъектом знания и субъективная готовность действовать в соответствии со знанием, в истинность которого так или иначе верит субъект. Вера, убеждение, мнение, правда — это различные, хотя и тесно связанные между собой, формы ценностного вхождения знания в личностный мир человека, в систему его потребностей и интересов.

Вера включает принятие знания, имеющего личностное значение для человека, за истинное и необходимое и субъективную готовность к действию, к осуществлению идеалов. Вера родственна установке, а установка, согласно Д.Н.Узнадзе, “как бы предваряет решение задачи, как бы заранее включает в себя направление, в котором задача должна быть решена”⁴. На поня-

тийном уровне отражения действительности вера становится *убеждением*: она и результат, и необходимое условие познавательного процесса. П.А.Флоренский характеризовал веру как мост к истине, как столп и оправдание истины. Однако, будучи религиозным философом, он считал основанием веры не рассуждения, не объяснения, не доказательства только, а прежде всего силу Божию⁵. С верой и убеждением тесно связано *мнение*. Кант определял его как "сознательное признание чего-то истинным, недостаточное как с субъективной, так и с объективной стороны"⁶. В основе мнения, считал Кант, лежит не вымысел, в содержание которого должен верить субъект, а знание, пусть проблематичное, но все же связанное с истиной. Став достаточным с субъективной стороны, мнение выражает содержание веры субъекта; став достаточным и с объективной стороны, т.е. научным знанием, оно превращается в научное убеждение.

Особо следует остановиться на взаимоотношении *истины* с *правдой*. В обычном словоупотреблении правда для человека — это *должное*, это нравственная ценность, побуждающая его к благой жизни. "Правда, — писал М.М.Пришвин, — требует стойкости: за правду надо стоять или висеть на кресте, к истине человек движется. Правды надо держаться — истину надо искать"⁷.

Но термин "правда" неоднозначен. В словаре В.И.Даля слово "правда" истолковано в двух значениях: как "истина на деле; истина во образе; истина во благе" и "как правосудие, справедливость"⁸. В других словарях выделяют три и больше значений⁹, но основными так или иначе оказываются правда-истина и правда-справедливость. Неосознанное смешение этих смысловых значений, когда начинают с правды как "правого дела" и незаметно соскальзывают к правде как правильному, истинному знанию о реальности, можно найти в обыденном мышлении и в очень многих литературных и публицистических произведениях¹⁰.

В отличие от ошибок обыденного и художественного мышления политики и философы сплошь и рядом допускают *сознательное* их смешение. Так, атрибутом идеологического обеспечения войны, даже захватнической, как известно из истории, всегда являлись попытки представить ее как справедливую, отвечающую интересам народа. Но такие попытки необходимо связаны с желанием представить как истинное выгодное данной

стороне понимание общей картины международных отношений и тенденций ее развития. Так, хорошо известно, что гитлеровская пропаганда насаждала в немецком народе стереотип соответствия развязанных фашизмом агрессивных войн его коренным интересам и с этой целью стремилась внедрить в качестве истины искаженную картину международных отношений. Изображалось такое соотношение сил в мире, которого было выгодно придерживаться вождям “рейха” для вовлечения немецкого народа в кровопролитные авантюры, в том числе в поход против СССР по “плану Барбаросса”.

В теориях истины, о которых пойдет речь ниже, имеет место сознательная, намеренная гипертрофия “ценностного подхода”, сводимого к тому же к интересам личности. Среди ценностей в качестве самой очевидной выделяется *полезность*. Для такого направления мысли, как *прагматизм* (от греч. прагма — дело), характерно непосредственное сведение истинности к полезности, притом полезности для “меня”, к тому же в данных обстоятельствах. То, что отвечает “моим” интересам сейчас, сегодня, и есть истина; при этом признается, что “твоя” истина имеет точно такое же право на существование. “Моя” истина может смениться на иную, если изменятся “мои” интересы при изменении обстоятельств.

Согласно У.Джемсу, “истина характеризуется полезностью”. Полезность не всегда очевидна заранее, она может быть удостоверена в действии, а истина дает стимул к действию, т.е. к “прагме”, к практике. Поэтому Джемс утверждал, что истина — это то, во что лучше верить¹¹, и открывал тем самым двери для признания истинами догматов религии.

Другой распространенной разновидностью иррационализма XX в. является *экзистенциализм*. В нем научная истина противопоставляется “экзистенциальной истине”, в которой свобода индивида способна “прорвать” действие внешних сил, отчуждение, и находит поэтому свое высшее воплощение. Не случайно сторонники этой философской доктрины особо подчеркивают важность “решения”, т.е. готовности, человека действовать вплоть до жертвования собой во имя истины. “Истина — это то, за что человек может умереть”, — утверждал видный представитель экзистенциализма Г.Марсель, и в этом высказывании можно вместо

слова "истина" подставить слово "правда" в его втором значении — как правое дело, справедливость.

Подводя итог, можно утверждать, что предметный, практический (оперативный) и оценочный аспекты объективно-истинного знания внутренне связаны и субординированы, причем предметный аспект является исходным и основным. Не видеть системной связи этих аспектов, отрицать какой-либо из них, выдергивать и абсолютизировать один из них в ущерб другим — таков способ создания односторонней теории, извращенно представляющей картину в целом. Философский идеализм вообще и в гносеологии в частности не просто и не только "чепуха". Так могут считать лишь сторонники упрощенного материализма, не усвоившие диалектику, не умеющие ее применять к процессу добывания истины, к развитию человеческого познания. По данному поводу В.И. Ленин отмечал, что с точки зрения диалектического материализма "...философский идеализм есть *одностороннее*, преувеличенное... развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют..."¹². Как мы видели, это полностью относится к обрисованным выше односторонним и поэтому неприемлемым концепциям истины.

Объективная истина и объективная реальность. Исходный пункт гносеологии материализма — признание объективной реальности, существующей независимо от человеческого сознания и отображаемой в нем. Знание, адекватно отображающее объективную реальность, является объективной истиной, поскольку в этом знании наличествует такое содержание, которое верно отражает объект таким, каков он есть, и поэтому не зависит ни от субъекта, ни от человека и человечества.

С материалистической точки зрения, поскольку сознание есть свойство материи, постольку *объективность истины производна от объективности внешнего мира*. Очевидно, что истинным может быть далеко не все содержание нашего мышления, а только то в нем, что является адекватным отражением сущности, свойств и отношений предметов окружающего мира. Уяснение объективной истины невозможно без диалектического подхода: во-первых, в ее зависимости от состояния и развития объекта отражения, имеющего прошлое, настоящее и будущее; во-вторых, в зависимости от способа освоения объекта, последст-

вие чего отражение подразделяется на обыденное, теоретическое, художественное и т.д. Поэтому нам представляются некорректными попытки сузить объем понятия истинности, ограничив объекты отражения лишь актуально существующими. Выше говорилось, что сужением данного понятия является также трактовка истинности лишь как свойства высказываний, только тех форм и видов знания, которые состоят из высказываний, а тем самым существования истины только в обыденном или научном сознании. Нельзя считать обоснованными рассуждения о том, будто предметность — это необязательный, факультативный признак объективной истины, которого истинные положения математики и истории якобы лишены¹³.

Рассмотрим в этой связи весьма распространенные возражения против материалистической теории истины, рельефно выраженные в трудах югославского философа Г.Пётровича. Он утверждает, что теория истины, базирующаяся на принципе отражения, бессильна ответить на две категории вопросов: а) как быть с эмоциями (любовь, ненависть, злоба и т.д.)? б) как быть с суждениями ложными, с суждениями о возможном и невозможном, о прошлом и будущем?¹⁴

Действительно, эмоции, переживания человека не есть прямое, непосредственное отображение предметов и явлений внешнего мира. Они выражают отношение человека к другим людям и к миру вообще, притом в форме, опосредованной целостностью человеческой психики. Еще Л.Фейербах справедливо подчеркивал, что чувство любви, на которое он столь часто ссылался, отображает объективные отношения между людьми, хотя в этом чувстве он преувеличивал биологический момент, не умея объяснить его социальную природу. Ф.Энгельс при анализе философии Фейербаха отметил, что эволюция чувства любви обусловлена развитием реальных общественных отношений. С позиций материалистического понимания общественной жизни гносеологическая сущность любви, ненависти, иных эмоций может быть понята как опосредованное отражение в психике людей их отношения к другим людям, человечеству, миру вообще.

Камнем преткновения для материализма Пётрович считает также суждения: “кентавры не существуют”, “круглый квадрат” и т.п. Можно ли с позиций теории отражения оценить истинность

такого рода суждений? Действительно, кентавров в природе не существует, но существуют и люди, и лошади, из представлений о которых фантазия древних греков скомбинировала кентавра. И круг, и квадрат как понятия геометрии отображают в обобщенном виде формы реальных предметов. Однако относительная самостоятельность мышления позволяет нам связывать понятия не так, как связаны в реальности отображаемые ими предметы, свойства и отношения. “Круглый квадрат” есть именно такого рода произвольная связь, оценка которой как ложной давно доказана геометрией. Наконец, суждения о будущем, в которых в наибольшей степени проявляются присущие сознанию творческие моменты, представляют собой отражение тенденций развития объекта, с одной стороны, и потребностей общества и личности — с другой.

Продолжая выяснять связь гносеологических категорий объекта — субъекта и истины — заблуждения, следует особо подчеркнуть, что объективность истины *иного* рода, чем объективность материального мира. Материя находится *вне сознания* и не зависит от него. Объективная истина находится *в сознании*, но по своему содержанию не зависит от носителя сознания и от способности человека сознать, поскольку это содержание заимствовано из внешнего мира и адекватно отображено сознанием. отождествление истины с предметом, иначе говоря, понимание истинности как атрибута предметов — бессмыслица. К ней можно прийти с двух крайних позиций; как известно, крайности нередко сходятся. отождествление предметов с мыслями о них возможно с позиций идеализма, в то время как отождествление мыслей с предметами — с позиций вульгарного материализма. Нелепость приписывания атрибута истинности или ложности предметам как таковым достаточно очевидна, но тем не менее весьма распространена в обыденном сознании. Мнение “стол есть истина” звучит как явная нелепость, оно режет слух, однако суждение “существование Земли до человека” может кому-то показаться приемлемым. Однако объективная связь между возникновением Земли и появлением на ней человека столь же принадлежит материальному миру, как и стол. Истинными будут суждения: “стол существует объективно”, “Земля существовала до человека”. Понятия истинности и ложности применимы не к вещам, взятым

самим по себе, и не к мыслям, взятым самим по себе, а только к продуктам сознания, мыслям, взятым в *их отношении* к вещам, их свойствам и отношениям между ними.

Истина и практика. Ранее (см.гл. I) отмечалось, что центральным пунктом диалектико-материалистической гносеологии является признание решающей роли практики в развитии познания. Здесь мы должны к этому вопросу вернуться под определенным углом зрения, рассмотрев такую функцию практики, как отделение истинного в сознании от ложного. Суть дела была выражена Марксом в “Тезисах о Фейербахе”: “Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос”¹⁵. Действительно, с материалистической точки зрения познание производно от практики, и поэтому *объективность истины производна от объективности практики*. Объективно-истинное знание детерминировано практикой и потому является конкретной истиной с вполне определенной сферой применимости, *практически-адекватным отражением* сущности, свойств и отношений, охваченных практическим воздействием предметов окружающего мира. “Истина конкретна” — в этом популярном изречении подчеркивается связь познания с конкретными условиями практического действия по удостоверению истинности наших знаний о них. К примеру, истина заключения эксперта — “это истина, объем, точность и стабильность которой заданы исторически наличным уровнем знания, наличными средствами исследования и практической задачей, которую должны решать с помощью знаний, содержащихся в этом заключении”¹⁶.

При обсуждении проблемы истинности проектов и схем практического действия подчас высказывается предложение дополнить трактовку истины как соответствия знания предмету трактовкой истины как соответствия предмета своему понятию¹⁷. Такая постановка вопроса представляется неприемлемой. Истинность прогнозов в конечном счете тоже определяется соответствием их предмету. Надо учитывать, что прогнозы при всем их своеобразии детерминированы предметным миром, поскольку так или иначе исходят из имеющегося знания о предметах, явлениях и процессах и предсказывают возможные состояния процессов в результате как их спонтанного развития, так и нашего

воздействия на них. Заметим, что характеристику истины как соответствия вещи породившей ее “идее” (идеальному проекту) Гегель отождествлял с трактовкой истины как соответствия знания предмету. В “Феноменологии духа” он писал: “Если мы назовем *знание* *понятием*, а *сущность* или *истинное* — *сущим* или *предметом*, то проверка состоит в выяснении того, соответствует ли понятие предмету. Если же мы назовем *сущность* или *в-себе-бытие предмета* *понятием* и будем, напротив, понимать под *предметом* понятие как *предмет*, то есть так, как он есть для *некоторого иного*, то проверка состоит в выяснении того, соответствует ли предмет своему понятию. Очевидно, что то и другое — одно и то же”¹⁸.

Сказанное выше насчет признания истины как истины объективной не должно быть понято как недооценка диалектической связи между объектом и субъектом, роли и значения субъективного момента в познании. Отражение мира в сознании происходит в процессе практического преобразования мира, которое осуществляется субъектом в определенных исторических условиях и при определенной степени умственного и физического развития субъекта, его вооруженности инструментами воздействия на объект. В практике происходит *очеловечение действительности*, самореализация субъекта, наконец, он сам изменяется в ходе взаимодействия с объектом. Эту диалектику Маркс выразил следующим образом: “...по мере того как предметная действительность повсюду в обществе становится для человека действительностью человеческих сущностных сил, человеческой действительностью и, следовательно, действительностью его *собственных* сущностных сил, все *предметы* становятся для него *опредмечиванием* самого себя, утверждением и осуществлением его индивидуальности, *его* предметами, а это значит, что предметом становится *он сам*”¹⁹.

В этом процессе опредмечивания человеческой сущности индивид всегда выступает как член той или иной группы, поэтому и опредмечивание выступает как следствие практики общественной: объект отражения включается в систему общественных отношений и приобретает социальные, *общественные качества*. Например, для промышленных изделий к этим качествам следует отнести не только их техническое совершенство, но также эс-

стетические достоинства (дизайн), удобство использования (эргономика), экономическую целесообразность использования при данном общем состоянии техники (например, машина может оказаться вполне пригодной, но морально устаревшей) и т.д.

Вот почему в подвергнутых выше критике "ценностных" концепциях надо усматривать определенный рациональный момент, связанный с деятельностью и оценками субъекта. В отличие от материализма созерцательного, который просто отвергает эти концепции, материализм диалектический вбирает в себя рациональные моменты, содержащиеся в "снятом" виде. Действительно, если предметность отражения есть результат опредмечивания потребностей и интересов общественного субъекта, то она имеет также ценностный характер. *Оценочный* аспект объективной истины органически связан с ее *предметным и практическим* аспектами. Объективно-истинное знание детерминировано исторической необходимостью материального и духовного освобождения человека и потому является социально-значимой истиной с определенной сферой применимости, *оценочно-адекватным отражением* сущности, свойств и отношений предметов окружающего мира. Своеобразие конкретной истины в ее оценочном измерении проявляется в масштабности и эвристической перспективности знания, где с "правом объекта" сливается "право субъекта" (К.Маркс), т.е. потребности и интересы индивида, социальной группы (класса), общества. В этом плане показательно выделение фундаментальных истин в ряду результатов науки, вечных книг в ряду литературных произведений, основных общечеловеческих моральных норм в ряду норм поведения и т.д.

В этом пункте мы подходим к еще одному чрезвычайно важному вопросу диалектического понимания истины. Социальная значимость полученного знания содержит в себе возможность многозначности. Многозначность органично присутствует в процессе добывания истины, поскольку путь к ней лежит через "строительные леса" самых различных предположений, гипотез. Представляя собой возможные варианты объяснения явления при недостаточной сумме положенных в основание удостоверенных фактов, *гипотеза является формой развития науки*. Многовариантность гипотез, каждая из которых содержит в себе нерасчлененное единство истины и заблуждения, бесспорна. Но

нас здесь занимает другое, а именно существование подчас на протяжении длительного времени уже вышедших из стадии гипотезы эквивалентных теоретических описаний, причем не только в общественных науках, где ощутимо вмешиваются интересы социальных групп, но и в естествознании. Так, корпускулярная и волновая теории оптических явлений противостояли друг другу от времен Декарта и Ньютона до объяснения двойственной природы света в квантовой теории. Сама эта теория появилась в 20-е годы XX в. также в двух вариантах — Шрёдингера и Гейзенберга, — равнозначность которых была вскоре доказана.

Множественность научно-теоретических построений относительно одного и того же объекта исследований при ближайшем рассмотрении оказывается либо различием в математическом формализме, как в приведенном выше примере с квантовой теорией, либо чаще всего отражением многокачественности самого объекта. За методологическими принципами и теоретическими моделями науки стоят различные стороны и связи объекта отражения и различные цели практической деятельности по освоению объекта. Многосторонность объекта исследований отнюдь не исключает его целостности, объективной и закономерной связи его различных сторон, а потому содержательный синтез разнокачественных представлений об объекте не только возможен, но в ходе прогрессивного развития науки рано или поздно реализуется в более развитых формах систематизации научного знания.

Сложнее дело обстоит в истории, других общественных науках. Здесь критерий объективности должен преодолевать связь концепций с интересами общественной группы, требует соотнесения их идеологических установок с объективными законами общественного развития, требованиями общественного прогресса, гуманистической перспективой истории. Известный советский философ акад. Ю.П.Францов справедливо отмечал в 60-е годы насчет требований к исторической науке, в которой в те времена процветал и продолжает поныне процветать субъективизм: «Нет науки истории, которая лишь собирала бы факты. Нет вместе с тем науки истории, которая не опиралась бы на факты и только повторяла бы прописные истины о логике исторического процесса. Но что такое оценка факта? Это вскрытие действи-

тельной объективной связи, которая существует между тем или иным фактом и тенденцией развития исторической действительности. Не может быть научного подхода без того, чтобы факт, вновь добытый или добытый ранее, но неправильно освещенный, не был поставлен в связь с другими фактами и явлениями, сопоставлен с общими тенденциями развития истории...^{20*}

2. Истина как процесс.

Истина относительная и абсолютная

Понимание истины как процесса непосредственно вытекает из применения диалектики к теории познания. Путь к истине является процессом ее добывания как в ходе всемирно-исторического развития человеческого познания, так и в каждой отдельно взятой человеческой голове в процессе постижения уже накопленного обществом знания. Особую важность имеет процесс открытия общечеловеческого нового в научном, техническом, художественном творчестве.

Одна из граней этого процесса — превращение знания из *потенциального* (возможного) в *действительное*. Поливариантность знания в процессе его превращения из гипотетического в истинное имеет две основные причины. Во-первых, это обусловлено поливариантностью в развитии реальных процессов, что очевидно при познании любого быстро разворачивающегося во времени процесса, особенно в обществе. Так, оценки нынешнего состояния российской экономики и ближайших перспектив ее выхода из кризиса не могут не быть различными даже при максимальной объективности подхода исследователей; впрочем, далеко не все экономисты таковой объективностью отличаются, например, по вопросу о путях и масштабах приватизации. Но и в тех случаях, когда объект исследования достаточно стабилен,

*Примером такого субъективизма может служить трилогия Д.А.Волкогонова о Троцком, Сталине и Ленине. Вольное обращение с архивными документами в целях подчинения их собственной схеме отмечается нашими и зарубежными учеными (см.: Свободная мысль. 1992. № 14. С.116–121; 1993. № 3. С.44–51; 1995. № 1. С.96–110).

процесс познания, будучи обусловлен степенью развитости общественной практики (в том числе практики научного эксперимента, например совершенством телескопов либо электронных микроскопов, а в исторической науке степенью освоения исторического наследия — археологических данных, архивов и т.д.), все равно “повинуется” общей диалектической закономерности превращения возможностей в действительность. В этом процессе можно выделить следующие этапы.

Исходным пунктом научного исследования является постановка проблемы, которая представляет собой систему *потенциально-истинного* знания. Это совокупность взаимосвязанных суждений, в центре которой стоит вопрос, возникший на пути познания данного явления. Постановка проблемы уже включает в себя более или менее ясное представление о возможных путях ее решения. По справедливому замечанию известного советского философа П.В.Копнина, “уметь правильно поставить проблему, вывести ее из предшествующего знания — это значит уже наполовину решить ее”²¹.

Следующим моментом рассматриваемого процесса является выдвижение гипотезы, которая может быть названа *вероятно-истинным* знанием. Гипотеза представляет собой такое предположение о возможных связях и причинах явлений, которое уже строится на достоверном фактическом материале, однако еще недостаточном для полной доказательности выдвигаемого предположения. Гипотеза должна быть принципиально проверяема и обладать предсказательной силой. Гипотез по каждой данной научной проблеме всегда бывает немало, поскольку факты и предсказания могут быть систематизированы, как бы “уложены” в разные логические схемы при условии, что ни одна из них не должна противоречить известным законам природы и логике исторического процесса. В ходе дальнейшего накопления фактического материала одни гипотезы отвергаются, другие дополняются и совершенствуются. Но весьма долгое время гипотезы могут конкурировать друг с другом, как, например, уже долгое время конкурируют несколько гипотез о причинах образования в организме человека раковых клеток. Рано или поздно одна из гипотез обретает черты экспериментально (и наблюдательно) доказанной теории, приобретающей таким образом статус отно-

сительной истины, относительно *достоверного* знания. Таким образом, движение познания необходимо рассматривать как переход от потенциально-истинного к вероятно-истинному и от него к знанию достоверному.

Другой важнейший момент процесса исторического развития познания, в котором концентрируется противоположность истины и заблуждения, — это соотношение *истины относительной и истины абсолютной*. Достоверное знание в целом является истиной относительной, а не абсолютной. Отметим, что понятия относительной и абсолютной истин характеризуют не сам объект как таковой, а его образ, отражение в нашей голове, притом отражение, обладающее объективной истинностью. Это придает совсем иной смысл понятию относительности, чем при выяснении положения тел относительно друг друга, например в теории относительности.

Под *абсолютной истиной* понимается *абсолютно точное, полное, верное*, а под *относительной истиной* — *относительно точное, относительно полное, относительно верное* отражение действительности в сознании. Иначе говоря, абсолютность и относительность истины характеризуют *степень точности и полноты отражения материального мира в сознании*. Абсолютная истина может быть охарактеризована также как истина *вечная*, которая никогда не может быть изменена в будущем. Вечность истины сопряжена с ее конкретностью. Действительность будет изменяться без конца, соответственно будет изменяться ее отражение в нашем сознании, но абсолютно точное отображение какого-либо события, имевшего место в прошлом, уже не может быть опровергнуто (хотя может быть дополнено, развито и т.д.). Именно в этом смысле являются истинами вечными суждения типа: “Наполеон умер 5 мая 1821 года”. Последнее не может быть опровергнуто, это абсолютная, вечная истина, фиксирующая определенный исторический факт, хотя подробности смерти Наполеона в этот день и ее причины могут детализироваться без конца.

Для лучшего понимания диалектической взаимосвязи абсолютной и относительной истин следует сопоставить диалектику с *догматизмом и релятивизмом* в теории познания. Типичным представителем догматизма в гносеологии в XIX в. был

Е. Дюринг. Высказанные Ф.Энгельсом в полемике с Дюрингом соображения о связи относительного и абсолютного моментов в истине сохраняют свое значение. Они направлены против гносеологического догматизма, утверждающего, что истина не может содержать в себе ни грана заблуждения, ибо иначе, мол, что это за истина! Истина и заблуждение для метафизического мышления — противоположности, абсолютно исключаящие друг друга.

Критикуя подобную постановку вопроса, Энгельс всемерно подчеркивает *относительный* момент в истине. Истина относительна, во-первых, потому, что отображает определенный, ограниченный во времени и пространстве процесс, т.е. получена для определенных условий, конкретна и тем самым не полностью, а лишь частично может быть применима в других условиях. Кстати сказать, если неверно считать истину только всеобщей, только абстрактной, то столь же неверно понимать конкретность истины как применимость ее только к данным условиям, как отсутствие в ней элементов всеобщего.

Во-вторых, истина оказывается относительной даже в данных границах. Вследствие бесконечной сложности любого процесса и исторической ограниченности уровня наших знаний в каждую эпоху мы познаем любой предмет, процесс, явление не до конца, но лишь относительно точно, приблизительно верно отображая их в мышлении.

Дюринг рекламировал провозглашаемые им положения как истины вечные, как “абсолютные истины в последней инстанции”. Энгельс отвечал, что вечные, абсолютные истины, безусловно, существуют, но их сравнительно мало, а во всех научных теориях нам приходится довольствоваться преимущественно истинами относительными. Он проиллюстрировал эту мысль на примере известного закона Бойля для газов, который гласит, что произведение давления на объем газа при данной температуре суть величина постоянная.

Закон Бойля может служить типичным примером истины относительной. Он верен в определенном диапазоне условий. Вблизи так называемой критической точки этот закон уже перестает правильно описывать поведение газов и, стало быть, обладает истинностью лишь в определенных границах температуры и давления. Далее, даже в этих границах он не абсолютно точно

отображает свойства реальных газов. Закон Бойля имеет в своей основе упрощающее реальность представление о так называемом идеальном газе, молекулы которого рассматриваются как тяжелые точки, а силы взаимодействия между ними не учитываются. Поэтому Ван-дер-Ваальсом к закону Бойля была внесена поправка, которая должна была учесть отличие “реального” газа от “идеального”. “Реальный” газ Ван-дер-Ваальса — тоже плод абстракции, хотя и более точной, чем “идеальный” газ. Поэтому уравнение Ван-дер-Ваальса, будучи шагом вперед, тоже не абсолютно точно отражает соотношение между объемом, давлением и температурой газа.

Таким образом, доказанные опытом законы науки, будучи в целом истинными, суть истины относительные в том смысле, что они содержат в себе элементы заблуждения. Эти элементы налицо и в данном законе. Так, высчитав по формуле Бойля давление газа на основе знания его объема при данной температуре, мы получим неточное и, следовательно, содержащее погрешность, не вполне верное значение, так как в идеализированном представлении (“идеальный” газ) не принимается во внимание объем молекул. Но именно благодаря введению новых представлений, которые тоже поневоле оказываются неточными, наука движется вперед. Это верно и в отношении наук об обществе, где объекты изучения развиваются гораздо быстрее, чем в природе, где менее применимы точные количественные методы и где поэтому еще труднее угнаться за абсолютной истиной.

Общий вывод Энгельса был таков: “Истина и заблуждение, подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области... Как только мы станем применять противоположность истины и заблуждения вне границ вышеуказанной узкой области, так эта противоположность делается относительной...”²² Упомянутая здесь “узкая область” — это область, где *сегодняшняя* практика позволяет *абсолютно* разграничить истину и заблуждение, т.е. выделить абсолютную истину и противопоставить ее абсолютному заблуждению. Вне этой области противоположность истины и заблуждения относительна, поскольку практика пока что не дает возможности разделить их абсолютно, и нам поневоле приходится иметь дело с истиной относительной.

В отечественной философской литературе относительная истина подчас трактуется догматически, *только* как истина неполная, подлежащая развитию, и таким образом вопрос о наличии в ней элементов заблуждения опускается, замалчивается. Тем самым в диалектическом подходе к истине из рассмотрения выпадает важнейший момент. Все дело в том, что субъективное и объективное в содержании мышления не удастся разделить полностью и тогда, когда удастся получить объективную истину. Вследствие неточности и неполноты наших образов *субъективный момент проникает в объективную истину, содержится в ней имплицитно*, т.е. в нерасчлененном, слитном с объективным виде. Объективная истина, будучи в целом верным отражением реальности, оказывается содержащей в себе элементы заблуждения и в этом смысле относительной. И наоборот, казалось бы, отсеченный нами субъективный момент, несоответствие объекту, заблуждение, по этой же причине может содержать в себе “кусочек” объективного. В определенных границах нам, однако, удастся абсолютно отделить истину от заблуждения, и только в этих пределах объективная истина становится свободной от заблуждения, истиной абсолютной.

В ходе исторического развития познания диалектическая связь относительной и абсолютной истин выражается в том, что имеющиеся на каждом данном уровне науки относительные истины как бы складываются, накладываются друг на друга, образуя все более полную и все более точную картину бесконечного и развивающегося мира. Абсолютно полная картина мира — предел развития познания. К этому пределу человечество будет *асимптотически* приближаться, т.е. так, что *никогда* его не достигнет. Абсолютная истина (в полном объеме) достижима лишь в “бесконечном поступательном движении, в таком ряде последовательных человеческих поколений, который, для нас по крайней мере, на практике бесконечен”²³.

Но значит ли это, что абсолютные истины по тем или иным частным вопросам достижимы только в бесконечной дали? Конечно, нет. Такого рода истины, не содержащие заблуждения и поэтому не могущие быть отменены в будущем и в этом смысле вечные, безусловно, существуют, особенно в точных науках: “...некоторые результаты этих наук, — отмечал Энгельс, — представляют собой вечные истины...”²⁴.

В.И. Ленину в начале XX в. пришлось столкнуться с противниками иного рода. Для философской мысли того времени стало характерным одностороннее усвоение тех или иных элементов диалектики. В теории познания таким элементом оказался тезис об относительности знания. В этой связи Ленин писал: "Диалектика, — как разъяснял еще Гегель, — *включает в себя момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но не сводится к релятивизму*"²⁵. Релятивизм в понимании истины означает одностороннее признание относительного характера истины и преувеличение этого момента вплоть до полного отрицания абсолютной истины, а вместе с ней объективности истины и, значит, объективного существования вещей и законов природы, находящихся в ней отражение.

Критикуя эту позицию, представленную в трудах А. Богданова и других сторонников философии махизма, Ленин раскрыл противоположность диалектики и релятивизма как типичного течения современной "антидиалектики", признающего идею развития для того, чтобы успешнее бороться против нее. "Для Богданова (как и для всех махистов), — писал В.И. Ленин, — признание относительности наших знаний *исключает* самое последнее допущение абсолютной истины. Для Энгельса из относительных истин складывается абсолютная истина. Богданов — релятивист. Энгельс — диалектик"²⁶. Исходя из диалектического подхода к вопросу о соотношении относительной и абсолютной истины, Ленин подчеркивал наличие абсолютной истины в нашем знании о мире, притом не только в отмеченных выше "истинах факта" вроде даты того или иного исторического события.

Чтобы не умножать числа примеров, вернемся, но теперь под иным углом зрения, к рассмотрению закона Бойля, о котором говорилось выше как об истине относительной. Из закона Бойля вытекает такое утверждение: "...в условиях постоянной температуры при увеличении объема газа понижается его давление". Это утверждение содержится в законе Бойля как его существенный момент, и последующее развитие науки о газах не отменило этого утверждения. Оно является абсолютно истинным моментом в относительной истине, каковой является данный закон в целом. Процесс исторического развития познания тем самым есть *не только процесс складывания истин относительных в истину*

абсолютную (об этом было сказано выше) в ее полном объеме как исчерпывающем и точном знании о мире, но одновременно и процесс складывания, накопления частных абсолютных истин. Имеющиеся в каждой относительной истине элементы, моменты, зерна истины абсолютной в процессе развития познания суммируются, и именно поэтому абсолютная истина в ее полном объеме, к которой мы бесконечно приближаемся, выступает как результат сложения истин относительных. Проиллюстрируем сказанное на примере развития физических представлений об атоме и его строении.

Сто лет назад большинство физиков и химиков полагало, что атомы реально существуют и представляют собой нечто вроде малых неделимых упругих шариков. Даже в этом весьма относительном по своей истинности представлении имелись элементы истины абсолютной. Таковым является утверждение, что атомы химических элементов реально существуют. Все последующее развитие физики и химии не отменило и не отменит этого элемента абсолютной истины, содержащегося в воззрениях на атом второй половины XIX в. Но в этой относительной истине имелись и элементы заблуждения, например положение о неделимости атома, представление о нем как об упругом малом твердом теле и т.д. Таким образом, в целом это относительно истинное представление содержало в себе весьма мало элементов абсолютной истины и очень много элементов заблуждения.

Новая картина строения атома была создана в момент исторического перелома, происшедшего в физике в конце XIX в. благодаря открытию электрона. Д.Томсоном была создана модель атома как состоящего из положительно и отрицательно заряженных электронов. В этой также относительно истинной картине строения атома нельзя не заметить новых элементов абсолютной истины, которые последующими открытиями не были поколеблены или отменены. В частности, это относится к утверждению, что атом состоит из положительных и отрицательных электрических зарядов. Но в модели Томсона было много элементов заблуждения, которые не были подтверждены последующим развитием науки. Таково, например, предположение о существовании в атоме положительных электронов.

Третий этап развития представлений об атоме связан с моделью Резерфорда — Бора, созданной в 1911–1913 гг. Согласно этой модели, атом состоит из ядра и вращающихся вокруг него электронов. В этом представлении, в целом более точном, чем предшествующие, имелись новые элементы абсолютной истины. Такими моментами являлись утверждение о малых размерах ядра и электронов сравнительно с размером атома, о квантованности энергетических уровней электронов и излучении света как результате перехода электронов с одного уровня на другой, о наличии “слоев” электронов в сложных атомах и т.д. Отменить эти утверждения последующее развитие науки не может, поскольку они точно отображали определенные стороны строения атома. Но в теории Бора содержались и элементы заблуждения. Например, заимствованное из классической механики представление об электронах как только частицах было односторонним и поэтому в определенном смысле также неверным. Сам Бор от этого положения своей гипотезы отказался, как только была создана квантовая механика.

В настоящее время представления о строении атома основаны на квантовой механике и исследованиях атомного ядра. Теперь известно, что движение электронов вокруг ядра может быть уподоблено движению своеобразного облака неравномерной плотности, ибо электроны обладают одновременно и волновыми, и корпускулярными свойствами, что ядро атома есть система, состоящая из протонов и нейтронов, и т.д. Картина атома в современной физике несравненно более полна и точна, чем в теории Бора, и поэтому в ней содержится больше элементов абсолютной истины. Но нет сомнений также в том, что современная картина атома будет изменяться, уточняться, конкретизироваться, что в ней будут обнаружены в последующем неточности и элементы заблуждения, о которых мы сегодня не знаем.

Подведем итог сказанному. Относительный и абсолютный моменты в истине неразрывно, диалектически взаимосвязаны; с одной стороны, в относительной истине всегда есть элементы истины абсолютной, с другой — в процессе развития человеческих знаний из истин относительных складывается истина абсолютная.

3. Всеобщность и диалектический характер критерия практики

Всеобщность критерия практики. Перейдем к вопросу о том, как проверяется истинность знаний. Это вопрос о мериле, *критерии истины*; ранее (см.гл. I) кратко было сказано о практике как критерии истины, остановимся на этом подробнее.

В идеалистической философии, отрицающей первичность материального мира, проблема проверки истинности знаний не может быть верно даже поставлена. Идеализм ищет критерий истины, фактически не выходя за пределы сознания. Материалистическое понимание истины как истины объективной, как верного отражения объективной реальности есть необходимая предпосылка для правильной постановки вопроса о ее критерии. Это условие необходимо, но недостаточно. Нельзя быть материалистом, не признавая объективной истины, "но можно быть материалистом при различных взглядах на вопрос о критерии правдивости тех изображений, которые доставляют нам чувства"²⁷.

Домарксовские материалисты, не понимая решающей роли материальной деятельности людей в процессе познания, разрешить данную гносеологическую проблему не смогли. Так, материалисты, сторонники рационалистического направления, искали критерий истины в разуме. Например, Б.Спиноза писал: "И какое мерило истины может быть яснее и вернее, как не сама истинная идея? Как свет обнаруживает и самого себя и окружающую тьму, так и истина есть мерило и самой себя и лжи"²⁸. Таким образом, Спиноза искал критерий истины, не выходя из сферы мышления, и тем самым делал явную уступку идеализму.

Материалисты, сторонники сенсуалистического направления, полагали, что критерий истины надо искать в чувствах, поскольку последние непосредственно связывают человека с предметной действительностью. Некоторые из представителей этого направления называли чувственный опыт практикой и ссылались на него как критерий истины. Фейербах, к примеру, писал: "Те сомнения, которых не разрешает теория, разрешит тебе практика"²⁹. Но практика для Фейербаха есть не более чем чувственное созерцание, и в нем он ищет критерий истинности мыслей. Чувства людей, однако, могут давать различные показания.

Фейербах знал это и искал критерий истины не в чувствах *индивида*, а в чувственности человеческого *рода*. Но как сверить показания чувств, полученные разными людьми? Этого можно достигнуть только с помощью обмена мнениями, т.е. посредством разума, и, стало быть, истинным придется считать то, с чем согласно большинство людей. Но выше уже было показано, что мнение большинства не всегда оказывается истинным.

Итак, не только идеализм, но и не обогащенный диалектикой материализм в лице его виднейших представителей не смог решить вопрос о критерии истины, ибо ни чувства, ни разум, взятые сами по себе, критерием истины быть не могут. Правда, догадки о роли практики как критерия истины высказывались неоднократно, например Ф.Бэконом, Д.Дидро, Н.Г.Чернышевским. Однако эти мыслители не смогли последовательно провести свою точку зрения, поскольку их понимание практики было узким, неполным, односторонним.

Развивая идеи своих предшественников, диалектический материализм указывает на общественную практику как на *всеобщий* критерий истинности всякого знания. Так как истина есть истина объективная, то ее надо сравнить с объектом, который она отражает, чтобы установить, что отражено сознанием верно, а что неверно. Но как сравнить мысль с объектом? Этого можно достигнуть только в процессе материального воздействия на окружающий мир — на предметы природы и процессы общественной жизни.

Рассмотрим механизм действия практики как критерия истины. Чтобы сравнить имеющийся образ с объектом, нужно практически воздействовать на объект. Если изменения в нем окажутся теми, которые мы предвидели, т.е. цель будет достигнута, значит, исходное представление было объективно-истинно. Если мы будем исходить из неправильных представлений об объекте, то не получим на практике тех результатов, на которые рассчитывали, и наши воззрения на объект придется пересмотреть, признав, что они полностью или частично были ошибочными. Проллюстрируем суть дела двумя примерами.

В 40-е годы XIX в. французский астроном Леверье на основе изучения отклонений планеты Уран от вычисленной заранее орбиты предположил, что существует еще одна планета Солнеч-

ной системы, находящаяся где-то за Ураном. И когда немецкий ученый Галле направил телескоп на указанную Леверье точку неба в указанное им время, он обнаружил за Ураном новую планету Солнечной системы, названную Нептуном. Заметим, что в 1930 г. таким же образом была открыта еще одна планета, отстоящая от Солнца значительно дальше, чем Нептун, — Плутон. Ф.Энгельс полагал, что истинность предположения Леверье о существовании Нептуна была доказана практикой, а именно *практикой астрономических наблюдений*.

Когда Д.И.Менделеевым была создана периодическая система химических элементов, надо было доказать, что она является истинной, представляет собой общую закономерность, которой подчиняются не только известные элементы, но и те, которые еще будут открыты. Менделеев на основании теоретических представлений о периодической зависимости свойств химических элементов от их атомного веса предсказал существование элементов, которые он предварительно назвал экабором, экаалюминием и экасилицием и поставил в системе после бора, алюминия и силиция. Более того, Менделеев с достаточной точностью предсказал свойства этих элементов. Когда эти элементы, названные скандием, германием и галлием (по названиям стран, где они были действительно обнаружены, — Швеция, Германия, Франция), были открыты, то оказалось, что по своим свойствам они точно “входят” в соответствующие три пустые клетки менделеевской таблицы. Тем самым практика, в данном случае *практика химического эксперимента*, доказала истинность периодического закона Менделеева.

Далеко не всегда предпринятый ученым опыт должен и может непосредственно ответить на точно поставленный вопрос, сказать “да” или “нет” определенной гипотезе. Знаменитый опыт Майкельсона (1881 г.), доказавший, что скорости, приближаясь к предельной (300 тыс. км/с), вопреки ожиданиям складываются “не по Галилею”, был одним из стимулов для поиска новой фундаментальной теории в физике и получил объяснение только через четверть столетия в теории относительности Эйнштейна.

В приведенных выше примерах из области естественных наук практика как критерий истины сразу или с временным интервалом выступала в союзе с оснащенными специальными инстру-

ментами научным наблюдением и экспериментом, причем сочетание этих двух ее форм в разных областях естествознания различно. Если в астрономии поневоле приходится ограничиваться наблюдением (только в последние десятилетия ближний Космос стал доступным для эксперимента), то в физике, химии, молекулярной биологии, генетике, а также прикладных науках — технических, медицинских, агрономических, зоотехнических — эксперимент, безусловно, на первом плане. Проникает эксперимент и в геологические науки: в лабораториях моделируются геологические процессы, подземные взрывы большой мощности позволяют оценить возможность тектонических сдвигов, землетрясений. В эксперименте ученые, по меткому выражению Д.Дидро, пытаются “поймать природу с поличным”, создавая искусственно такие условия, чтобы изучаемое явление было по возможности отграничено от других воздействий, от “шума”, что позволяет глубже понять его собственную сущность, выявить действующие в нем законы природы.

Однако создать ни новую Солнечную систему, ни живое из неживого мы не в состоянии, по крайней мере в настоящее время, и поэтому при выдвижении гипотез о происхождении Солнечной системы или жизни на Земле приходится опираться на всю сумму добытых наукой фактов и на их теоретические обобщения. Если наблюдения над астрономическими явлениями дополняются знанием законов физики, то из этого следует, что критерием практики для космогонических гипотез выступает кроме наблюдения за небесными явлениями также физический эксперимент, доказавший верность этих законов в земных и близких к ним условиях. Точно так же гипотезы о происхождении жизни должны опираться на всю совокупность доказанных практикой законов физики, химии, биологии, а не только на данные геологии о развитии планеты и палеонтологическую летопись жизни на Земле, удостоверенную практикой научного наблюдения при изучении останков живых организмов и ныне живущих видов.

Но во всех случаях “за спиной” “научной практики”, т.е. специально предпринятых нами действий в целях добывания нового знания, стоит производственная практика, и прежде всего промышленность, обеспечивающая науку приборами и реактивами, а также возможностями для строительства уникальных, чрезы-

чайно дорогостоящих объектов, таких, как гигантские телескопы, ракеты и спутники, синхрофазотроны, установки типа "Токамак" для создания высокотемпературной плазмы и изучения реакции ядерного синтеза и т.д.

Наукоемкое производство обеспечивает современный уровень научного эксперимента и в то же время в своем развитии непосредственно зависит от результатов эксперимента и уровня его теоретического обобщения.

Как сплетаются в каждой области естествознания и опирающихся на него прикладных науках производство, научный эксперимент и вооруженное специальной техникой наблюдение при проверке истинности научной теории, это особая тема, выходящая за рамки настоящего пособия. Представление о том, какова была специфика критерия практики в разных областях на уровне тридцатилетней давности, можно получить из книги, специально посвященной этой проблеме (см.: Практика — критерий истины в науке. М., 1960).

Пожалуй, еще сложнее обстоит дело с действием практики как критерия истины в общественных науках. Наблюдение было и остается здесь важнейшей формой. Речь, естественно, идет не только о личных наблюдениях ученого за явлениями быстройтекущей жизни. Так, историк опирается на письменные документы, собранные в архивах и оставшиеся вне их, на материальные остатки исчезнувших культур, на этнографические сведения о пережитках прошлого в быту и нравах, на данные лингвистики, обнаруживающей в языке напластования прошлых эпох, и т.д. Лишь отдельные гипотезы в исторической науке могут находить непосредственное подтверждение в археологической практике. Например, тезис о широком распространении грамотности среди населения городов Древней Руси был подтвержден обнаружением сотен берестяных грамот в Новгороде и других городах во время раскопок и ознакомлением с их "бытовым" содержанием. Естествознание дало в руки историков точный метод определения возраста построек из дерева и многих орудий труда, времени захоронения человеческих останков с помощью приборов, фиксирующих содержание изотопов углерода.

Сведение совокупности добытых этими и иными путями фактов в стройную, учитывающую развитие во времени картину

— дело чрезвычайной сложности. Здесь открывается широкий простор для соперничества различных гипотетических схем об историческом развитии данного народа в данный период истории и еще больший простор для общих теорий исторического процесса. В разных школах получившей в последние десятилетия популярность герменевтики — науки о понимании процессов, происходящих в развитии не-моего сознания (индивидуального и коллективного), — предлагаются различные способы толкования истории в субъективистском духе, отвечающем менталитету и социальным взглядам исследователя.

Особо следует остановиться на роли *социального* эксперимента. В определенных областях и сравнительно скромных масштабах он находит признание, например в практике управления, в общественных науках — при изучении малых групп, трудовых и территориальных общностей. Однако оградить данную общность от всей системы общественных связей, притом так, чтобы при управлении ее жизнью и деятельностью можно было бы с достаточной уверенностью подтвердить истинность (или ложность) теоретических положений, используемых в управлении, задача трудновыполнимая. Даже при территориальной обособленности, например в созданных Р.Оуэном в малонаселенных тогда районах Северной Америки коммунах или в вывезенной в Гайану Джонсом из США общине сектантов, внешние связи неминуемо дают о себе знать и приводят к размыванию условий опыта вследствие приобщения этих частично изолированных общностей к общему потоку жизни. С известной степенью условности может быть названо экспериментом создание особых условий организации и оплаты труда в отдельном трудовом коллективе, члены которого не порывают связей со всеми процессами, происходящими в обществе, со всеми людьми, не участвующими в эксперименте. На краткий срок это возможно, и поэтому можно получить частичное подтверждение (или опровержение) теоретических положений, взятых за основу при издании особых правил социального поведения, например: “Способствует ли новая система повышению эффективности производства?” Но называть экспериментом следование одной из предлагавшихся сверху во второй половине 80-х годов моделей хозрасчета для предприятий или одному из четырех ныне предлагаемых вариантов прива-

тизации предприятий было бы, на наш взгляд, неправильно. Жизнь, а поэтому и управление ею развиваются одновременно по многим вариантам, приемлемость и устойчивость которых проверяются всем ходом общественной жизни, практикой изменения общественных отношений. В ней имеет место как борьба классов, социальных групп, слоев, территориальных общностей, этноса разного типа и т.д. между собой, так и их сотрудничество. Совокупный результат, т.е. *общественная практика в ее развитии*, является *основным критерием* истинности научных теорий в общественном знании.

Особо надо возразить против рассуждений, ставших ныне нередкими вследствие переоценки многих ценностей, о том, что такое событие всемирно-исторического масштаба, как Октябрьская революция в России, было якобы экспериментом, проведенным группой руководителей большевистской партии во главе с Лениным в целях проверки истинности и воплощения в жизнь марксистской теории. С таким же правом можно ставить вопрос о Великой французской революции как эксперименте по проверке истинности идей просветителей XVIII в. На деле в обоих случаях это была практическая деятельность миллионов людей, столкнувшихся в борьбе за свои коренные интересы. Управление революционным процессом, а затем страной в периоды мирной жизни и войны с фашизмом было прежде всего ответом на непосредственно ставившиеся историей вопросы, затрагивавшие основы народного бытия, притом в экстремальных исторических условиях.

Марксистская теория состоит из трех основных частей, и по существу она "многоэтажна": путь от основных философских положений к конкретным социально-политическим выводам многократно опосредован. И если при жизни Ленина связь политических решений с основными теоретическими посылами философской и экономической теории Маркса прослеживается, то в последующем эта связь становится формальной. Марксистскими фразами прикрывали прагматические решения, в том числе и грубо ошибочные, никакой связи с теорией марксизма не имевшие, а то и прямо противоречащие ее глубинной сути.

Действительно, что общего с гуманистической традицией Маркса может иметь террор в отношении собственного народа,

осуществленный Сталиным? С интернационализмом, пронизывающим марксизм, — депортация многих народов? Что общего с марксизмом имеет волюнтаризм Хрущева, в частности выдвинутая им программа “построения основ коммунизма в отдельно взятой стране” за двадцать лет? Не имеют точно так же ничего общего с марксизмом и особенно с диалектикой брежневская политика ухода от признания реальных противоречий и попыток их разрешения, равно как горбачевская политика “перестройки”, приведшая страну к развалу, а народ — в тупик. Марксизм в СССР и на международной арене был скомпрометирован политикой, которую именовали марксистской, уходя все далее в сторону от основополагающих принципов этой теории либо нарушая их. Вместо исправления действительных ошибочных предположений Маркса, который в середине XIX в. не мог предвидеть ход истории на сто лет вперед (например, о прекращении действия закона стоимости в обществе, приходящем на смену капитализму), их усугубляли. Стало быть, проверка теории Маркса осуществлялась одновременно с ее развитием, как подтверждая, так и не подтверждая ее отдельные положения (об этом далее), но считать экспериментом историческое развитие великого народа на протяжении десятилетий могут люди, либо не понимающие сущности эксперимента, толкуемого сверхрасширительно, либо желающие представить историю в извращенном виде.

Таким образом, практика научного наблюдения и эксперимента, основанная на развитии производства, служит критерием истины в естественно-научной области. Практика борьбы общественных классов и общественного развития в целом, имеющая в свою очередь основой производство материальных благ, а также в ограниченных масштабах практика социального эксперимента проверяют истинность положений общественных наук.

Диалектический характер критерия практики. Далеко не всегда действие практики как критерия истины может быть изображено по рассмотренной выше упрощенной схеме. Реальный процесс проверки истинности знания всегда значительно сложнее. Чтобы убедиться в этом, продолжим рассмотрение приведенных выше примеров и постараемся показать, что *материалистическое* понимание практики как критерия истины должно быть

одновременно *диалектическим*. Рассмотрим три важнейших момента диалектического понимания критерия практики.

Во-первых, проверку теории практикой нельзя понимать как *единичный* акт, непосредственно следующий за выдвижением какого-либо теоретического положения. Поставленная сознанием перед практикой идеальная цель требует рассмотрения предмета под определенным углом зрения и *не может* вобрать в себя полностью имеющиеся представления о предмете. Следовательно, даже полное осуществление поставленной цели вовсе не означает столь же полного доказательства истинности исходного представления. Кроме того, надо учитывать, что, чем более общей является теория, тем сильнее сказывается недостаточность для ее проверки отдельного акта практики. Проверка теории практикой осуществляется не только *в последующей*, но и *в предшествующей* практике. Проверка предшествующей практикой осуществляется в ходе создания теоретических представлений, когда практика выступает не только как источник знаний, но частично и как его критерий.

Например, когда Менделеев создавал периодический закон, он исходил из предшествующей практики, в которой было обнаружено, что различные элементы имеют периодически повторяющиеся свойства. В процессе создания своей гипотезы Менделеев обращался постоянно к практике как *основе знаний* и проверял каждый шаг своих рассуждений тем экспериментальным материалом, который уже имелся налицо.

В принципе так же обстояло дело с открытием планеты Нептун. Леверье исходил из доказанных практикой законов науки, прежде всего из закона всемирного тяготения Ньютона, и представлений о строении Солнечной системы как истин уже доказанных, которые к этому времени были проверены многочисленными наблюдениями и экспериментами. Далее, Леверье учитывал наблюдавшееся астрономами отклонение Урана от расчетной орбиты. Эти наблюдения заставили его предположить, что причиной "возмущения" в движении Урана является сила притяжения еще более удаленной планеты. Предположение Леверье было основано на практике, и при создании своей гипотезы он проверял теоретические предположения имевшимися данными опыта. Энгельс видел в предсказании Леверье и подтверждении этого

предсказания наблюдениями Галле доказательство также истинности системы Коперника, так как представление о действии еще неизвестной планеты на Уран базировалось кроме законов Ньютона также на гелиоцентрической теории.

Сказанное о роли *предшествующей* практики как критерия истины в ходе создания теории вовсе не отрицает решающего значения *последующей* практической проверки. Последующая практика не только успешно подтверждает вывод науки, если он был глубоко обоснован предшествующей практикой, но и позволяет его уточнить и пойти дальше в развитии теории. Так, открытие предсказанных Менделеевым элементов позволило не только подтвердить, но и уточнить периодический закон в ряде пунктов, раздвинуть далеко его границы. Точно так же открытие Нептуна позволило уточнить сведения относительно орбиты этой планеты, ее массы, исследовать такие свойства этой планеты, ее физические состояния, о которых Лавуазье ничего сказать не мог.

Итак, проверку теории практикой нельзя ограничивать единственным актом, она представляет собой *процесс*, который в значительной части осуществляется уже в ходе создания новой теории, когда каждый шаг рассуждения проверяется и подтверждается предшествующей практикой. В.И. Ленин, говоря о "Капитале" Маркса, указывал, что "проверка фактами, respective практикой есть здесь в каждом шаге анализа"³⁰.

Во-вторых, диалектический характер критерия практики обнаруживается в *соотношении логической проверки*, осуществляемой в ходе мышления, и *проверки практической*.

Зададимся вопросом: обладали ли выводы Лавуазье о существовании Нептуна либо периодическая система Менделеева истинностью еще до того, как практическая деятельность непосредственно эти выводы подтвердила? Если да, то можно ли в таком случае считать практику критерием истины? Может быть, этот критерий следует видеть не в практике, а в логических рассуждениях, с помощью которых указанные выводы были сделаны? Не приходится ведь сомневаться в том, что указанные выводы обладали в определенной мере истинностью и до того, как были подтверждены наблюдением и экспериментом.

Предположим, конструктор сделал технический расчет моста через реку. Вывод конструктора о том, что данный мост спо-

собен выдержать такую-то нагрузку, будет истиной еще до того, как мост будет построен. Когда конструктор делает расчеты, он рассуждает, т.е. исходит из определенных законов механики, которые проверены практикой миллионы раз, из формул сопротивления материалов, также неоднократно проверявшихся практикой, как из посылок и, опираясь на эти посылки, делает определенные выводы. Чтобы сформулировать истинное суждение, необходимо при его построении из понятий и других суждений пользоваться правилами логики как науки, которая учит правильно мыслить. Конструктор, впрочем, не только рассуждает, но и производит расчет по всем правилам математики, которые подчиняются законам логики.

Таким образом, если посылки — в данном случае это законы и формулы — доказаны практикой и, следовательно, верны и если рассуждение правильно и не содержит ошибок в математических расчетах, то сделанные предсказания будут подтверждены действительностью. Этот факт подчас истолковывается как существование двух критериев истины — логического и практического.

Представление о двух критериях истины, даже если практику при этом признавать главным критерием, нельзя считать верным. Правильные рассуждения и математические действия, конечно, являются необходимым условием для того, чтобы достичь истины, но это условие не является достаточным, ибо оно еще не гарантирует истинности выводов. Если посылки (или хотя бы одна из них) неправильны, не соответствуют действительности, то исходя из них можно развить целую систему ошибочных представлений, которая логически будет стройной и непротиворечивой.

Законы логики, ее правила построения суждения ("фигуры логики"), которые есть самые обычные отношения вещей, складывались со времени становления человека и его мышления на основе и в процессе практики, непрерывно проходя в ней проверку. *"...Практическая деятельность человека, — подчеркивал Ленин, — миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом"*³¹. Отсюда следует вывод, что логический критерий в конечном счете выте-

кает из практики, что существует только один критерий истины — практика человечества.

В-третьих, диалектический характер практики как критерия истины находит свое ярчайшее выражение в *соотношении абсолютного и относительного моментов*. Абсолютный момент состоит в том, что никакого иного последнего критерия, кроме практики, для установления истинности или ложности человеческого знания нет и быть не может. Как ни стараются противники материализма отыскать критерий истины в самом сознании, выдвигаемые ими критерии на деле оказываются либо вспомогательными критериями, опосредующими действие практики, как рассмотренная выше логическая правильность мысли, либо несостоятельными (“экономия мышления”, “согласованность мыслей между людьми” и т.д.).

Практика является абсолютным критерием и в другом смысле — как доказательство существования абсолютной истины. Каждое суждение, которое мы расцениваем как абсолютно истинное, является таковым только потому, что оно абсолютно доказано практикой.

Критерий практики, однако, не только абсолютен, но и относителен. Под относительностью критерия практики подразумевается его неполнота: практика доказывает истинность теории в целом как истины относительной, которая неполно отображает действительность. Ведь практика непосредственно удостоверяет истинность вывода, который использовался, например, при постановке эксперимента. Но данный вывод еще *не есть вся теория*, положенная в ее основу. Известны случаи, когда один и тот же практический вывод был сделан исходя из разных теоретических посылок. Единичный акт практики недостаточен, ее надо учитывать как совокупность всех актов, относящихся к данной области. Это означает, что практику, служащую критерием истины, следует брать в ее цельности и историческом развитии.

Иначе говоря, относительность критерия практики, его неполнота означают невозможность доказать полностью истинность или ложность теории отдельным, изолированным актом практики. Действительно, единичный эксперимент может иметь различные теоретические истолкования, каждое из которых частично подтверждается данным экспериментом и поэтому являет-

ся истиной относительной. Более того, эксперименты одного рода могут подтверждать одну теорию, а эксперименты иного рода, произведенные с тем же самым объектом, — другую. И так продолжается до тех пор, пока не удастся создать теорию, которая синтезирует частные представления и поэтому объясняет эксперименты обоих родов. Например, в начале XX в. опыты по дифракции и интерференции рассматривались по-прежнему как подтверждение волновой теории света, в то время как излучение абсолютно черного тела и фотоэффект находили свое объяснение только с позиций квантовой теории. Создание в конце 20-х годов современной теории электромагнитного поля (квантовой электродинамики) объединило эти два полярных объяснения, синтезировало их, и данная теория (по крайней мере в своих основных положениях) находит подтверждение во всей совокупности данных опыта.

С другой стороны, если практику как критерий истины надо рассматривать в ее цельности и развитии, то столь же справедливо это требование и в отношении теории. Подлежащая проверке на практике теория также должна рассматриваться не как механическое сочетание отдельных суждений, каждое из которых должно быть проверено на практике. Такое частное суждение может быть включено в различные, подчас даже противоположные системы теоретических воззрений. В рассмотренных выше примерах дело обстоит так. Отдельным экспериментом по дифракции (или даже целым рядом подобных экспериментов) доказывают суждение: "Свет есть волновой процесс". Но это суждение может быть составной частью различных общих теоретических представлений: "Свет есть только волновой процесс", "Свет есть диалектическое единство волн и корпускул, непрерывного и прерывного". Как показал опыт, первая теория односторонняя и поэтому неверна, вторая — верна.

Итак, относительность критерия практики состоит в том, что вся практика доказывает истинность *всей* теории как истины *относительной*, как приблизительно верного отражения мира. "Неполнота" критерия практики означает, что созданное нами идеальное отображение реальности не "накладывается" полностью на объективный мир, ибо практика не полностью его охватывает. "...Не надо забывать, — писал Ленин, — что критерий прак-

тики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления³².

Это высказывание не следует трактовать в том смысле, что вообще никакое наше утверждение не может быть доказано полностью, как истина абсолютная. Выше уже говорилось о том, что те или иные стороны, части, моменты цельного теоретического представления могут быть выражены в отдельных суждениях и некоторые из таких суждений как общего, так и частного порядка вполне могут быть доказаны абсолютно, т.е. так, что никакое последующее развитие практики эту истину изменить не сможет. К подобного рода абсолютным, вечным истинам относятся не только "истины факта" вроде даты смерти Наполеона или соотношения $2 \times 2 = 4$, но и утверждения, в которых выражена сущность теории. Но и эти утверждения не исчерпывают теорию полностью, они могут быть развиты, дополнены другими суждениями, так что в последующем развитии познания мы будем гораздо полнее, глубже, чем сегодня, знать, каковы законы развития материального мира и человеческого познания.

ГЛАВА IV ПРАКТИКА И ПОЗНАНИЕ

Мыслить и действовать,
действовать и мыслить..
Это — как вдох и выдох.

Gème

1. Практика как материальная целенаправленная деятельность

Мы уже неоднократно обращались к понятию практики как центральному в теории познания и пользовались ее кратким определением как материальной целесообразной деятельности людей. Применительно к проблемам, затрагиваемым в данной главе, этого уже недостаточно. Дело в том, что понятие практики используется по существу всеми философскими направлениями. В этой связи в его содержании необходимо провести четкую разграничительную линию между диалектическим материализмом и другими философскими системами.

Все гносеологические категории исходят из материи и сознания как основных. Выше мы уже с этих позиций рассмотрели категории субъекта и объекта, субъективного и объективного, истины и заблуждения. Продолжая развертывание системы гносеологических категорий, мы переходим к анализу понятий практики и познания, которые базируются на определенном понимании материи и сознания и вместе с тем обладают существенной спецификой, к выяснению диалектики их взаимосвязи.

Критика идеалистических интерпретаций практики. Целесообразная деятельность, как известно, присуща в отличие от поведения животных только людям. Однако признавать людей деятельными существами, утверждая вслед за доктором Фаустом, что “в деянии основа бытия”, можно с самых различных философских позиций. На протяжении столетий материализму был свойствен созерцательный подход к миру, и упор на деятельное начало оказался своеобразной привилегией идеализма, который деятельность, активность, творческую способность це-

ликом приписывал духу. Маркс отмечал в “Тезисах о Фейербахе”, что “*деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой”¹. В зависимости от своих основных посылок идеалисты могут понимать под практикой духовную деятельность не только сознания, воли, духа человека, но и божественных разума и воли. Так, для Гегеля практика — это идея “блага”, “добра”. Достичь блага можно, ставя цели, действуя, напрягая волю. Поэтому практика, согласно Гегелю, суть “волевая деятельность идеи”, прежде всего, конечно, абсолютной идеи, а затем уже и всемирного духа, т.е. человеческого сознания.

Субъективно-идеалистическая философия понимает практику как деятельность людей (в согласии с этимологией данного слова), но эта деятельность толкуется в конечном счете лишь как психическая, обусловленная разумом, волей, интуицией, подсознательными влечениями, “жизненным порывом” и т.д. Материальная сторона в деятельности людей оказывается здесь своеобразным довеском, следствием, функцией психической деятельности, как бы растворяется в ней. Конечно, и эти философы не могут не считаться с тем достаточно очевидным фактом, что цели, которые ставит перед собой человек, далеко не всегда достигаются, ибо вещи и другие люди оказывают “сопротивление”. Сопротивление людей друг другу также сводится ими только к взаимодействию волевых актов, внушению, другим психическим воздействиям. Но, как известно, помимо чужой воли осуществлению целей могут мешать и совокупность социальных условий, жизненные обстоятельства. Игнорирование объективных, от воли людей не зависящих материальных условий общественной жизни приводит к волюнтаризму, к столкновению с действием законов общественной жизни. Идеализм тем более оказывается неспособным объяснить “сопротивление” вещей, природы — этого основного объекта практического воздействия человека. Такова первая трудность в объяснении практики, которая не может быть преодолена с этих позиций.

Вторая трудность, о которую неизбежно спотыкается данное философское направление, состоит в необходимости различать реальное действие (а в нем участвует и сознание), в про-

цессе которого человек изменяет мир, психические импульсы к действию, которые не подкрепляются действием и не изменяют внешних условий, и, далее, размышления, сновидения, иллюзии, игру воображения. Интерпретация практики лишь как духовной деятельности неминуемо ведет к пренебрежению гранью между деятельностью сознания, выступающей в качестве момента реального практического действия, и автономной деятельностью сознания, оторванного от непосредственного действия.

Корень ошибки, совершаемой идеализмом, заключен в одностороннем подходе, в абсолютизации одной из реальных черт, присущих практической деятельности человека. Идеализм берет существенную сторону этой деятельности — ее сознательный, волевой характер — и раздувает ее, абсолютизирует, превращая в решающий, главный момент практики. При этом у одних идеалистов на первый план выступает разум, у других — воля, у третьих — интуиция, у четвертых — влечение и т.д. Эти частности не меняют дела в принципе, ибо практическая деятельность человека оказывается в любом случае в основном и прежде всего деятельностью сознания, психической, мыслительной либо инстинктивной.

Последовательно решить этот вопрос не сумели и старые материалисты, поскольку не смогли дать материалистического объяснения деятельности людей, жизни общества. Например, французские материалисты XVIII в. часто повторяли ставшее знаменитым изречение: “Мнения правят миром”, понимая под “миром” в данном случае общественную жизнь. Им казалось, что таковы мысли людей, таковы и их поступки, что действия человека суть просто следствие деятельности его разума и страстей, аффектов и поэтому достаточно изменить мнение — и мир изменится. Когда был провозглашен теперь уже канувший в вечность лозунг перестройки, некоторые высокопоставленные деятели заверяли, что для успеха дела достаточно изменить психологию людей, “перестроить сознание”. Исторический опыт последних лет наглядно показал беспочвенность этих благих пожеланий.

Несомненно, человеческая деятельность носит прежде всего осознанный характер. Но так называемые бессознательные, неосознаваемые поступки тоже коренятся в психике, в нижних ее “этажах”. Психическая обусловленность свойственна всей

деятельности людей. Цели — осознаваемые и неосознаваемые, — которые человек выполняет, — это не произвольный плод его сознания или подсознания. Они порождаются жизнью общества, окружающими условиями, положением человека в обществе, вытекающими отсюда его потребностями и интересами, являются более или менее точными, не всегда до конца осознанными отражениями этих потребностей и интересов.

Основная деятельность людей — производство материальных благ. Люди трудятся, потому что им необходимо удовлетворить свои потребности в пище, одежде, жилище и т.д. Цели, которые они ставят перед собой в процессе производства, определяются их материальными потребностями и условиями, в которых осуществляется процесс труда. Практическая деятельность людей по изменению общественных условий тоже преследует определенные цели, но сами эти цели при ближайшем рассмотрении оказываются выражением их экономических, материальных интересов. Так же обстоит дело и во всех областях общественной жизни.

Но сказанное выше — это половина дела. После того как цели находят свое объяснение как отражение в сознании материальных потребностей людей, встает второй вопрос: можно ли достичь этих целей, оставаясь в сфере разума, воли, психического? Пусть человек осознал, что необходимо сделать, но от того, что цель поставлена, в действительном мире еще ничего не изменилось. Для того чтобы в окружающий мир внести изменения, необходимо материально воздействовать на него, ибо цели осуществляются в процессе материальной деятельности, в производстве, в столкновении социальных сил, в других формах общественной практики.

Итак, сознание, отображая действительность, ставит цель для действия, воля побуждает к ее осуществлению. Но сама эта цель определяется в конечном счете потребностями материальной жизни людей, практикой и только в ней может найти реальное воплощение. Понимание практики как *материальной деятельности людей* — такова первая и главная отличительная черта диалектического материализма от всех других философских направлений в решении этого вопроса.

Практика и познание как универсальные стороны человеческой деятельности. Продолжая рассмотрение этой проблемы, надо отметить, что категория практики не может быть понята без учета ее связи с противоположной категорией. Это было подчеркнуто Гегелем, который указывал на противоположность практики теоретическому познанию, которое должно изучать объект таким, каков он есть, без внесения в него изменений, связанных с нашими интересами. Противоположность практики познанию выступает у Гегеля как противоположность между активным изменением мира волей субъекта и пассивным теоретическим созерцанием. Так что соединение познания и практики облечено у Гегеля в мистическую форму как соединение противоположных сторон абсолютной идеи. К идее как совпадению понятия с объектом, к идее как истине Гегель подходит через практическую “целесообразную деятельность человека”, и “Маркс, следовательно, непосредственно к Гегелю примыкает, вводя критерий практики в теорию познания...”².

Поэтому следующий шаг в понимании практики должен состоять в том, чтобы рассмотреть *практику и теорию* (теоретическое познание) как *единство противоположностей*, причем такое единство, в котором практике принадлежит доминирующая роль. Это значит, что надо раскрыть *содержание* этих гносеологических категорий *друг через друга*, выяснить их взаимосвязь и взаимопроникновение. Противоположность абстрактного мышления и практики находит наиболее полное выражение в научной теории, которая исходит из практики и (рано или поздно) вновь приходит к ней. Вот почему, когда речь идет о соотношении практики и познания, имеется в виду прежде всего соотношение практики и *теоретического* познания.

Гносеологическое соотношение практики и познания, безусловно, есть одна из разновидностей соотношения материального и идеального, взятых как деятельность, ибо атрибутом практики является материальность, а атрибутом познания — идеальность. С этой точки зрения практика есть материальное освоение действительности, неотделимое от ее идеального преобразования, тогда как познание — идеальное освоение действительности, неотделимое от ее практического преобразования. Но на этом нельзя ставить точку. Дело в том, что самые различные

формы общественно-исторической деятельности человека — производственно-техническая, общественно-политическая, научная, художественная, педагогическая, игровая, бытовая и др. — *раздваиваются на практику и познание*, разворачиваются в противоположности материального и духовного освоения действительности. В самом деле, целенаправленность любой деятельности человека предполагает социальное по своей сущности отражение свойств и законов соответствующей области бытия, т.е. ее идеальное преобразование; предметно-чувственная сторона человеческой деятельности выступает как социальное по своей сущности материальное изменение мира, при котором “человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно”³.

Представляется неправомерным ограничить объем понятия практики сферой материального производства и общественно-политической деятельности, т.е. такими формами деятельности, которые непосредственно преобразуют окружающий нас материальный мир и вместе с тем непосредственно направлены на удовлетворение материальных потребностей субъекта (индивида, социальной группы, общества в целом). По мнению Т.Ярошевского, который придерживается противоположного взгляда, термины “эксперимент”, “научная практика”, “художественная практика”, “культовая практика” и др. употребляются не в категориальном, а в “обиходном” значении этого понятия⁴. Между тем деятельность экспериментатора, игра актеров в театре, культовые действия, например ритуальный танец и т.д., предметно воспроизводят и преобразуют человеческий мир. Это различные формы целенаправленной предметно-чувственной деятельности человека, и в этом смысле они охватываются философским понятием практики. Безусловно, каждая из указанных форм практики обладает существенной спецификой, ибо в научном эксперименте реализуется теоретическое отношение, в деятельности артиста — эстетическое отношение человека к действительности, в культовых действиях реализуются воображаемые отношения между человеком и сверхъестественным объектом его веры (иллюзорно-практические отношения). Однако специфика этих форм социальной деятельности не исключает их материальности, а материальность — атрибут практики. Таким

образом, практику и познание следует, на наш взгляд, рассматривать как *универсальные стороны* общественно-исторической деятельности человека, неотделимые друг от друга.

Основным видом практики является производительный труд, и поэтому анализ труда, данный Марксом в “Капитале”, дает ключ для понимания практики вообще. С одной стороны, труд — это “процесс, совершающийся между человеком и природой”, в котором “веществу природы он сам противостоит как сила природы”. Материальный характер труда, практики для Маркса не подлежал сомнению, не случайно он называл практику также *предметной, чувственной деятельностью*. С другой стороны, отличие труда и вообще человеческой деятельности от поведения животных состоит, как известно, в целенаправленности действия. Маркс продолжает: “В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю”⁶. Стало быть, *практика есть материальная целенаправленная деятельность людей*, т.е. деятельность, которая направляется сознанием.

Недостаточное внимание к специфике рассматриваемых категорий приводит к тому, что практику нередко определяют как *всю* деятельность людей. В пользу этого вывода обычно приводятся два соображения. Во-первых, то, что мыслительный процесс, происходящий в мозгу, даже когда человек не воздействует на внешние объекты, все равно имеет материальную, физиологическую основу, т.е. не является “чисто духовным” процессом. Отсюда делается вывод, что теоретическая деятельность есть духовная и материальная одновременно и потому также может быть названа практикой. Но из того, что психический процесс связан с физиологическим и тогда, когда человек размышляет, бездействуя, и тогда, когда он размышляет и действует, не следует, что теория и практика одно и то же.

Второе соображение зиждется на употреблении понятия “практика” в широком смысле. В этом смысле говорят о “практике преподавания”, “пропагандистской практике” и т.д. Термин

“практика” в данных случаях употребляется в целях противопоставления тем видам теоретической деятельности, например педагогической науке, в которых данный вид практики получает теоретическое обобщение. Противоположность практики и теоретического познания приобретает в данном случае особую форму.

Рассмотренное ранее положение о соотношении абсолютного и относительного моментов в противоположности сознания и материи имеет самое непосредственное значение для понимания диалектики взаимосвязи любых “парных” гносеологических категорий, поскольку они базируются на понятиях материи и сознания. Когда практика и теория противопоставляются друг другу при исследовании структуры человеческой деятельности (как индивида, так и общества), смешивать теорию и практику — значит совершать ошибку. При гносеологическом анализе противоположность этих категорий абсолютна. Однако за пределами гносеологии, когда мы, к примеру, противопоставляем человечество природе, вся человеческая деятельность может быть названа практической, включая не только входящие в нее непосредственно духовные моменты, но и самую теорию, ибо сущность совокупной человеческой деятельности — в материальном преобразовании природы.

Итак, отождествление практики со всей деятельностью людей, даже если оно проводится с материалистических позиций, неправомерно. Без диалектики материализм не может справиться с задачей определения этих категорий и выявить их соотношение. Тем более необходим диалектический подход, когда мы переходим к исследованию взаимосвязи практики и познания в различных видах человеческой деятельности.

2. Единство практики и теоретического познания

Единство практики и познания как материальной и духовной сторон деятельности. Выше уже было сказано о диалектическом единстве познания и практики, зависимости и производности теоретического освоения действительности от ее практического преобразования. Однако по вопросу о том, как практика

и познание соотносятся, разграничиваются, совпадают, связаны, существуют различные точки зрения. Рассмотрим различные аспекты единства практики и познания.

В самом общем виде единство теории и практики можно представить как единство сознания и материи, субъекта и объекта, взятое в *деятельностном* аспекте. Под единством здесь понимается принадлежность к единому целому — человеческой деятельности. Но в условиях колоссально возросшей самостоятельности теоретического мышления под единством теории и практики понимается не всякая их связь, но лишь такая, когда теория дает верное отражение мира, ставит реалистические задачи перед практическим действием, а практика базируется на верной теории.

Единство в этом более узком, специальном значении данного термина понимается как такое взаимоотношение теории и практики, когда они гармонически сочетаются, когда не допускается их отрыв друг от друга. В.И. Ленин неоднократно писал об отрыве теории от практики как характерной черте общества, в котором господствующие классы монополизируют умственный труд и используют достижения науки против народных масс. Ленин усматривал в разрыве теории и практики “самую отвратительную черту старого буржуазного общества”⁶. В том, что это зло очень живуче, можно убедиться, сопоставив цели перестройки, провозглашенные в 1985—1986 гг., и ее результаты через пять лет, цели, поставленные “командой Гайдара” в конце 1991 г. (после повышения цен в 3—5 раз якобы наступит стабилизация рынка), и результаты. Монетаристская экономическая теория вступила при попытках воплощения ее в практику в России в полное противоречие с жизнью.

Следовательно, *единство теории и практики*, понимаемое как их *неразрывная связь* и как требование эту связь укреплять, должно быть отделено от общего понимания термина “единство” как простого указания на то, что противоположности существуют в единстве и поэтому составляют нечто целостное. Рассмотренный выше смысл термина “единство” особенно важен в социально-политической области, где расхождение слова и дела приобретает подчас такие масштабы, что противоречие между теорией и практикой приобретает катастрофический ха-

рактар и рану или паздно заставляет в корне менаь теоретические воззрения или по крайней мере отвергать их применимость в иных условиях, чем те, которые их вызвали к жизни.

В философской литературе подчас встречается понимание взаимоотношения практики и познания как поглощения одним другого. Приведем пример. Долгое время в советских учебниках по философии марксизма бытовало утверждение о практике как “третьей ступени” познания: основанием для него выдвигалась произвольно прочитанная цитата из “Философских тетрадей” Ленина. Эта история может служить образцом начетничества, ибо у Ленина постоянно подчеркивается, что практика есть основа познания и уже потому она никак не может трактоваться ни как “ступень познания”, ни тем более как “третья”, заключительная его ступень. Представляется неправомерным смешение или отождествление духовного элемента с материальным, т.е. полное включение идеальных элементов в материальную деятельность, материальных элементов — в идеальную деятельность, как в случае с “третьей ступенью”. Так, социально-политические учения становятся материальной силой лишь тогда, когда они “овладевают массами”, т.е. сознанием людей, готовых воплощать эти учения в жизнь в своей практической деятельности. Точно так же естествознание становится непосредственной производительной силой лишь тогда, когда открытия законов природы и на них основанные изобретения новых технических устройств и технологии находят воплощение в практике, в “ноу-хау” и квалификации работников, в вещественных и личностных факторах производства.

Выше уже подчеркивалось, что категории практики и познания тесно связаны с категориями объекта и субъекта. Субъект может пониматься как субъект познания и как субъект действия; соответственно ему противостоит объект в его различных ипостасях. Если под субъектом, например, понимать сознание индивида, то объект оказывается предельно широким, включающим в себя явления природы, других людей с их сознанием, мое собственное тело вплоть до продуктов моей духовной деятельности, материализованных в той или иной форме, например написанного вчера текста.

Другая крайняя позиция состоит в понимании субъекта как *всей* практической деятельности человечества, включая ее духовный компонент и даже теоретические представления, а его полярной противоположности — объекта — как противостоящей человечеству природы на Земле и во Вселенной. Все остальные интерпретации располагаются внутри этого “веера”, этой “вилки”. Точное указание на то, в каком аспекте употреблены данные взаимосвязанные понятия в каждом случае, совершенно необходимо. Так, в общественно-политической литературе одни понимают субъективный фактор исторического процесса как роль в нем личности, другие — как роль народных масс; одни — как роль идеологии, другие — как роль практической деятельности народа. Все эти трактовки допустимы, беда в том, что в своих спорах участники вкладывали в этот термин разный смысл, и поэтому спор между ними часто оказывался беспредметным.

Категории субъекта и объекта в познавательном процессе для своей конкретизации требуют обращения к близким, но не совпадающим с ними понятиям практики и познания. Объект познания дан человеку лишь в формах его практической, предметно-чувственной деятельности. *Объект познания* не может быть шире объекта практического действия, ибо область идеального освоения действительности определяется практикой. К.Маркс отмечал, что для каждой эпохи “предел сознания соответствует *определённой ступени развития материальных производительных сил...*”⁷. Именно практика обнаруживает и разворачивает объект познания, дает фактический материал для последующего осмысления: На этом основании подчас утверждают, что объект и существует как момент деятельности субъекта. Такое утверждение неверно, поскольку объект выступает не только как предмет деятельности субъекта, но и как объективная реальность, иначе говоря, объект существует независимо от субъекта познания и субъекта действия.

В этой связи отметим необходимость различения объекта и предмета познания вообще, определенного исследования в частности. Человек как объект исследования является общим для значительной части естественных и всех общественных наук. Но предметы познания у биологии и медицины — физическое

строение человека, физиологические процессы, происходящие в его организме в норме и патологии, в определенной степени психические процессы, поскольку они связаны с физиологией, со здоровьем человека в целом. А у общественных наук человек оказывается предметом познания как социальное существо, как сгусток общественных отношений, и каждая из них изучает человека, а тем самым людей под вполне определенным углом зрения.

В ходе практической деятельности формируется и *субъект познания*, формируются и развиваются познавательные способности субъекта, его чувственность и разум: “В самом акте воспроизводства изменяются не только объективные условия... изменяются и сами производители, вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразовывая самих себя благодаря производству, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык”⁸.

Материальная целенаправленная деятельность не только изменяет окружающий человека природный и социальный мир, но и обуславливает его познание. Ф.Энгельс писал, что “существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу”. Практика дает нам знание об объекте и вместе с тем служит критерием, который оценивает саму глубину постижения объекта, т.е. само знание о нем. История науки свидетельствует, что главными источниками ее прогресса были требования развития производительных сил и изменения общественных отношений, т.е. потребности практики. С материально-производственной практикой связано становление и развитие естественных и технических наук, с социально-исторической практикой — становление и развитие общественных наук. В единстве практики и познания (точно так же, как в единстве материи и сознания, объекта и субъекта) противоположности, данное единство образующие, неразрывны и вместе с тем “неравноправны” в том смысле, что одна сторона в их диалектическом взаимодействии в конечном счете оказывается определяющей, первичной. Исходя из сказанного можно было бы предложить следующее определение практики как гносеологи-

ческой категории: *практика есть материальная целенаправленная деятельность людей, являющаяся основой, целью и критерием истинности познания.*

Конкретно-исторический характер единства практики и теоретического познания. Единство практики и познания как полярных сторон деятельности проявляется в конкретно-исторических формах. Если на первых ступенях развития общества духовное производство было как бы непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, то впоследствии, на основе развития материального производства и общественного разделения труда духовная сторона деятельности все более усложняется, дифференцируется, возникают такие относительно самостоятельные, специализированные его формы и связанные с ними формы отражения действительности, как художественная и научная.

Противоположность практики и теоретического познания развертывается в ходе человеческой истории, по мере развития абстрактного мышления и возрастания относительной самостоятельности мышления, науки, теории. Наши самые далекие предки не были способны отвлечься от непосредственно данного в чувствах. До тех пор пока сознание непосредственно “вплетено” в практический акт и не может “отойти”, “оторваться” от непосредственного действия, противоположность теории и практики существует только *в потенции*. Появление мысли, способной “отлетать” от непосредственной деятельности, — таков *первый* этап в развитии рассматриваемой противоположности. В настоящее время эта противоположность в сфере обыденного сознания сплошь и рядом проявляется в своей первоначальной форме как размышление по поводу происшедшего и обдумывание ближайшего практического шага.

Возникновение науки как системы знаний, научно-теоретического отображения реальности знаменовало собой наступление *второго* этапа в развитии рассматриваемой противоположности. Единство познания и практики теперь приняло новый вид, самостоятельность науки стала возрастать. Но развитие науки невозможно без овладения накопленным ранее запасом знаний, а это означает, что определенная часть общества долж-

на была заниматься только деятельностью в сфере науки. Далее стали нарастать процессы разделения труда и внутри самой науки. Наука стала не только черпать стимулы для роста непосредственно из практики, но и решать задачи, возникшие в ходе ее собственного развития (хотя и они в конечном счете вырастают из практики, взятой в развитии). Поэтому определенные элементы научного знания могут на протяжении известного периода времени не использоваться в качестве руководства для практического действия: например, теория множеств или тензорный анализ, возникшие в математике, нашли свое использование в теоретической физике далеко не сразу. Вообще говоря, чем более развита и систематизирована фундаментальная наука, тем сложнее и многоступенчатее оказывается путь от общих теоретических положений к постановке практической цели, к решению прикладных задач.

С середины XX в., на наш взгляд, начался новый, *третий* этап в развитии науки и в характере ее связи с практикой. Основные черты данного этапа во взаимодействии научной теории и практики определяются двумя коренными изменениями в жизни общества.

Во-первых, новые моменты были обусловлены значительным ускорением научно-технического прогресса. Так называемая научная практика (эксперимент, наблюдение), еще не столь давно не требовавшая больших затрат, превращается с этого времени в одну из капиталоемких сфер экономики. Так, синхрофазотрон в Серпухове или телескоп в Архызе по затраченным на них средствам могут соперничать с крупным заводом. Космические эксперименты требуют создания ракет, спутников и орбитальных станций, автоматических “луноходов”, системы управления космическими кораблями. Создание новой установки для ядерного синтеза типа “Токамак” требует общего финансирования всех крупных индустриальных стран. Трудности в развитии науки в нашей стране в последние 2—3 года, особенно науки фундаментальной, имеют своей причиной резкое сокращение ассигнований.

Ученые-одиночки уступили место многочисленным научным коллективам. В России насчитывается более миллиона на-

учных работников. Кроме того, следует также учитывать вспомогательный персонал научных учреждений, рабочих и инженеров заводов, поставляющих науке специальную технику, наконец, рационализаторов и изобретателей, совокупный вклад которых в научно-технический прогресс значителен. Научная деятельность в современных условиях и по количеству занятых ею людей, и по затратам измеряется теми же масштабами, что и производство, т.е. основная сфера общественной практики.

Дело, однако, не только в масштабах, но и в характере связи “научной практики” с материальным производством. Новые отрасли производства (атомная энергетика, производство компьютеров, синтетических материалов, лекарств, приборов и т.д.) возникают на базе технологии, разрабатываемой в лабораториях и получающей крещение в опытном производстве, этом своеобразном гибриде научной лаборатории и заводского цеха. Постоянное расширение сферы научных исследований образует основу ускоряющегося технологического прогресса. Наукоемкость хорошо иллюстрируется количеством деталей, из которых состоит готовое изделие: швейная машина — из 10^2 деталей, радиоприемник, телевизор — из 10^3 , транспортные средства — из 10^4 , современный авиационный двигатель — из 10^5 , ракета — из 10^6 деталей⁹.

Таким образом, в наши дни существенно видоизменяется соотношение различных видов общественной практики, притом так, что специальный ее вид — “научная практика” — занимает в общем балансе все более важное место и прокладывает производству пути дальнейшего развития. Возрастание масштабов и общественного значения “научной практики” приводит к существенным сдвигам и в гносеологическом соотношении научной теории с общественной практикой.

На протяжении тысячелетий производство существовало на базе чисто эмпирических знаний, унаследованных крестьянами и ремесленниками от предшествующих поколений. Применение научных знаний в производственном процессе до XVIII в. вообще было весьма незначительным. Только со времени первого промышленного переворота наука стала сравнительно широко использоваться в целях технического прогресса. Связь с техни-

кой, с потребностями ее развития послужила мощным толчком и для развития самой науки. Но только в наше время, в эпоху ускоренного научно-технического прогресса, происходит *превращение науки в важнейшую производительную силу общества*. Это означает, что *общественное производство все более приобретает черты, свойственные “научной практике”*.

Во-вторых, научная технология неумолимо требует научной организации общественного производства. Научная организация производства в масштабах предприятия, треста, монополии входит в противоречие с анархией производства в масштабах общества. Программирование, прогнозирование, планирование, о которых речь шла выше, становятся необходимой составной частью управления отдельными социальными процессами, развитием общества вообще. Вопрос о возрастании роли науки в управлении обществом — это уже вопрос о соотношении свободы и необходимости, который будет специально рассмотрен в следующей главе.

Резюмируя, отметим, что две основные сферы общественной практики — производство и социальное действие — постепенно становятся по своему характеру научно ориентированными. Это достигается благодаря растущему сближению естественных и технических (а также сельскохозяйственных и т.д.) наук с производством материальных благ, а наук социальных — с практикой управления обществом.

ГЛАВА V НЕОБХОДИМОСТЬ И СВОБОДА

Обстоятельства в такой же мере
творяют людей, в какой люди творят
обстоятельства.

К.Маркс, Ф.Энгельс

1. Свобода и необходимость как философские категории

Выше уже было показано, каким образом основные категории теории познания — материя и сознание — соотносятся с категориями субъекта и объекта, истины и заблуждения, практики и теории. Завершают эту систему категории *необходимости и свободы*. Диалектика их соотношения позволяет глубже понять характер границы воздействия субъекта на объект.

Философия диалектического материализма восприняла восходящую к Спинозе и Гегелю формулу о *свободе как познанной необходимости* и существенно обогатила ее новым содержанием, показав, что соединение свободы с необходимостью осуществляется в общественно-исторической практике человечества. Свобода как познание необходимости является *необходимой предпосылкой* свободы как практического господства человека над условиями его жизни. Эта мысль была хорошо выражена Г.В.Плехановым: “Если бы действия людей не были *необходимы*, то их невозможно было бы *предвидеть*, а там, где невозможно никакое предвидение, нет места и для свободной деятельности в смысле сознательного влияния на окружающую жизнь. Таким образом, *необходимость* оказывается *залогом свободы*”¹. Тем не менее и по сей день противопоставление не детерминированной ни обществом, ни природой, якобы “совершенно свободной” воли отдельного человека всему тому, что мешает, препятствует проявлениям этой воли, продолжает господствовать в трудах философов, в публицистике и в популярной, предназначенной для широкого круга читателей литературе.

Возьмем в качестве примера хорошо известный, не раз переиздававшийся в Германии и переведенный на русский язык "Философский словарь". Понятие свободы в нем определяется следующим образом: "...возможность поступать так, как хочется. Свобода — это свобода воли. Воля по своей сущности всегда свободная воля". Это обычное определение свободы в духе волюнтаризма. Что же препятствует проявлению свободной воли? С точки зрения авторов словаря, это прежде всего и главным образом *моральные* соображения. Несомненно, чувство и сознание долга, совесть, ответственность ограничивают волеизъявление личности. Но как быть с ограничениями, препятствиями, исходящими извне? "Понятие творческой свободы, — говорится далее там же, — постепенно вытесняет понятие свободы от препятствий (принуждения, каузальности, судьбы)"². Итак, "препятствия", в том числе каузальность (причинность), как бы признаются. Однако свобода осознания объективных условий, "велений среды", необходимости и подчинения им, т.е. необходимости, отрицается, ибо свобода понимается в духе Канта как "свободная воля", ограниченная по сути только этическими соображениями. Таким образом, свобода и необходимость разрываются и противопоставляются друг другу. Материализму, который понимает свободу в ее диалектической связи с "препятствиями", т.е. с необходимостью, авторы словаря инкриминируют отрицание свободы воли. Примеры такого рода можно было бы без труда умножить. В современной отечественной публицистике, которая обращает справедливый гнев на систему тоталитаризма, преобладает понимание свободы как свободы личности в выборе целей и путей ее достижения, но нередко упускается, что начинается свобода с осознания необходимости, конкретных обстоятельств существования.

Возможность выбора действительно является обязательным атрибутом свободы. Но из чего и как выбирать? Энгельс отмечал, что свобода воли означает принятие решения "со знанием дела". "Знание дела" включает в себя два момента. Во-первых, оно требует знания необходимости природы и социальной жизни, управляющих ими объективных законов, включая случайные проявления, а тем самым различные возможности хода событий. Во-вторых, оно требует знания имеющихся в распоря-

жении возможных средств, которые можно использовать в борьбе со стихийными силами природы и потоком социальной жизни, который несет нас в определенном направлении, включает в себя действие противоборствующих сил и требует приспособиться к ним с учетом своих интересов. Средства эти весьма многообразны, и, следовательно, их комбинаций при решении любой задачи может быть множество.

Таким образом, необходимость не исчезает, когда мы вынуждены в определенных ею границах выбрать из веера возможных вполне определенную цель и определить оптимальные (из имеющихся в распоряжении) средства для ее достижения. Не исчезает она и тогда, когда вопреки объективным законам, велениям необходимости цель поставлена нереальная либо средства выбраны негодные. Постигающая нас в любом из этих случаев неудача наглядно демонстрирует, что с необходимостью надо считаться.

В приведенной в начале главы формуле о свободе как познанной необходимости следует видеть одно из частных проявлений более общей формулы о первичности материи и вторичности сознания. В этой формуле основной вопрос философии конкретизируется, поскольку именно в свободе выбора цели, средств ее достижения и практического воплощения этой цели в жизнь находит выражение активность человеческого сознания и роль практики в познании мира. Свобода воли оказывается производной от степени практического освоения мира. Именно в практике, воздействуя на природу в соответствии с приобретенными знаниями о ее законах, люди могут подчинять ее себе. "Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, — отмечал В.И. Ленин, — есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы..."³

Категории свободы и необходимости, будучи непосредственно связаны с понятиями сознания и материи, вместе с тем обладают существенной спецификой, которая связана с понятием "господство". Ф.Энгельс писал, что "свобода... состоит в основном на познании необходимостей природы... господстве над нами самими и над внешней природой..."⁴. Но "господство" одного над другим имеет место лишь тогда, когда противобор-

ствуют, сталкиваются различные силы. Понятия свободы и необходимости фиксируют отношение сознательной человеческой деятельности и противостоящих ей природных и общественных сил. Термин “господство” был изрядно подмочен, скомпрометирован за десятилетия безоглядного, без учета последствий “покорения природы” на “великих стройках коммунизма”. Экологические катастрофы в ряде районов страны (Чернобыль, Приаралье, Южный Урал, тундра и т.д.) наглядно показали, что на деле “господство” достигнуто не было. Природа мстит за себя. Эти жестокие уроки не означают, что надо отказываться от термина “господство” в философии, когда оно понимается как разумное, учитывающее последствия наших действий господство над силами природы.

Стремлению человека к господству над условиями жизни противостоят, во-первых, внешняя, окружающая нас природа, ее законы; во-вторых, биологические законы рождения, роста, старения и смерти организма; в-третьих, общественные силы, которые выступают как результат деятельности не только настоящего, но и всех предшествующих поколений. Они объективируются в производственной и бытовой технике, во всей “очеловеченной природе”, в существующих общественных отношениях. *Сознание*, постигающее любой из этих видов объективной необходимости и избирающее определенный вариант действия, *воля*, приводящая в движение естественные силы организма, а также орудия труда и иные средства осуществления поставленной цели, материальная деятельность — *практика*, в которой происходит материальное, “предметное” столкновение с необходимостью, — все они, взятые вместе, *противостоят необходимости*.

“Борьба” этих противоположностей принимает вид столкновения материальных и духовных сил человечества (его части, когда речь идет об общественном столкновении) с объективными силами природы (общества), противостоящими сознанию, воле, практике. Безусловно, можно и нужно особо исследовать свободу сознания, свободу воли и свободу практического действия, поскольку все они обладают известной самостоятельностью. Но во всех этих случаях нельзя забывать о том, что это есть не более как часть, сторона общего соотношения, столкновения, “борьбы”

между сознательной деятельностью (человека, группы, народа, человечества в целом) и противостоящей ей объективной необходимостью. Попытки определить свободу без учета роли внешних и внутренних препятствий на ее пути теоретически несостоятельны. Как писал Э.Мунье, битва за свободу не знает конца: "Свобода человека — труженица, но она и божество. Ей надо напоминать о сопротивлении материи, но также надо поддерживать ее необоримую страстность, а иногда и творческое безумие"⁵.

Критика фатализма и волюнтаризма в понимании свободы и необходимости. В истории философии проблема свободы и необходимости всегда была связана с пониманием сущности человека. Анализируя отношение человека к миру, философия, согласно Канту, должна ответить на следующие вопросы: Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться? Четвертый вопрос Канта обобщает предыдущие: Что такое человек?⁶ Вопросы Канта при ближайшем рассмотрении оказываются вопросами о свободе человека — познавательной (свобода мысли), практической (свобода действия), духовно-практической (свобода совести). Что касается сущности человека, то, как метко заметил видный итальянский марксист А.Грамши, "мера свободы входит в понятие человека"⁷. Закономерна поэтому связь проблемы свободы и необходимости с моральной проблематикой: человек должен не только знать истину, но и жить по истине, "по правде", или, как говорил Сократ, жить по-доброму. Подлинная свобода человека неотделима от ответственности за тот или иной выбор, за совершенное действие, и не только свое, но и тех людей, с которыми ты связан. Моральной мерой свободы является степень ответственности индивида не только перед самим собой, но и перед другими людьми⁸. И чем шире свобода выбора и сфера действия человека, тем больше и ответственность. Как сказал Лис Маленькому принцу, ты навсегда в ответе за всех, кого приручил.

Свобода без ответственности перед другими — мнимая свобода, дегуманизирующая внутренний мир человека и человеческие отношения. Именно к такой мнимой свободе приходят адепты примата индивида над обществом, утверждающие, что ад — это другие (Ж.П.Сартр) и что коллектив — враг личности

(Н.А.Бердяев). Также и ответственность перед другими людьми без свободы — мнимая ответственность, дегуманизирующая человеческие отношения и внутренний мир человека. Если исходить из примата общества по отношению к индивиду, подменяя самооценку индивида его ролевой функцией, то возникает фантастический мир, описанный в антиутопиях Е.Замятина, О.Хаксли и Дж.Оруэлла (с правилами “Незнание — сила”, “Война — это мир”, “Свобода — это рабство”, “Кто управляет настоящим, управляет прошлым” и т.п.). Это мир социального отчуждения, в котором индивиды выступают как безвольные статисты, пассивные объекты внешней манипуляции, винтики безличной общественной машины. В таком мире человек отчуждается от его родовой, социально-деятельной сущности; социальная необходимость выступает как социальное насилие.

В решении проблемы свободы и необходимости прослеживаются противоположные тенденции: фатализм, который абсолютизирует необходимость, и волюнтаризм, который абсолютизирует свободу воли*. Фаталисты (от Демокрита до Спинозы и от Фомы Аквинского до Тейяра де Шардена) развивали представление о жесткой предопределенности всего происходящего, утверждая, что законы природы или сверхприродные силы (бог, провидение, абсолютная идея и т.п.) лишают человека возможности мало-мальски существенно влиять на собственную судьбу и судьбу общества. Для фаталиста не существует ни свободного выбора, ни случайности; удел человека — разумно (осознанно) подчиняться объективному ходу вещей, смиренно переносить все, что выпадает на его долю.

Волюнтаристы (от Эпиктета до Дунса Скота и от Кьеркегора и Шопенгауэра до Сартра и Бердяева) считали, что свобода человека не может быть подчинена необходимости; свобода избавляет дух от действительного мира, от всяких зависимостей, природных и социальных. В мире волюнтариста все неопределенно, все возможно и зависит от свободного выбора человека, от его творческой самостоятельности. И в этом враждебном мире стихийно-витальных сил каждый должен “выбрать самого себя”, должен спасти самого себя и довольствоваться этим. Для волюнтариз-

**Fatum* (лат.) — рок, судьба; *voluntas* (лат.) — воля.

ма характерен иррационализм — противопоставление свободы разуму и знанию: актами свободы являются вера, интуиция, религиозное чувство, но никак не разум. “Разум — убийца человеческой свободы, убийца личности, — заявлял Кьеркегор. — Разум создает царство всеобщего, необходимости, где не может быть выбора между различными возможностями, ибо нет уже самих возможностей, и человеческая личность оказывается жертвой этого царства”.

Особо следует сказать о попытке Канта обосновать разрыв между свободой и необходимостью в человеческом поведении, исходя из представления о человеке как двойственном существе, из дуализма *сущности* и *существования*. По Канту, человек как личность принадлежит умопостигаемому миру вещей-в-себе, миру духовной свободы, а как природное существо — чувственно воспринимаемому миру явлений, миру природной необходимости. В одной из антиномий Канта проблема детерминации человеческой деятельности представлена следующим образом: “Человеку присуща свобода — у него нет никакой свободы, а все в нем природная необходимость”. Кант считал приведенные выше тезис и антитезис данной антиномии в равной мере истинными; человек определен как природой, так и свободой, но эти две линии детерминации человеческой деятельности друг от друга не зависят. Свобода человека состоит в том, что он руководствуется абсолютным и априорным законом, который находит в себе самом: “Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству”⁹. Однако, по Канту, постулаты свободы, бога и бессмертия относятся к миру вещей-в-себе, который недоступен для теоретического разума, но открыт для веры, для практического разума. В данном отношении позиция Канта сближается с линией волюнтаризма, постулирующего врожденный или божественный характер свободы человека. За антиномией свободы и необходимости, которую Кант считал неразрешимой для теоретического разума, стояла антиномия индивида и общества, действительно неразрешимая для философского идеализма.

Диалектический материализм отвергает в равной мере фа-
тализм и волюнтаризм, поскольку они антидиалектически подхо-

дят к вопросу о соотношении свободы и необходимости, абсолютизируют моменты predeterminedности и неопределенности в поведении людей по отношению к природе и друг к другу.

Трактовка фатализмом соотношения возможности и действительности в процессах общественного развития связана с его общим воззрением на мир. Разновидностью фатализма выступает механистический детерминизм, полагающий, что все возможности мирового развития заранее однозначно содержатся в каком-то изначальном состоянии мира. В естествознании подобная концепция получила название "лапласовский детерминизм" — по имени великого французского математика конца XVIII — начала XIX в. Лапласа, утверждавшего, что при точно заданных начальных условиях и знании законов механики мы в принципе можем определить движение каждого тела в любой момент времени в будущем. Такого рода детерминизм в применении к обществу означает полное отрицание свободы выбора, принижение роли сознания и действия. Если всякая возможность есть необходимая и единственная, то борьба за осуществление поставленных целей становится ненужной. Однако вся история общества свидетельствует об обратном. Борьба противоположных сил за реализацию различных возможностей развития не прекращается и после того, как победа сил нового определилась. Наиболее острой фазой борьбы нового со старым является как раз фаза рождения нового и гибели старого.

Роль субъективного фактора при этом может оказаться весьма различной в зависимости от его отношения к объективному фактору. Если лица, группы, классы ставят цели, противоречащие объективным законам общественного развития, то их поражение становится рано или поздно неизбежным. Объективное положение реакционных классов, групп, осужденных историей на гибель, но не желающих добровольно сойти со сцены, таково, что эти классы и их политические деятели постоянно ставят несбыточные цели и терпят провал за провалом. Нельзя, однако, отрицать, что деятельность реакционных сил может в определенной мере замедлить осуществление исторически назревших задач.

Волонтаризм, преувеличивающий роль и значение воли, сознания, действия, свойствен прежде всего реакционным обще-

ственным силам. Но он может проявляться и у той части прогрессивных сил общества, которая жаждет "перепрыгнуть" через ряд этапов развития, не учитывая при этом, что воплощение реальной возможности в действительность есть сложный процесс, в котором сопротивление сил, стоящих за разными возможностями развития, может быть преодолено только при условии мобилизации и организации масс и умелой тактики борьбы. Особо надо отметить, что волюнтаристское понимание процесса превращения возможности в действительность в обществе имеет своей обратной стороной фаталистическое преклонение перед стихийностью; дополнением волюнтаризма так или иначе оказывается прагматический подход.

Материалистическая диалектика, выступая против переоценки волюнтаризмом роли субъективного фактора, одновременно противостоит его недооценке. Если в сознании прогрессивной части общества правильно отразились возможности, вытекающие из объективного хода развития общества, то практическая деятельность, направленная на реализацию этих возможностей, становится *решающей силой* в процессе их превращения в действительность.

Сторонники фатализма этого не понимают (или не желают понять) и отождествляют объективную возможность, лежащую на пути исторической необходимости, с действительностью. Еще в конце XIX в. критик марксизма Штаммлер писал, что марксисты якобы противоречат сами себе, когда организуют партию для победы социализма, поскольку, по их учению, социализм все равно наступит неизбежно. "Никто ведь не организует партию содействия лунному затмению", — иронизировал Штаммлер, предлагая тем самым отказаться от борьбы за социализм. С тех пор это рассуждение было повторено тысячекратно. Современные критики марксизма, объявляя марксизм "экономическим детерминизмом" и выражая удивление по поводу того, что русские коммунисты не стали ждать стихийного осуществления социалистической революции, квалифицируют это событие как "отступление от подлинного марксизма".

В действительности важнейшими вехами истории человечества являются революционные перевороты, знаменующие переход от низших экономических формаций к высшим. Соци-

альная революция наступает с необходимостью и обусловлена действием закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Но революция не может наступить в любой момент развития общества, даже если существующий экономический и политический строй давно изжил себя. Такая ситуация появляется лишь при крайнем обострении всех противоречий данного общества, в момент общенационального кризиса, когда угнетенные классы не могут более жить по-старому, а господствующие классы не могут более управлять по-старому.

При наличии революционной ситуации революция становится реальной возможностью, однако само по себе наличие революционной ситуации не означает автоматической победы революции. История знает немало случаев, когда при наличии объективной революционной ситуации передовые силы общества не были достаточно сплоченны и организованны и поэтому не могли ее использовать. Так было в России в 1856–1861 гг., перед реформой. Однако антикрепостническая революция в этот период в России не свершилась, так как силы, которые могли бы возглавить крестьянское движение, не были готовы к этому. В итоге революционная ситуация не привела к революции, возможность не стала действительностью.

Ошибочным является и такой вывод: если иметь в виду, что не всякая революционная ситуация приводит к революции и что не всякая начавшаяся революция завершается победой, то в этих случаях не существует объективной возможности для ее победы. Суть в том, что наряду с возможностью победы революции всегда существует объективная возможность ее поражения. Осуществление той или иной возможности решается соотношением классовых сил. Поэтому, когда говорят о неизбежности победы революции, т.е. о такой ее возможности, которая обязательно осуществится, это не означает, что история дает гарантию победы революционных сил в первом же раунде их выступления. Временное поражение революции вовсе не отменяет исторической необходимости ее конечной победы, наоборот, подготавливает победу революции в будущем.

Приведенные рассуждения насчет соотношения возможности и действительности в периоды революций полностью при-

менимы и к периодам крупных реформ, которые отличаются от революций тем, что проводятся по инициативе сверху при большей или меньшей поддержке снизу. По масштабам преобразований иная реформа не уступает революции.

Начатая в СССР во второй половине 80-х годов и названная перестройкой реформа экономики получила различное продолжение в государствах, возникших на территории Союза. Пожалуй, наиболее драматично идет переход к рыночным отношениям в России. Не вызывает сомнений необходимость коренного изменения системы экономических отношений: от экономики централизованной, базирующейся на государственной собственности и всепроникающем планировании, к экономике смешанной, базирующейся на различных формах собственности и товарно-денежных отношениях, при сохранении в руках государства важнейших экономических рычагов управления. Возможны два основных пути этого преобразования (при бесконечном количестве промежуточных вариантов). Один путь, сходный с принятым в Польше, имеет в своей основе курс на короткий по срокам осуществления ("500 дней" и т.д.) период, получивший образное название "шоковой терапии". Авторы этого курса не учитывали, что в России иная структура экономики, чем в Польше, где несравненно меньше была доля военной промышленности, сельское хозяйство и розничная торговля и ранее были в частных руках и т.д. Второй путь, сходный с принятым в Китае, предполагает более постепенный переход к новой хозяйственной системе при удержании основных рычагов управления в руках государства, в том числе при сохранении за ним собственности на средства производства в базовых отраслях. Заметим, что многие видные западные эксперты поддерживают этот путь. Так, в докладе П.Трюдо на сессии Совета взаимодействия в Праге (май — июнь 1991 г.) говорилось: "Рыночной экономики в чистом виде нет нигде. Поэтому восточноевропейским странам не следует идти по пути форсированной и тотальной приватизации, полного отказа от государственного регулирования"¹⁰. Мы не касаемся здесь изменений в государственном строе, а также проблемы соотношения власти центра и республик, которая ни в Польше, ни в Китае не стоит.

К началу 90-х годов стало очевидным, что указанное преобразование экономического строя объективно неизбежно и пользуется поддержкой большинства населения. Борьба между двумя указанными возможностями и стоящими за ними коалициями различных общественных сил вступила в решающую фазу. Оценивать количественно вероятность победы той или иной из этих возможностей в каждом из государств, образовавшихся вследствие распада СССР, не представляется оправданным. Соотношение социальных сил в республиках различно и весьма быстро меняется.

2. Превращение необходимости в свободу

Определяющая роль исторической необходимости по отношению к свободе. Открытие определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию, в том числе решающей роли в общественной жизни труда, производства материальных благ, было вместе с тем открытием реальной взаимосвязи исторической необходимости и свободы в человеческой деятельности. "История, — писал К.Маркс, — есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности"¹¹. В результате совокупной деятельности людей изменяются условия их общественного бытия, и эти изменения, как правило, полностью заранее не осознаются ими. Люди всегда ставят перед собой определенные цели и направляют свою волю на их достижение. Но из всей совокупной деятельности людей "складывается объективно необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего общественного сознания, не охватываемая им полностью никогда"¹².

Историческую необходимость общественных действий людей от необходимости в природе отличает целый ряд признаков.

Прежде всего историческая необходимость — это не сила, действующая вне человека, напротив, она реализуется в деятельности людей через объективные потребности, побуждающие индивидов и группы людей действовать в определенном направлении. Далее, поскольку деятельность людей является целенаправленной, осознанной, историческая необходимость опосредована в той или иной степени их сознанием. Цели и задачи, которые люди ставят перед собой, объективно обусловлены их общественным бытием, достигнутым уровнем человеческой практики, и прежде всего производства материальных благ, которое опирается на законы природы.

Наконец, историческая необходимость, включая в себя различные возможности развития, а тем самым случайности, допускает множество “степеней свободы” для творческой активности людей, благодаря которой реализуется тот или иной вариант хода исторических событий, ускоряется или замедляется реализация необходимости. Человек как субъект исторического процесса оказывается свободным, самостоятельно избирающим свой путь, и в то же время в своей деятельности он связан исторической необходимостью, которая детерминирует цели совокупной человеческой деятельности, ограничивает область осуществимых в данных обстоятельствах действий, проявляется в несовпадении общего итога, результата деятельности людей с их личными стремлениями.

Выше уже было сказано, что деятельность человека вовсе не есть царство “абсолютной свободы”. Сознание человека отображает окружающие природные и общественные условия и возникающие на их базе потребности индивида и общества. Но если не выдерживает критики представление о животном как автомате, то тем более бессмысленно это механистическое представление в отношении человека. В определенных границах человек свободен выбирать, каким образом ему при данных обстоятельствах поступить. Эти границы обусловлены необходимостью, и свобода есть не более как свобода принимать решение со знанием дела. Формула Гегеля и Маркса о свободе как познанной необходимости имеет важнейшее значение для понимания соотношения случайности и необходимости в общественной жизни. В зависимости от того, насколько верно человек осознал необходимость и на-

сколько тверда его воля при осуществлении принятого решения, он способен поступать по-разному, т.е. быть источником случайностей как в отношении своего собственного будущего, так и судеб окружающих людей, семьи, народа, мирового сообщества.

Роль личности в жизни общества — один из наиболее горячо обсуждаемых вариантов соотношения необходимости и случайности. Появление на свет любого индивида обязано стечению многих случайных факторов биологического порядка еще до появления на свет: зачатию от нашедших друг друга мужчины и женщины, притом именно при данной их встрече, от игры случая при комбинации отцовских и материнских генов и т.д. Не меньше случайностей происходит после рождения: в процессе воспитания, формирования личности в непрерывно изменяющейся социальной среде, в том числе при продвижении на ту ступень общественной лестницы, когда личность может оказать существенное влияние на жизнь своего и других народов. Данный Г.В.Плехановым в конце прошлого века блестящий анализ этого вопроса сохраняет поныне свое методологическое значение¹³. Если основное в деятельности выдающейся личности определено объективными тенденциями развития общества, так сказать, “социальным заказом”, исторической необходимостью, то от ее индивидуальных черт, ума и характера, способности предвидеть и вести за собой других в политике, от силы ума и воображения при решении новых задач в науке, технике, искусстве зависят такие случайности, которые не просто дополняют необходимость, но накладывают подчас очень существенную печать на дальнейший ход развития данной сферы общественной жизни, общества в целом.

В оценке роли личности в истории следует, на наш взгляд, учитывать взаимодействие *двух противоположных тенденций*. С одной стороны, прогресс общества создает предпосылки для ее возрастания. Ясно, что чем народ многочисленнее, чем более развита в нем дифференциация видов деятельности, тем, вообще говоря, больше роль отдельной личности. Вождь племени мог влиять на жизнь сотни или тысячи людей; человек, возглавляющий политическую жизнь современной нации, великий ученый, писатель или композитор наших дней — на жизнь десятков и сотен миллионов. В условиях господства половозрастного разде-

ления труда появление и исчезновение данного индивида оказывали малое влияние на ход жизни племени. Другое дело, когда ученые, конструкторы новой техники, писатели, политические деятели выполняют высокоспециализированные, требующие долголетней подготовки и природного таланта функции. Замена таких людей совершается очень не просто, а в некоторых областях (например, в художественном творчестве) вообще не может быть полной.

В XX в. в связи с небывалым значением, которое приобрели наука и техника, существенно возросла роль творческой личности в этих областях, а тем самым в обществе в целом. Научные подвиги Курчатова и Королева оказали мощное влияние на развитие не только ядерных и космических исследований в СССР, но также на ядерную энергетику и ракетную технику, а через них — на весь ход развития общества в нашей стране и мировых событий, поскольку достижение ракетно-ядерного равновесия позволило предупредить развязывание третьей мировой войны, последствия которой для человечества были бы катастрофическими.

Особую актуальность приобрел вопрос о роли личности в политике в XX в., когда стоящие во главе мировых держав деятели могут привести в движение десятки и сотни миллионов людей на всей планете. В условиях роста цивилизации человечество вновь познало столь обычную в прошлом неограниченную деспотическую, диктаторскую власть и сопровождающее ее явление, получившее название культа личности: возвеличение личности политического руководителя в массовом сознании, приписывание ей божественной мудрости и силы, слепое поклонение вплоть до готовности жертвовать собой. Культ личности носит по сути религиозный характер, и на протяжении столетий он держался на принуждении и подавлении непокорных; с одной стороны, на одурманивании масс средствами идеологического воздействия — с другой. Освобождение общества от мифологического сознания во всех его формах происходит постепенно, этот процесс знает свои приливы и отливы. Трагические потрясения XX в. обусловили появление культа личности в ряде мировых держав, в том числе в Германии, Советском Союзе, Китае. Гитлер, Сталин, Мао Цзэдун оказались во главе этих государств в переломный пери-

од, когда требовалась мобилизация всех сил для выполнения крупных национальных и социальных задач; насколько эти задачи были выполнимы и прогрессивны — другой вопрос.

В СССР это были задачи коренного социального преобразования общества в условиях враждебного внешнего окружения, а затем обороны страны от вражеского нашествия, угрожавшего самому существованию народа. Присвоение именно Сталиным роли вождя в исторической перспективе не может рассматриваться иначе как случайность. Действительно, не существовал бы Сталин, был бы во главе страны в этот период кто-то иной, но масштабные социальные преобразования, запрограммированные Октябрьской революцией, были бы осуществлены, а война против фашизма выиграна. Скорее всего масштабы насилия над крестьянством, интеллигенцией, кадрами партии, государства, армии могли оказаться несравненно меньшими, равно как и потери в войне 1941—1945 гг.

О том, что опасности, связанные с культом личности, нас не до конца миновали, можно судить по безрезультатным попыткам Хрущева и Брежнева (и их окружения), несмотря на прививку, полученную обществом после XX съезда партии, создать подобие культа. Тем не менее в обстановке начавшегося с конца 80-х годов острого социально-экономического и политического кризиса, распада Советского Союза, растущей нищеты, кровавых конфликтов, миллионов беженцев в ряде стран СНГ среди части населения, отличающейся низкой политической культурой, возникли надежды на спасение, связываемые с харизматической личностью, которая якобы может легко и просто повернуть ход событий к лучшему.

Отмеченная тенденция сталкивается с тенденцией противоположной — возрастанием возможностей ограничить воздействие опасных, вредных случайностей на развитие общества. В сфере политической таким ограничителем является развитие демократии, подлинного народовластия. Выборность любых должностных лиц, их периодическая отчетность, сменяемость, обеспечиваемая стабильностью системы правового государства, свободой личности и средств массовой информации, — таковы условия подчиненности действий стоящих во главе партий и движений лиц интересам этих партий, движений и в конечном счете большинства населения. А именно в коренных интересах наро-

дов так или иначе находит проявление историческая необходимость.

Таким образом, историческая необходимость не только не исключает, не ущемляет свободы выбора целей и действий, но, напротив, прямо ее предполагает, служит ее основой. Конкретные формы связи свободы и необходимости в ходе истории изменяются, причем важнейшей закономерностью развития общества является расширение возможностей реализации творческой природы человека, возрастание свободы исторического действия.

Две формы объективного процесса и их взаимопревращение. Подчинить, покорить стихийные силы природы люди могут только в процессе материальной деятельности — либо противопоставляя стихийным силам природы уже используемые ими ее силы, либо проникая как бы “внутри” процесса и направляя его в нужное им русло. Это может быть достигнуто в силу того, что целесообразная деятельность человека, практика материальны, как и силы природы. Ф.Энгельс писал, что “мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над ней так, как кто-либо находящийся вне природы, — что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее, что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять”¹⁴.

Энгельс приводил в этой связи пример с использованием законов электричества. Они действуют стихийно в атмосферном разряде, но в созданном нами техническом устройстве, например в лампе или телеграфном аппарате, подчинены нашим целям. В других случаях человек может воздействовать на стихию иным способом, например противопоставляя напору воды дамбы и другие гидротехнические сооружения и тем самым ограничивая действие стихийных сил. В обоих случаях стихийный процесс природы в той или иной степени превращается в управляемый.

При анализе диалектики этого превращения особое внимание следует уделять преодолению идущей от Канта разновидности агностицизма. Если в признании существования “вещей в себе” Кант стоял на позициях материализма, то в вопросе о при-

чинности, необходимости, закономерности в природе он стоял на идеалистических позициях, отвергая причинную связь в самих вещах и приписывая внесение "порядка" в природу априорному, рассудочному мышлению. В действительности существует неразрывная связь вещей и законов их движения в природе и в процессе познания: превращение "необходимости в себе" в "необходимость для нас" по существу означает превращение "вещей в себе" в "вещи для нас".

Отличие кантианства от юмизма и берклеанства в этом вопросе второстепенно, поскольку все они становятся в тупик при ответе на вопрос, откуда берется "необходимость в себе". Субъективные идеалисты и агностики рассуждают по следующему шаблону: мы не можем знать, что материя, вещи, объекты, необходимость существуют за пределами того, что уже вошло в наше сознание, что мы о них сегодня знаем. Как же опровергается это рассуждение и доказывается существование непознанной, следовательно, неизвестной и поэтому непокоренной необходимости? Ленин отвечал на этой вопрос так: *"...не зная этой необходимости, мы знаем, что она существует. Откуда это знание? Оттуда же, откуда знание, что вещи существуют вне нашего сознания и независимо от него, именно: из развития наших знаний, которое миллионы раз показывает каждому человеку, что незнание сменяется знанием, когда предмет действует на наши органы чувств..."*¹⁵.

В "Философских тетрадах" Ленин рассматривает превращение необходимости в свободу как превращение одного вида необходимости в другой. Он писал: *"...2 формы объективного процесса: природа (механическая и химическая) и целеполагающая деятельность человека"*¹⁶. Практическая целеполагающая деятельность человека должна рассматриваться как форма объективного процесса, поскольку речь идет о материальном взаимодействии двух различных сил природы: имеющей сознание и лишенной его.

Разграничение этих двух форм объективного процесса не может быть абсолютным. Ранее мы уже отмечали, что закономерность и целесообразность в известной степени присущи всему живому. Эта объективная черта высоко развита у животных,

обладающих центральной нервной системой, сложными условными рефлексами и зачатками сознания. Функционирование живых организмов подчинено задаче их самосохранения и воспроизводства вида. Будучи закреплена генетически в ДНК, врожденная направленность поведения дополняется приобретаемыми на протяжении жизни условными рефлексами и навыками.

Развитие кибернетики расширило философские представления об объективной целесообразности в двух отношениях. Во-первых, техническая кибернетика овеществляется в самоуправляющихся технических системах, которые в пределах заложенной в них программы обладают способностью выбора "решений". Так, ракеты типа "земля — воздух" следуют за целью и поражают ее при многократных изменениях курса. Заключенная в компьютер программа позволяет "сражаться" с ним в шахматы, так как "противник" осуществляет "свободу" выбора на каждый наш ход. Во-вторых, теоретическая кибернетика открыла общие законы управления в самых различных самоуправляющихся системах. Общие черты управления в этих системах не отменяют качественных различий между ними. Объективная целесообразность наличествует всюду, где есть управление, хотя может не быть сознания. Но если в поведении животных сознание "замещают" более простые формы психологического отражения, то в самоуправляющихся технических устройствах эту роль выполняет "частица" человеческого разума, вложенная в них при их создании. Цель, которую преследует и достигает самоуправляющееся техническое устройство, закладывается в него при конструировании и задании той или иной программы действия.

Таким образом, между двумя основными формами объективного процесса имеются переходные ступени, промежуточные формы. Но это не дает оснований для пренебрежения качественным различием между свободной целеполагающей деятельностью человека и человеческих коллективов, сознательно использующих законы природы (включая и созданные человеком "мыслящие" машины, которые суть не более как подсобные орудия целеполагающей деятельности человека), и объективными, но стихийными процессами в природе (включая поведение живых организмов).

Превращение стихийных процессов в сознательно направляемые — это лишь одна сторона их диалектической взаимосвязи. Сознательно направляемый процесс полностью или частично может превращаться в стихийный, поскольку он “окружен” со всех сторон стихийными процессами, которые непрестанно воздействуют на него. Поломки и аварии механизмов, нарушения технологического режима в химических производствах, “шумы” в радиотехнических устройствах и т.д. — это не что иное, как неуправляемое воздействие природной стихии на деятельность человека и технику. Эти воздействия воспринимаются большей частью как случайные, но за подобными случайностями всегда стоит необходимость: механизмы после известного срока службы выходят из строя, “шумы” полностью неустранимы и т.д. Вся функционирующая техника должна находиться под непрерывным присмотром и наблюдением человека, без этого цивилизацию быстро захлестнут стихийные силы природы.

Диалектика противоборства между свободной деятельностью людей и стихийными силами природы, их окружающими и в них действующими, на этом не кончается. Каждое сознательное воздействие на природу, даже если цель достигается и в этом смысле оно может считаться свободным, таит в себе вследствие взаимосвязи всех явлений в природе тьму непредвиденных последствий. Ф.Энгельс отмечал, что даже у самых развитых народов “существует огромное несоответствие между поставленными себе целями и достигнутыми результатами, что продолжают преобладать непредвиденные последствия, что неконтролируемые силы гораздо могущественнее, чем силы, приводимые в движение планомерно”¹⁷. В качестве примера он приводил вырубку под пашню лесов на склонах гор, что привело к исчезновению запасов влаги и опустошению ряда местностей.

Прогресс науки, техники, производства позволяет предвидеть и предупреждать более отдаленные нежелательные последствия человеческого вмешательства в ход природных процессов. Но в то же время растущие масштабы производственной деятельности, которые уже стали поистине космическим фактором, питают противоположную тенденцию. Вырубка лесов на южных склонах Альп сказалась на почве, климате, водоснабжении сравнительно небольшой территории в Северной Италии. Во

второй половине XX в. стихийные последствия воздействия общества на природу угрожают всей биосфере. Применение химических средств, например порошка ДДТ, в борьбе с вредителями полей и лесов привело к тому, что это далеко не безвредное вещество проникло в большинство живых организмов, населяющих планету, включая пингвинов в Антарктике. Добыча нефти на морских промыслах, а также ежегодная перевозка морем сотен миллионов тонн нефти и нефтепродуктов из-за сброса части остатков в море и аварий танкеров всего за четверть века привели к загрязнению Мирового океана. При плавании на "Кон-Тики" вскоре после войны Тур Хейердал восторгался чистотой вод Тихого океана. Через двадцать лет — при переходе на "Ра-2" через Атлантику — он обнаружил, что на тысячи миль поверхность воды покрыта нефтяной пленкой и грязью.

По данным ЮНЕП (Программа ООН по окружающей среде), примерно две трети населения земного шара лишены чистой питьевой воды. В результате 4,6 млн детей в возрасте до пяти лет погибают. Ежегодно на Земле вымирает около 100 биологических видов. Сейчас на планете насчитывается от 10 до 30 млн видов живых организмов, многие из них еще не изучены и не описаны. Согласно прогнозам, уже к 2030 г. средняя температура воздуха на планете возрастет на 1,5—4 градуса. Это значит, что поднимется уровень Мирового океана и будут затоплены многие давно освоенные территории, на которых проживают десятки миллионов людей.

Использование энергии атомного ядра сулит переворот в энергетике, но радиоактивные вещества уже сейчас отравляют воду, воздух и почву, угрожая здоровью людей на всех континентах. Только в Белоруссии после чернобыльской катастрофы на зараженной территории проживает более двух миллионов человек. Дальнейшая индустриализация планеты все более существенно влияет на биосферу, и экологические проблемы к концу нашего века стали во весь рост в планетарном масштабе. Создание экологических политических партий, названных "зелеными", и избрание от них членов в парламенты ряда стран свидетельствуют об осознании экологической угрозы общественностью. Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г.) выдвинула спасение жизни на планете в ка-

честве самой главной задачи современности. Что же касается еще более грозных опасностей, связанных с применением ядерной энергии в военных целях, равно как химического и бактериологического оружия, то здесь прямо ставится на карту судьба человеческого рода.

Компьютеризация различных областей человеческой деятельности — перспективное направление научно-технического прогресса. Но она же становится средством всепроникающего социального контроля. Современные технические системы представляют собой по существу человеко-машинные системы, и обеспечить их безопасность и надежность — непростая проблема. Вживление в тело человека компьютерных микросхем-чипов позволит непосредственно пользоваться внешними компьютерными банками данных, может помочь человеку восполнить поражения органов зрения и слуха, осязать через протезы и др. Но компьютерная техника может быть использована и для зомбирования людей, манипулирования их сознанием. Генная инженерия в перспективе сулит избавление человека от наследственных болезней, возрастание средней продолжительности его жизни, замедление процесса старения организма. Вместе с тем она может быть использована для выведения смертоносных микробов, для реализации расистских планов геноцида, создания особых генотипов “сверхчеловека” и “недочеловека” и т.п.

Рост господства людей над стихийными силами природы — процесс противоречивый. Разрешение этих противоречий основоположники марксизма связывали с коренным изменением социального строя. Идее социалистического преобразования общественных отношений Энгельс дает следующее философское обоснование: “Лишь сознательная организация общественного производства с планомерным производством и планомерным распределением может поднять людей над прочими животными в общественном отношении точно так же, как их в специфически биологическом отношении подняло производство вообще”¹⁸.

На протяжении десятилетий послеоктябрьской истории в нашей стране это принципиальное положение философии диалектического материализма толковалось весьма упрощенно, как некая линейная закономерность, действующая сразу же после взятия власти в 1917 г. Но история убедительно показала, что

путь к свободному обществу — свободному по отношению к природе и самому себе — несравнимо более сложен, продолжителен и тернист, чем это представляла советская официальная идеология. Взятый в целом исторический опыт всемирного развития подтверждает истинность этого предвидения, притом двояким образом.

С одной стороны, централизованное планирование доказало свои преимущества при достижении задач на главном направлении за счет мобилизации всех сил и ресурсов. Проведенная в СССР в кратчайший срок индустриализация страны, создание и поддержание высокого военно-технического потенциала обусловили победу в Отечественной войне и достижение военного паритета с США после войны, а тем самым сохранение мира на планете. Параллельно с этим капитализм в развитых странах перерос в стадию, когда государственное регулирование, основанное на предвидении последствий принимаемых органами государственного управления решений, в том числе в экономике, становится все более масштабным. Государственное регулирование приняло значительные размеры уже во время первой мировой войны, затем оно возобновилось при попытках выхода из “большого” кризиса конца 20-х—начала 30-х годов и во время второй мировой войны. Но именно последние десятилетия характеризуются весьма умелым сочетанием “дирижизма” в руководстве экономическим развитием с распределением произведенного продукта. Так, в Швеции государство отбирает через налоги у граждан до половины доходов, чтобы затем перераспределять средства с целью удовлетворения социальных потребностей. Так называемое социальное рыночное хозяйство не есть “шведский” или иной социализм, но это уже и не “дикий капитализм” с неограниченным господством конкуренции.

С другой стороны, отрицательный результат при доказательстве истины имеет подчас не меньшее значение, чем положительный. Отрицательные стороны всеобъемлющего бюрократического централизованного планирования в СССР доказали, что стихийные моменты, связанные с рыночными отношениями между товаропроизводителями на современной ступени развития производительных сил (тем более в колоссальной по территории и разнообразию условий стране), совершенно необходимы для

установления подлинной потребительной стоимости и поэтому стоимости произведенных товаров и услуг, для регулирования отношений между товаропроизводителями. Начатый поворот к рынку не должен, однако, привести к забвению планового начала. Пока что, на наш взгляд, в ряде бывших республик, и прежде всего в России, складывается обстановка полной разрегулированности отношений между предприятиями и территориями и разгула хищнического первоначального накопления капитала. Необходимость планирования должна быть и будет осознана, но планирование должно стать иным, чем оно было при "развитом социализме". Оно должно определять на какой-то период основные экономические и социальные пропорции, а не устанавливать на год, пять и более лет показатели производства и потребления каждого вида продукции каждым товаропроизводителем.

Развитие человеческой цивилизации к концу XX в. как никогда остро ставит вопрос о внесении разумного начала в управление обществом: в рамках каждого данного общества (государства), в международных отношениях, в глобальном масштабе. Но именно ныне в качестве реакции на социалистические учения и практику планомерного руководства общественными процессами (в том числе на Западе) получили распространение концепции, выступающие *принципиально* против внесения разумного начала в управление обществом.

Типичным представителем этого направления является известный экономист Ф. фон Хайек, подкрепляющий убеждение (заимствованное у А.Смита), что стихия рынка, механизм конкуренции на основе частной собственности наилучшим образом обеспечивают рост экономики и всеобщий интерес, ссылаясь на достижения естествознания в познании самоорганизующихся систем. Общество действительно принадлежит к этому классу систем, но в природе и технических устройствах процессы самоорганизации подчинены определенным объективным законам. А в обществе? Согласно Хайеку, на первых ступенях развития, когда все члены общины друг друга знают, свобода действий индивидов сдерживается инстинктами (это упрощение), но в обществе свободных товаропроизводителей, которые друг друга, как правило, не знают, возникает "расширенный порядок человеческого существования". Здесь свобода воли индивидов ограничивается "правилами поведения", т.е. по сути нормами морали,

которые совершенствуются в ходе “культурной эволюции”. Эти правила поведения автор помещает “между инстинктом и разумом”, и “они не обусловлены ни тем, что именуется иногда бессознательным, ни интуицией, ни рациональным пониманием”. Они берутся из опыта — это все, что может сказать автор о способе действия моральных норм¹⁹. Для Хайека как “откровенного агностика”, последователя Юма вопрос о социальной сущности этих норм не стоит, достаточно того, что правила поведения подлежат естественному отбору и усваиваются в опыте.

Такова философская основа неопозитивистской разновидности иррационализма, который отказывается даже ставить проблему соотношения свободы и необходимости в применении к обществу, предлагая уповать, как А.Смит два века назад, на стихийное развитие капитализма. А то, что оно приводит к разрушению природы, голоду и нищете в странах “периферийного” капитализма, росту опасностей гибели человечества в результате использования новейших видов оружия и т.д., его не беспокоит.

Упомянутая нами ранее конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро констатировала невозможность обеспечить экологическую безопасность планеты в социально несправедливом мире. На церемонии открытия конференции ее генеральный секретарь М.Стронг (Канада) отметил: “Процессы экономического роста, которые порождают беспрецедентный уровень благополучия и мощи богатого меньшинства, ведут одновременно к рискам и дисбалансам, в одинаковой мере угрожающим и богатым, и бедным. *Такая модель развития и соответствующий ей характер производства и потребления не являются устойчивыми для богатых и не могут быть повторены бедными. Следование по этому пути может привести нашу цивилизацию к краху*”²⁰. Наиболее угрожающими факторами являются: прогрессирующее загрязнение и отравление окружающей среды; взрывообразный рост населения в основных регионах “третьего” мира, добавляющий ежедневно четверть миллиона человек, что приводит к расширению зон голода; расширение пропасти между уровнем жизни “золотого миллиарда” и населения наиболее бедных стран до 60:1. В этих условиях формируются две принципиально различные стратегии мирового развития. Ведущие западные страны во главе с США разрабатывают стратегию, которая могла бы позволить им как-то “проскочить”

опасную зону за счет других стран, не поступаясь своим богатством и достигнутым уровнем потребления. На встречах глав семи основных развитых стран и на заседаниях “трехсторонней комиссии” (элита США, Европейского Сообщества, Японии) формируется централизованная система “мондиалистского” управления развитием человечества. Другая концепция, на которой настаивают страны “третьего” мира, демократические силы в странах Запада, а теперь и Россия, быстро превращающаяся в сырьевой придаток Запада и резервуар дешевой рабочей силы, — это концепция *устойчивого социально-эколого-экономического развития*. С ней формально должны были на конференции в Рио-де-Жанейро согласиться и лидеры западных стран (на деле саботируя самое основное в решениях конференции).

На нынешнем поворотном этапе человеческой истории устойчивым может быть лишь такое развитие, которое сознательно направляется людьми как в региональном, так и в глобальном масштабах и которое обеспечивает должный баланс между решением социально-экономических проблем и сохранением окружающей среды, между удовлетворением основных жизненных потребностей нынешнего поколения и сохранением таких возможностей для будущих поколений. Соотношение сил в мире пока таково, что “мондиалистская” концепция в практической политике преобладает. Однако стратегия устойчивого развития определяется исторической необходимостью перехода от техногенного к ноогенному периоду взаимодействия общества и природы (см. об этом гл. I). Гармонизация отношений человека к природе на основе качественного изменения способа производства и потребления предполагает гармонизацию общественных отношений и преодоление отчужденных форм социальности, ориентацию на достижение такого общественного состояния, где свободное развитие каждого явится условием свободного развития всех.

Таким образом, история человечества может и должна быть понята как закономерное прогрессивное развитие, в ходе которого общество восходит от одних ступеней свободы к другим. Возрастание свободы, однако, не может быть понято как уменьшение и тем более исчезновение природной и исторической необходимости, как поглощение необходимости свободой.

К предисловию (с. 3—4)

- ¹ Эйнштейн А. Собр. науч. тр.: В 4 т. М., 1967. Т. 4. С. 310.

К главе I (с. 5—58)

- ¹ Диалог. 1990. № 1. С. 23—24.
² Налетов И. Как быть с исходными принципами? // Общественные науки и современность. 1992. № 1. С. 82.
³ См.: Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. М., 1957. Т. 3; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18.
⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 159.
⁵ Спиноза Б. Избр. произв.: В 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 291.
⁶ См., например: Лейбин В. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М., 1990.
⁷ Фрейд З. Я и Оно // Хрестоматия по истории психологии. М., 1980. С. 186.
⁸ Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1990. С. 97.
⁹ Jung C. G. Psychology and the East. L., 1978. P. 99.
¹⁰ См.: Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение. М., 1988.
¹¹ Гете И. В. Избр. произв. / Пер. Б. Пастернака. М., 1950. С. 438.
¹² Урсул А. Д. Информация // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 217.
¹³ Яковлев А. Н. Предисловие. Обвал. Послесловие. М., 1992. С. 52—55.
¹⁴ Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М., 1983. С. 56.
¹⁵ Вопросы философии. 1963. № 1. С. 36.
¹⁶ Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 287.
¹⁷ Там же.
¹⁸ См.: Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1984.
¹⁹ Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М., 1984. С. 171.
²⁰ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1990. С. 494.
²¹ См.: Общественное сознание и его формы. М., 1986.
²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 545.
²³ Там же. Т. 32. С. 461.

- ²⁴ См.: *Платонов Г.В.* Диалектика взаимодействия общества и природы. М., 1989. Гл. 3.
- ²⁵ *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М., 1988. С.509.
- ²⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.21. С.283.
- ²⁷ *Maritain Y.* The Degress of Knowledge. N.Y., 1959.
- ²⁸ *Pratt J.B.* Personal Realism. N.Y., 1937.
- ²⁹ *Ленин В.И.* Полн.собр.соч. Т.18. С.115.
- ³⁰ См.: *Мельвиль Ю.К.* Пути буржуазной философии XX века. М., 1983.
- ³¹ *Картер Б.* Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии // Космология: теория и наблюдения. М., 1978. С.373.
- ³² См.: *Балашов Ю.В.* Антропные аргументы в современной космологии // Вопр.философии. 1988. № 7.
- ³³ О различии скептицизма и агностицизма см.: *Богуславский В.М.* Скептицизм в философии. М., 1990.
- ³⁴ См.: Кант и кантианцы. Критические очерки одной философской традиции. М., 1978.
- ³⁵ *Рассел Б.* Человеческое познание, его сфера и границы. М., 1957. С.259.
- ³⁶ *Чернышевский Н.Г.* Избр.филос.соч. М., 1956. Т.3. С.541.
- ³⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.3. С.1.
- ³⁸ Там же. Т.23. С.21.
- ³⁹ *Ленин В.И.* Полн.собр.соч. Т.18. С.145.
- ⁴⁰ Там же. Т.29. С.322.
- ⁴¹ Там же. С.195.
- ⁴² *Кант И.* Соч.: В 6 т. М., 1964. Т.3. С.155.
- ⁴³ См.: Коммунист. 1991. № 10. С.15.
- ⁴⁴ *Ленин В.И.* Полн.собр.соч. Т.29. С.194.
- ⁴⁵ Там же. С.195.
- ⁴⁶ *Пуанкаре А.* О науке. М., 1983. С.167.
- ⁴⁷ См.: *Грановская Р.М., Березная И.Я.* Интуиция и искусственный интеллект. Л., 1991. С.169.
- ⁴⁸ *Платон.* Соч.: В 3 т. М., 1970. Т.2. С.135.
- ⁴⁹ См.: *Витаньи И.* Общество, культура, социология. М., 1984. С.72—74.
- ⁵⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.25. Ч.1. С.116.
- ⁵¹ *Гете И.В.* Избр.филос.произв. М., 1964. С.377.
- ⁵² *Garaudy R.* Marxisme du XX-eme siecle. P., 1966.

⁵³ См.: *Анохин П.К.* Избр.труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978.

⁵⁴ *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966. С.308.

⁵⁵ *Гегель Г.* Соч. М.; Л., 1932. Т.10. С.76.

⁵⁶ См.: *Лисичкин В.А.* Теория и практика прогностики. М., 1972. С.29—37.

⁵⁷ Многообразие интересов и механизмы власти. М., 1994. С.22.

К главе II (с. 59—87)

¹ См.: *Любутин К.Н., Пивоваров Д.В.* Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург, 1993. Гл.6—8.

² См.: *Борн М.* Моя жизнь и взгляды. М., 1973. С.151—152.

³ См.: *Чеснокова И.И.* Проблема самосознания в психологии. М., 1977. С.58.

⁴ См., в частности: *Шумилин А.Т.* Отражение и творчество // Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. Т. I: Отражение, познание, творчество. София, 1981. С.583—596.

⁵ *Веккер Л.М.* Психические процессы. Т.3. Л., 1981. С.52—53.

⁶ *Кондаков Н.И.* Логический словарь. М., 1975. С.456.

⁷ См.: *Готт В.С., Землянский Ф.М.* Диалектика развития понятийной формы мышления. М., 1981.

⁸ См.: *Попа К.* Теория определения. М., 1976. С.177—178.

⁹ Там же. С.111—112.

¹⁰ *Рикер П.* Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. С.157.

¹¹ См., в частности: *Ядов В.А.* Два рассуждения о теоретических предпочтениях // Социологический журнал. 1995. № 2. С.70—72.

¹² *Аристотель.* Соч.: В 4 т. М., 1984. Т.4. С.676.

¹³ Швейцарский литературовед Э.Штайгер эпос, лирику и драму соотносит с представлением, воспоминанием и напряжением, считая их основными формами отношения нашего сознания к бытию.

¹⁴ См.: *Шабоук С.* Искусство — система — отражение. М., 1976.

¹⁵ См.: *Шестаков В.П.* Эстетические категории: Опыт систематического и исторического исследования. М., 1983. С.260—287.

¹⁶ *Батте Ш.* Изящные искусства, сведенные к единому принципу // История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли: В 5 т. М., 1964. Т.2. С.381.

¹⁷ *Чернышевский Н.Г.* Полн.собр.соч.: В 15 т. М., 1947. Т.2. С.278.

¹⁸ Чернышевский Н.Г. Полн.собр.соч.: В 15 т. М., 1947. Т.3. С.426.

¹⁹ Там же. С.313.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.29. С.492.

²¹ О социально-историческом содержании нравственных норм см.: Зыбковец В.Ф. Происхождение нравственности. М., 1974; Крывелев И.А. Библия: историко-критический анализ. М., 1982; Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности. М., 1988; Титаренко А.И. Структура нравственного сознания. М., 1974; Петропавловский Р.В. Диалектика прогресса и ее проявление в нравственности. М., 1978.

²² См.: Архангельский Л.М. Курс лекций по марксистско-ленинской этике. М., 1974. С.208.

²³ См.: Хайкин Я.З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. М., 1972. С.45.

²⁴ Дробницкий О.Г. Мораль // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С.387.

²⁵ О специфике мифа см.: Стеблин-Каменский М.И. Миф. Л., 1970; Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. М., 1972; Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983; Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.

²⁶ Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С.291.

²⁷ См.: Леви-Строс К. Структурная антропология. С.201–202.

²⁸ Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С.66.

²⁹ Этиологической (греч. *aitia* — причина) называют функцию мифа, объясняющую первотворение вещей в мифическом времени.

³⁰ См.: Колосницын В.И. Религиозное отчуждение. Свердловск, 1987. С.163.

³¹ О специфике религиозного символа см.: Угринович Д.М. Введение в религиоведение. М., 1985. С.56—58.

³² Раушенбах Б. Религия и нравственность // Знамя. 1991. № 1. С.212.

³³ О разных способах обработки информации каждым полушарием и их взаимодействии, т.е. механизме интуиции, см.: Грановская Р.М., Березная И.Я. Интуиция и искусственный интеллект. Л., 1991.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.514.

³⁵ Раушенбах Б. Указ.соч. С.206.

³⁶ Матвеев В.С. Загадки и резервы психики. Свердловск, 1990. С.211—212.

³⁷ См.: Новый мир. 1989. № 12.

³⁸ Григорьев Е. "Слона"-то проглядели // Правда. 1992. 6 янв.

- ¹ Капица П.Л. Эксперимент, теория, практика. М., 1974. С.80.
- ² Пуанкаре А. О науке. М., 1983. С.41.
- ³ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1959. С.36,61,95.
- ⁴ Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М., 1966. С.153.
- ⁵ О религиозно-философской трактовке соотношения веры и знания см.: Желнов М.В. Критика гносеологии современного неотомизма. М., 1971; Акулинин В.Н. Философия всеединства: от В.С.Соловьева к П.А.Флоренскому. Новосибирск, 1990.
- ⁶ Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1964. Т.3. С.673.
- ⁷ Пришвин М.М. Дорога к другу: Дневники. Л., 1982: С.72.
- ⁸ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 3 т. М., 1980. Т. III. С.178.
- ⁹ См.: Словарь русского языка: В 3 т. М., 1959. Т.III. С.481.
- ¹⁰ См.: Кожин В. Судьба России (раздел "Правда и истина"). М., 1990.
- ¹¹ См.: Джемс У. Прагматизм. Спб., 1910. С.53.
- ¹² Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.29. С.322.
- ¹³ См.: Ракитов А.И. Эпистемическая природа и логическая структура истины в историческом познании // Филос.науки. 1983. № 2.
- ¹⁴ Neki problemi teorije odraza. Bled., 1960.
- ¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. Т.1.
- ¹⁶ Эйсман А.А. Заключение эксперта: (Структура и научное обоснование). М., 1967. С.108.
- ¹⁷ См.: Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. София, 1981. Т.1. С.263.
- ¹⁸ Гегель Г. Система наук. Часть первая. Феноменология духа. Спб., 1992. С.47.
- ¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.42. С.121.
- ²⁰ История и социология. М., 1964. С.334.
- ²¹ Копнин П.В.Диалектика как логика и теория познания.М.,1973. С.200.
- ²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.92.
- ²³ Там же. С.88.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.18. С.139.
- ²⁶ Там же. С.136.
- ²⁷ Там же. С.113.
- ²⁸ Спиноза Б. Избр.произв.: В 2 т. М., 1957. Т.1. С.440.
- ²⁹ Фейербах Л. Избр. филос.произв.: В 2 т. М., 1955. Т.1. С.266.

³⁰ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.29. С.302.

³¹ Там же. С.172.

³² Там же. Т.18. С.145—146.

К главе IV (с. 127—142)

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.1.

² Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.29. С.173,193.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С.566.

⁴ См.: Ярошевский Т. Размышления о практике. М., 1976. С.82.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.189.

⁶ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.41. С.302.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.2. С.33.

⁸ Там же. Ч.1. С.483—484.

⁹ См.: Санто Б. Инновация как средство технического развития. М., 1990. С.83.

К главе V (с. 143—168)

¹ Плеханов Г.В. Избр. филос. произв.: В 5 т. М., 1957. Т.3. С.43.

² Философский словарь /Под ред. Шмидта. М., 1961. С.523.

³ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.18. С.198.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.116.

⁵ Мунье Э. Персонализм. М., 1992. С.80.

⁶ См.: Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1964. Т.3. С.661.

⁷ Грамши А. Избр. произв.: В 3 т. М., 1959. Т.3. С.53.

⁸ См.: Мысливченко А.Г. Феномен внутренней свободы // О человеческом в человеке. М., 1991.

⁹ Кант И. Указ.соч. Т.4. С.270.

¹⁰ См.: Правда. 1991. 14 июня.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.44—45.

¹² Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.18. С.345.

¹³ См.: Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. М., 1956. Т.2. С.323.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.496.

¹⁵ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.18. С.197.

¹⁶ Там же. Т.29. С.170.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.358.

¹⁸ Там же. С.359.

¹⁹ См.: Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма. М., 1992. С.44,239 и др.

²⁰ Цит. по: Закономерности социального развития: ориентиры и критерии моделей будущего. Ч.1. Новосибирск, 1994. С.5.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.	3
ГЛАВА I. СОЗНАНИЕ И ПОЗНАНИЕ.	5
1. Сознание и бытие	5
2. Познание как отражение объективного мира	26
3. Творческий характер отражения	39
ГЛАВА II. СУБЪЕКТИВНОЕ И ОБЪЕКТИВНОЕ В ОБРАЗЕ	59
1. Образ как гносеологическая категория	59
2. Основные виды субъективных образов объективного мира	69
ГЛАВА III. ИСТИНА И ЕЕ ПРОВЕРКА	88
1. Истина и заблуждение как гносеологические категории	88
2. Истина как процесс. Истина относительная и абсолютная	104
3. Всеобщность и диалектический характер критерия практики	113
ГЛАВА IV. ПРАКТИКА И ПОЗНАНИЕ	127
1. Практика как материальная целенаправленная деятельность	127
2. Единство практики и теоретического познания	134
ГЛАВА V. НЕОБХОДИМОСТЬ И СВОБОДА	143
1. Свобода и необходимость как философские категории	143
2. Превращение необходимости в свободу	154
ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	169

**Лойфман Исаак Яковлевич
Руткевич Михаил Николаевич**

ОСНОВЫ ГНОСЕОЛОГИИ

**Редактор Р.Н.Кислых
Технический редактор Э.А.Максимова**

ЛР № 020257 от 10.10.91

Подписано в печать 09.09.96. Формат 60 х 84 1/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать офсетная.
Уч.-изд.л. 9,49. Усл. печ.л. 10,23. Тираж 1000 экз. Заказ 723
Уральский государственный университет им. А.М.Горького.
Екатеринбург, пр.Ленина, 51.

Типолаборатория УрГУ. Екатеринбург, пр.Ленина, 51.